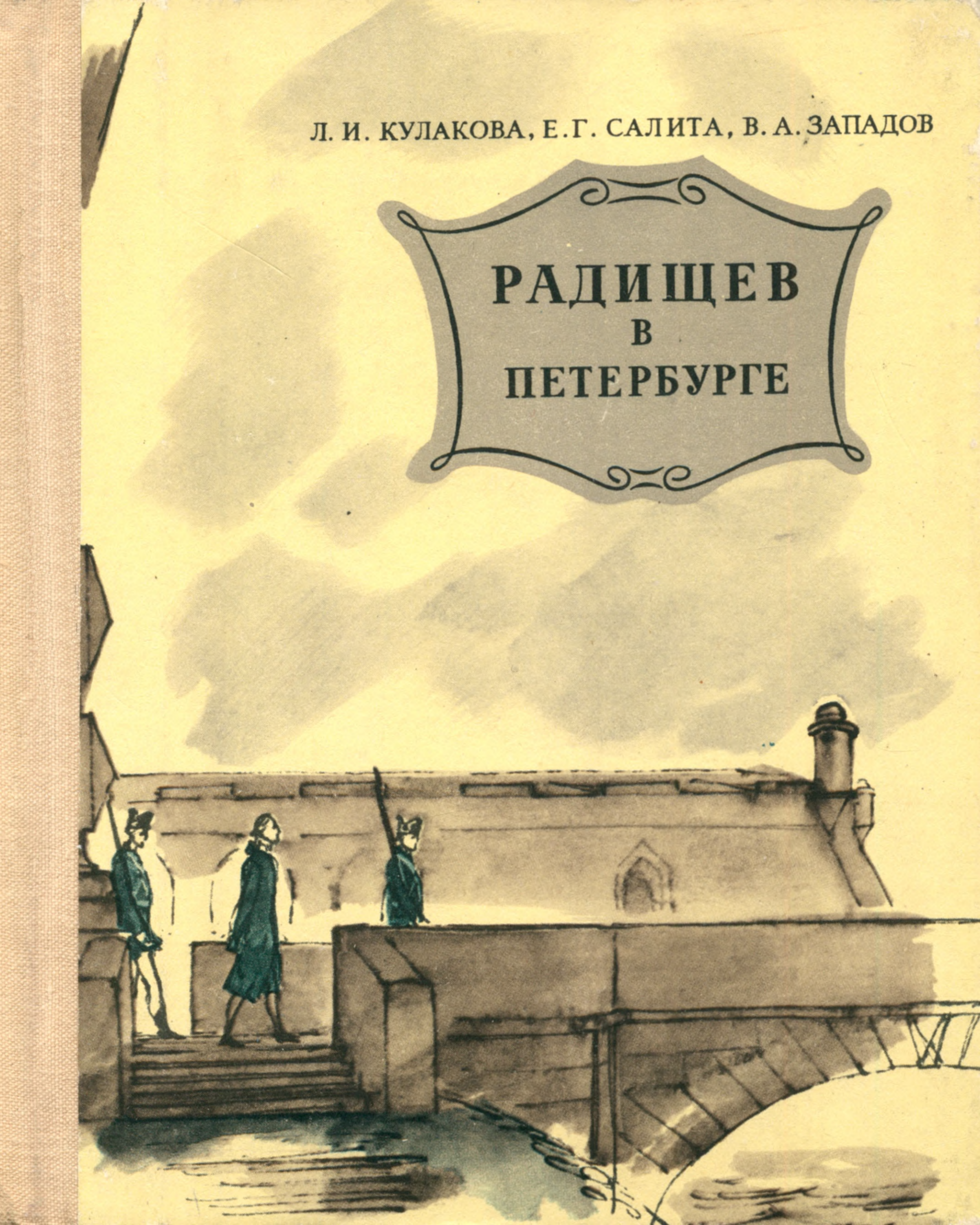
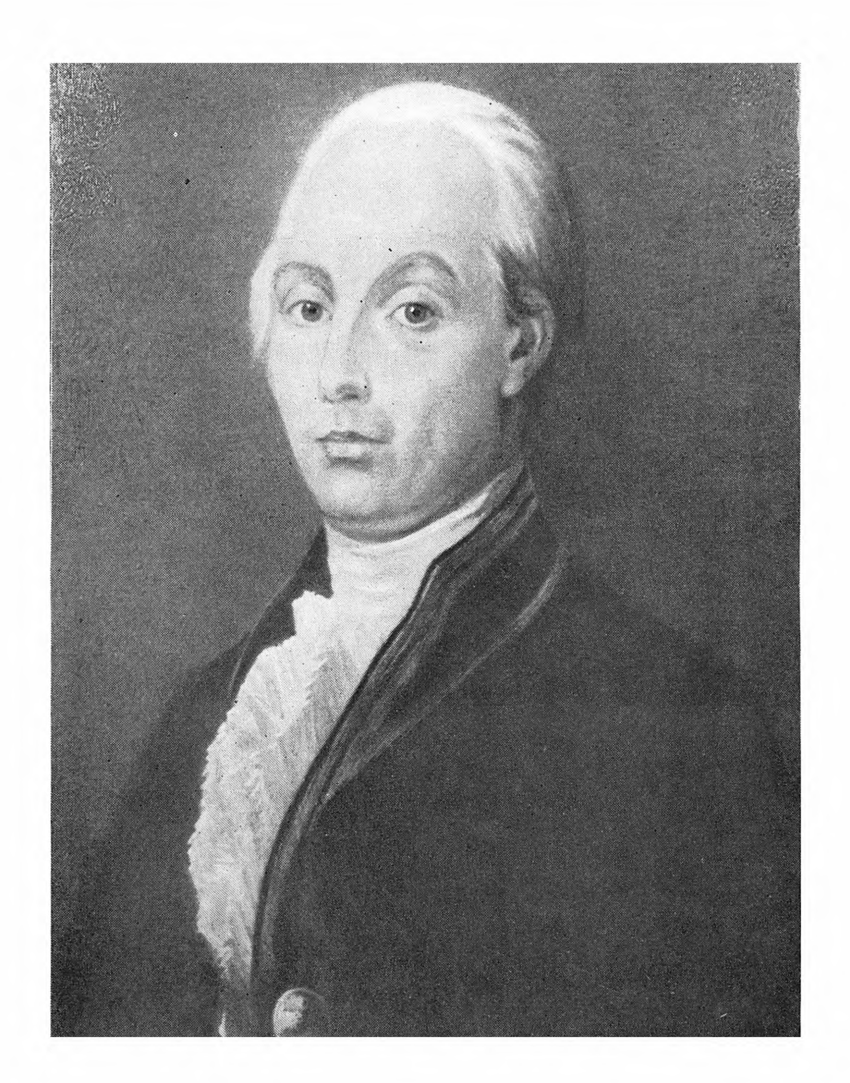

Л. И. КУЛАКОВА, Е.Г. САЛИТА, В. А. ЗАПАДОВ

Л. И. КУЛАКОВА, Е. Г. САЛИТА, В. А. ЗАПАДОВ

РАДИЩЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ

ЛЕНИЗДАТ · 1976

К 90
8 Р (069)

Книга посвящена важнейшим страницам биографии первого русского революционного мыслителя А. Н. Радищева, его литературному творчеству. Читатель узнает, как создавал писатель свое гениальное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», какие жизненные наблюдения легли в его основу, познакомится и с другими трудами А. Н. Радищева.

В книге также освещены многие интересные страницы истории нашего города, жизнь и деятельность выдающихся представителей русской культуры второй половины XVIII века.

К $\frac{20904-017}{М\ 171(03)-76}$ 87–76

В статье «О национальной гордости великороссов» (1914 г.) В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».

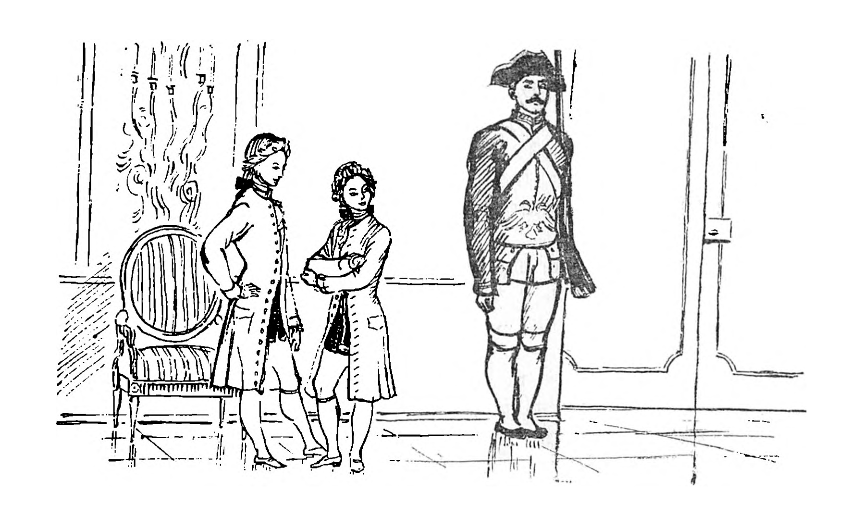
Большая часть жизни Александра Николаевича Радищева (1749—1802), чье имя неразрывно связано с русским революционным движением, приходится на годы царствования императрицы Екатерины II (1762—1796), много сделавшей для укрепления российского самодержавия. В это время неизмеримо возросло угнетение крепостного крестьянства, за счет которого жило дворянство — главная опора трона,— окончательно превратившееся при Екатерине из служилого сословия в привилегированное.

Радищев первым в России осознал коренные противоречия самодержавно-крепостнического строя и стал на сторону угнетенного народа. Как зачинатель русской революционной поэзии он выступил в оде «Вольность», как мыслитель-революционер он предстает и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и в

«Письме к другу, жительствующему в Тобольске», и в других сочинениях. Однако с наибольшей силой ненависть писателя к самодержавию и крепостничеству выразилась в «Путешествии из Петербурга в Москву» — произведении, которое раз и навсегда определило место Радищева в истории русского революционного движения и в истории русской литературы. «Путешествие» вобрало в себя весь разнообразный жизненный опыт писателя, отразило поистине энциклопедический характер его знаний и интересов, подытожило тридцатилетние наблюдения и размышления над самыми разными сторонами российской действительности, событиями мировой и русской истории.

Родился Радищев не в Петербурге, но большая часть его сознательной жизни прошла именно здесь. В Петербурге протекала вся служебная деятельность Радищева, с ним связаны важнейшие страницы его творчества. В этом городе Радищев пережил и самые радостные, и самые трагические дни.

О жизни Радищева в Петербурге, о городе тех лет, о петербургском обществе, с различными кругами которого писатель был связан, о быте и культуре Петербурга — среде, в которой сформировался и творил великий писатель-революционер, — и рассказывает эта книга.

ПАЖ ИМПЕРАТРИЦЫ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Хлопотливым для жителей российской столицы выдался июнь 1763 года. На 28-е число, когда исполнялась годовщина свержения императора Петра III и воцарения его жены Екатерины Алексеевны — Екатерины II,— были назначены большие торжества: императрица возвращалась из Москвы, куда она ездила на коронацию.

Хлопоты начались гораздо раньше: город не отличался особой опрятностью, и надлежало вычистить хотя бы те улицы, по которым пройдет триумфальная процессия. Следовало заранее объявить, чтобы никто в праздничный день не дерзнул появиться на этих улицах в темном платье или серых посконных руба-

хах — обычной одежде бедноты. Надо было подготовиться к фейерверку и иллюминации, сочинить приветственные речи. Словом, у городских и правительственных учреждений, учебных заведений, придворной конторы, воинских частей забот хватало.

Вся торжественная церемония была расписана буквально по минутам. Из Царского Села, где остановилась императрица, процессия в строго определенном порядке тронулась с таким расчетом, чтобы прибыть к семи часам вечера к границе города, которая проходила по Фонтанке.

Днем 28 июня более одиннадцати тысяч солдат и офицеров выстроились на улицах столицы. Они стояли в две шеренги от Летнего дворца (находился на месте Инженерного замка) до Невской першпективы, затем от Аничкова дворца до деревянного Зимнего дворца, вдоль Большой Морской (ныне улица Герцена), по Средней першпективе (ныне улица Дзержинского), вдоль Большой Садовой улицы до Сенного рынка, по Обуховской улице (ныне Московский проспект) до моста через Фонтанку.

По случаю торжеств Петербург принарядился. Улицы были вычищены. Дома состоятельных владельцев украшены коврами, шелками и сукнами. В лучших своих одеждах (обязательно в цветных или белых) теснились на дощатых тротуарах жители.

В семь часов вечера, по сигналу, данному тремя пушками, в Петербургской (Петропавловской) и Адмиралтейской крепостях грянул салют из ста сорока одного орудия. Во всех церквах зазвонили колокола: столица приветствовала «перешествие» императрицы через Обухов мост и вступление ее в черту города.

От Фонтанки под перезвон колоколов началось торжественное шествие. Возглавлял процессию петербург-

ский генерал-полицеймейстер, за ним гарцевал отряд конной гвардии в двадцать четыре человека. Затем в коляске, которую везли три пары лошадей, запряженных цугом, ехал обер-церемониймейстер с церемониальной тростью в руке и за ним в такой же коляске обер-гофмаршал с гофмаршальской тростью. Далее одна за другой следовали шесть карет, в которых сидели два лейб-медика и семь вельмож. На облучке каждой кареты и на запятках находилось по два гайдука и по четыре лакея в богатой парадной ливрее.

Придворный литаврщик и трубачи на конях открывали центральную часть шествия. Опять церемониймейстерская и гофмаршальская кареты, штат придворных лакеев, скороходы, пажи, среди которых был и юный Александр Радищев.

Наконец, в золоченой карете, запряженной восемью лошадьми,— сама Екатерина II, в подбитой горностаем мантии, в платье из серебряной парчи, затканном двуглавыми орлами, и специально для нее переделанной короне, сверкающей пятью тысячами алмазов и жемчугов. Рядом с государыней худенький мальчик с некрасивым нервным лицом — наследник престола Павел Петрович.

По правую сторону кареты еще ловко держался в седле семидесятилетний фельдмаршал граф Александр Бутурлин, по левую — гарцевал острослов и весельчак обер-шталмейстер Лев Нарышкин. Позади кареты — верхом камер-пажи, за ними под предводительством фаворита императрицы графа Григория Орлова — команда кавалергардов. Далее — шесть карет со статс-дамами и фрейлинами. Отряд конной гвардии в двадцать четыре человека завершал шествие.

Голубоватые сумерки — предвестники петербургской белой ночи — чуть приглушали блеск драгоцен-

ных камней, яркость мундиров, переливающихся всеми цветами радуги тонких шелков и тяжелой парчи. Процессия двигалась медленно (петербуржцы должны были видеть милостивые улыбки императрицы) и часто останавливалась: государыню приветствовали начальники учреждений, учебных заведений. Подъехав к церкви Рождества пресвятой богородицы, которую называли также Казанской церковью (название шло от иконы, подаренной императрицей Анной Иоанновной), Екатерина II и наследник вышли из коляски и «в предшествии всего освященного собора духовенства» направились в храм.

«В этот момент,— рассказывал очевидец,— стоящие по обеим сторонам церковных ворот на покрытых красным сукном возвышениях Невского монастыря семинаристы, в белом одеянии, держащие в руках зеленые ветви, пели ее императорскому величеству похвальную песнь».

Под звуки той же песни государыня вышла из церкви.

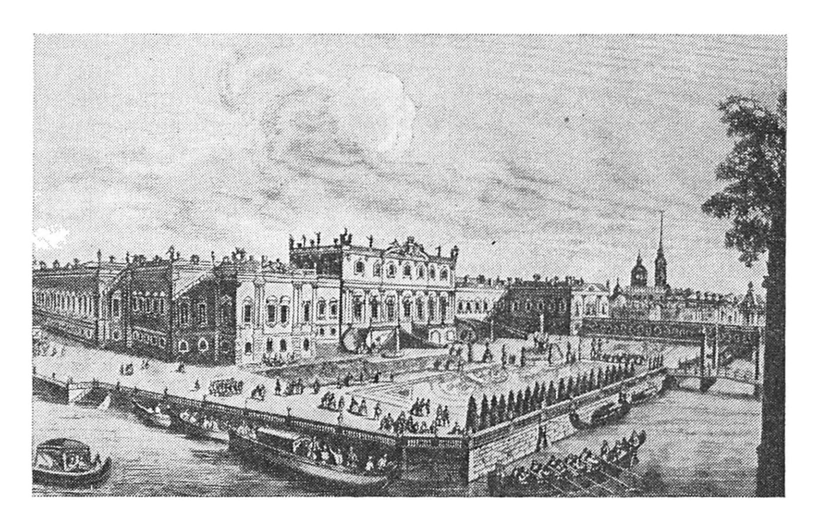
В честь союза самодержавия и церкви грянул второй салют, уже из ста шестидесяти девяти пушек.

Возле Аничкова дворца процессия свернула налево к Летнему дворцу.

Все было рассчитано точно. У дворца уже ожидали послы иностранных держав и кавалеры российских орденов в орденском платье и епанчах. Сходили с карет и учтиво склонялись «ехавшие впереди в церемонии персоны», приседали в низком реверансе дамы.

Салют из двухсот одной пушки возвестил о прибытии государыни в Летний дворец.

После ужина, около полуночи, императрица и приближенные вышли в специально построенную на берегу Невы галерею для «смотрения» иллюминации и грандиозного фейерверка.

Летний дворец Елизаветы Петровны.
Гравюра А. А. Грекова по рисунку М. И. Махаева. XVIII в.

...С этого дня началась петербургская жизнь пажа Александра Радищева.

ПАЖЕСКИЙ КОРПУС

Должность пажа впервые была введена при Петре I. До этого государям прислуживали отроки из боярских семей.

Малолетние пажи зачастую отличались невежеством, что, впрочем, не мешало им кичиться знатностью и богатством. Об их учебе заботились мало. Только в последние годы царствования Елизаветы правительство решило, что негоже иметь пажами юношей малограмотных, не знающих хороших манер. Императрица

повелела создать Пажеский корпус. В 1759 году Иван Иванович Шувалов, просвещенный вельможа, много сделавший для организации Московского университета и Академии художеств, поручил своему секретарю барону Чуди подготовить проект статуса Пажеского корпуса. Проект должен был предусматривать не только службу молодых людей при дворе, но и их учебу и воспитание.

Чуди (или, как писали в XVIII веке, Шуди) — весьма колоритная фигура. Швейцарец, он жил во Франции. За резкую статью против гонений папы на французских масонов был приговорен к заключению в Бастилию, бежал в Россию, где назывался то собственным именем, то жил под псевдонимом шевалье де Люси. Есть сведения, что он был домашним секретарем баронов Строгановых в Москве, затем будто бы подвизался в театре французской комедии в Петербурге, откуда и попал к Шувалову.

Чуди переводил на французский язык материалы для Вольтера, работавшего над «Историей Петра Великого». Он издавал журнал «Caméléon littéraire» («Литературный хамелеон»), где также печатались материалы о Петре I. В газетах 1755 года сообщалось, что он «выдал недавно книгу под названием „Le Philosophe un Parnasse russe"» («Философ на русском Парнасе»).

Автор книги об истории Пажеского корпуса Г. А. Милорадович не без основания называет созданный Чуди проект «памятником педагогики гуманной». Основой воспитания Чуди считал принцип доверия наставников к воспитанникам и равенство питомцев: «Равенство мать премудрости». В связи с этим Чуди предложил заменить личных слуг пажей казенными, поселить учащихся и воспитателей в одном доме.

Ежедневное пребывание во дворце, писал Чуди, лишает пажей возможности учиться: пробыв до двух-трех часов ночи во дворце, молодые люди не могут являться на уроки к семи утра, а затем вновь идти на дежурство. Поэтому, настаивал он, следует разделить пажей на чередующиеся группы, одна из которых дежурит во дворце, другая учится.

Предложения швейцарца легли в основу обстоятельной инструкции, подписанной гофмаршалом Сиверсом 30 сентября 1759 года. 25 октября Пажеский корпус был учрежден.

Собственной прислуги пажей не лишили, но количество ее сократили. Дежурили пажи через день под руководством камер-пажей (старших пажей, прислуживавших лично императрице). В особо торжественные дни пажи являлись во дворец во главе с начальником корпуса.

В свободные от дежурства дни надлежало следить, чтобы «оные пажи по малолетству без наук время напрасно не теряли». Для этого приглашались учителя иностранных языков, геометрии, географии, истории, «битья на рапирах», танцев. За соблюдением молитв, постов следили воспитатели. На церковные службы и исповедь пажи ходили в придворную церковь.

Инструкция подробно определяла быт пажей (стол, отопление, освещение, бумага, чернила, стирка, врачебная помощь). Излагалась в ней и система воспитания, чтобы как при дворе, так и вне его пажи были «в чистоте и исправности... и никаких непристойных поступок и резвостей и ни над кем насмешек не чинили... кушанья, конфет и прочего не брали».

В случае проступка полагалось наказание (выговор Чуди или штраф, который налагала Придворная контора). Но всегда рекомендовалось «поступать скромно и неогорчительно, как с честными дворянами надле-

жит». Телесные наказания в Пажеском корпусе отвергались уставом, а позже именной указ Екатерины II категорически запретил бить даже ливрейных служителей любого ранга.

Новый распорядок систематизировал учение пажей. Чуди сам подбирал учителей. Но вскоре, по неизвестным причинам, он отстранился от дел и, чем-то недовольный, уехал из России. Руководителем корпуса назначили составителя «Лексикона российского и французского» Иоганна Литхена (в бумагах он именуется профессором). В 1762 году его заменил бывший актер французской комической труппы Морамберт. Через три месяца эта должность была передана Францу Ротштейну, который семнадцать лет руководил корпусом. Морамберт остался здесь учителем. Имен других наставников мы не знаем, но Ротштейн и Морамберт были воспитателями Радищева с 1763 года.

В 1765 году более серьезный план обучения пажей составил академик Г. Ф. Миллер. План утвердили: в корпусе обучали математическим и военным наукам, философии, морали, естественному и народному праву; преподавали историю, географию, генеалогию и геральдику, юриспруденцию и государственный церемониал; обучали русскому языку и каллиграфии. Не были забыты верховая езда, танцы, фехтование.

При изучении русского языка, помимо грамматики, учащихся знакомили с произведениями лучших писателей, дабы научить «сочинению коротких и по вкусу придворному учрежденных комплиментов». Латинский язык пажи должны были усвоить хотя бы поверхностно, «ибо быть в оном совсем несведущу... непристойно благородному человеку».

Особое внимание Миллер уделил нравственному воспитанию. Он предложил ввести специальные уроки

«для морали», читать ежедневно главу какой-нибудь нравоучительной книги и обо всем, что прочитано, «делать нравоучительные рассуждения».

Неизвестно, насколько содержательны были «душеспасительные» беседы и какое влияние оказали на пажей евангельские притчи, но какие-то основы знаний и нравственного воспитания юноши получили.

Пажеский корпус размещался сперва в старом доме адмирала Крюйса, неподалеку от Зимнего дворца. Дом был ветхий, и пажей перевели в помещение придворных кондитерских. Где находился корпус после возвращения с коронации, неясно. Одни исследователи считают, что в том же доме Крюйса. Другие называют полуразрушенный дворец Петра I у Зимней канавки. Г. А. Милорадович, изучавший историю корпуса по документам, утверждает, что под корпус отдали часть деревянного Зимнего дворца. Этот дворец, выстроенный Растрелли в 1755 году как резиденция императрицы Елизаветы Петровны, занимал участок от Мойки и почти до нынешней улицы Гоголя (дома № 11, 13 и 15 по Невскому проспекту), значительно простираясь в глубину до Кирпичного переулка. Дворец был красив, наряден, хотя и состоял из объединенных между собой различных построек. В 1757 году к нему пристроили театр. Все это было окружено садом. После переезда Петра III в новый Зимний дворец, возведенный Растрелли на берегу Невы, часть деревянного здания, мешавшая движению по Большой Морской (ныне участок улицы Герцена от Кирпичного переулка до Невского проспекта), была сломана. Другие флигеля сносились позже и в разное время. В каком флигеле находился Пажеский корпус, неизвестно.

Александр Радищев был зачислен в корпус 25 ноября 1762 года еще в Москве, когда там находились императрица Екатерина II и царский двор в связи

с коронационными торжествами, которые длились девять месяцев. Было ему тогда тринадцать лет; последние шесть он прожил в Москве, у родственника по материнской линии Михаила Федоровича Аргамакова. Учился частным образом у лучших университетских учителей и профессоров. Отец Александра, саратовский помещик Николай Афанасьевич Радищев, не жалел средств для воспитания сына.

Жили пажи по два-три человека в комнате. Радищева поселили вместе с Алексеем Кутузовым. Сын капитана лейб-гвардии Преображенского полка, потомок древней дворянской фамилии, ведущей свою родословную с XIII века, Кутузов был зачислен в пажи 1 января 1762 года.

В этот день стал пажом и сын отставного воронежского секунд-майора Петр Челищев. Род Челищевых также восходил к XIII веку. Особенно хорошо известен в истории предок Челищевых — сподвижник Димитрия Донского Михаил Бренко (Бренок), героически погибший на поле Куликовом в 1380 году. Но юноша едва ли вспоминал далеких предков: слишком свежо было постигшее его семью горе. В 1757 году в течение месяца умерли его мать, брат и сестра. Отец заболел, впал в отчаяние, подал в отставку, хотел постричься в монахи. Отставку задержали на три года. По настоянию родных он женился вторично, но религиозные настроения не оставили его. Петра Челищева в Пажеский корпус устроили влиятельные родственники.

3 июня 1762 года пажом стал Андрей Рубановский, младший брат придворного летописца Василия Рубановского, который с 1758 года по ноябрь 1764 года вел камер-фурьерский журнал — официальный дневник жизни двора.

Радищев, Челищев, Кутузов сдружились на всю жизнь. Хотя молодые люди стали пажами в разное

время, каждому из них пришлось приносить клятву, специально сочиненную для вступающих в корпус: «Ее императорскому величеству верным и добрым рабом быть... и о всем, что величеству, к какой пользе или вреду казаться может, по лучшему разумению и крайней возможности всегда тщательно доносить... и что мне поверено будет со всякою молчаливостию тайно содержать... и о том, что при дворе происходит и я вижу и слышу, токмо тому, кто об этом ведать должен,— иным никогда ничего не сказывать и не открывать».

После этого вновь зачисленный паж получал форменную одежду — зеленые штаны и зеленый кафтан с красными обшлагами, красный камзол с позолоченными пуговицами, обшитую позументами треугольную «пуховую» (т. е. фетровую) шляпу, епанчу из красного сукна, шелковые пунцовые или белые чулки. По особо торжественным дням выдавалась хранившаяся в гардеробной парадная форма: бархатный кафтан и штаны, парчовый камзол.

Получив форму, паж приступал к службе и мог убедиться, что клятву он давал не зря: во дворце ему действительно приходилось видеть и слышать многое, не подлежащее оглашению.

ВО ДВОРЦЕ

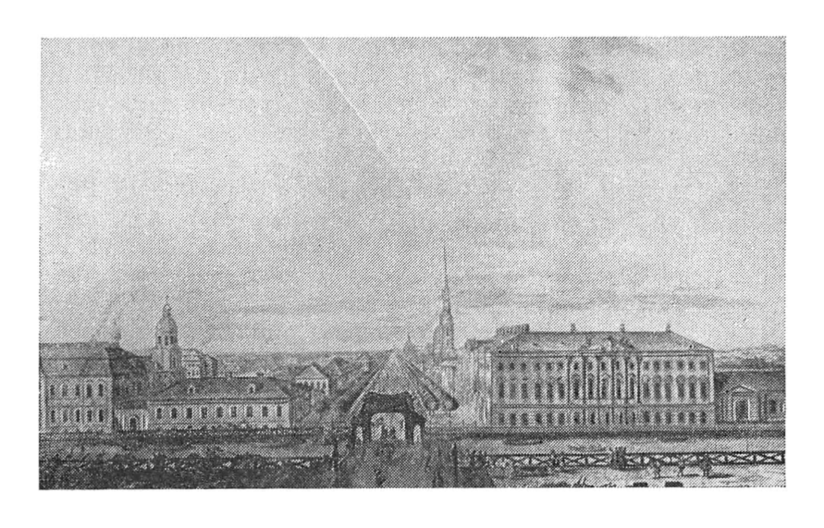
На дежурство во дворец пажей доставляли в колясках. Но иногда молодые люди ходили пешком. Их путь лежал по Невскому проспекту. Миновав Зеленый мост через Мойку (позже Полицейский, ныне Народный), пажи оказывались у одного из самых красивых петербургских зданий — у дворца владельцев уральских заводов вельмож Строгановых (Невский, 17). Выстроил его Растрелли в 1754 году.

Напротив дворца, по другую сторону Невского, у Мойки доживал последние дни одноэтажный дом петровского времени, принадлежавший когда-то первому «генерал-архитектору» Петербурга Ж.-Б. Леблону. Неподалеку, вдоль Мойки, виднелось здание главной полиции. На Невской першпективе, между Большой и Малой Конюшенными улицами (ныне улица Желябова и улица Софьи Перовской), находилась построенная в 1730-е годы лютеранская церковь, или, как тогда ее называли, «кирка на Першпективе». Перед ней, по красной линии, стояли два симметрично расположенных дома (Невский, 22 и 24, перестроены в 1830-х годах и надстроены в 1910 г.).

Идя по стороне, где был дом Строганова, юноши оказывались около трактира, который содержал плутоватый француз Мишель (точно указать участок дома нельзя, ибо изменилось и количество домов и их границы). С французом не без успеха соперничал отечественный кухмистер Никита Шестаков, ставший через двадцать пять лет составителем меню придворной кухни Павла I.

Далее пажи проходили мимо дома на углу Большой Мещанской (улица Плеханова; ныне участок дома № 25 на Невском проспекте), который принадлежал детям одного из виднейших строителей Петербурга — Петра Еропкина (казненного за участие в заговоре против Бирона в 1740 г.).

Чуть отступя от Невской першпективы стояла уже упоминавшаяся церковь Рождества пресвятой богородицы. Выстроенная в 1739 году архитектором Михаилом Земцовым, она напоминала Петропавловский собор. Ее высокая колокольня и шпиль долгое время украшали силуэт города. Миновав ее, пажи останавливались, чтобы посмотреть, как возводится каменный мост через Кривушу (ныне канал Грибоедова). Пере-

Невский проспект от реки Мойки.
Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева, исправленная и дополненная Е. Т. Внуковым. 1761 г.

бравшись на другой берег по деревянному настилу, они попадали в шумный район лавок купца Милютина (Невский, 29—31) и многочисленных деревянных лавок и лавчонок, теснившихся неподалеку от строившегося Гостиного двора.

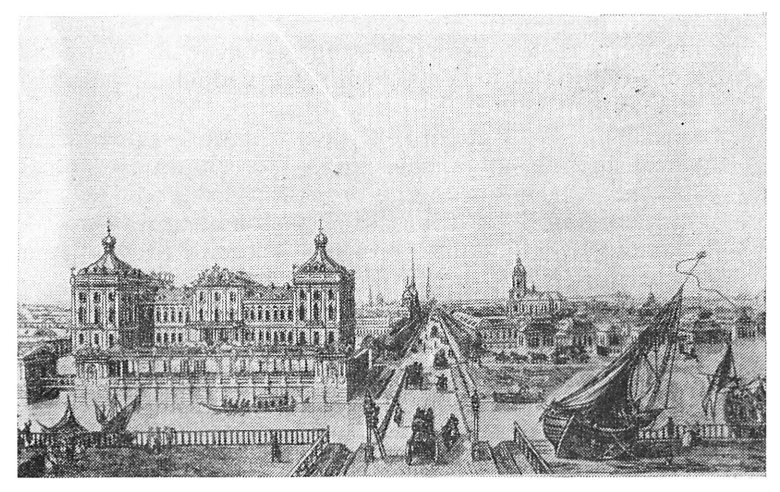
Шумно было и на противоположной стороне. По красной линии там стояли два трехэтажных дома с открытыми аркадами (ныне 32 и 34; перестроены и надстроены). Здесь помещались «нирнбергские» лавки, где бойко торговали галантерейными товарами иноземные, а позже и русские купцы. Между домами, в глубине участка, начиналось строительство католического костела.

Перейдя Садовую улицу, пажи оказывались возле каменной ограды, за которой виднелся сад с аллеями, цветниками, беседками, фонтанами, прудом, искусственными возвышениями и гротами. Сад примыкал к Аничкову дворцу.

Начатый в 1741 году Земцовым, законченный Растрелли трехэтажный Аничков дворец был построен для Елизаветы Петровны и являлся одним из первых парадных зданий Петербурга, образцом дворца-усадьбы. Он возвышался над другими строениями. Украшенные позолоченным рельефным орнаментом серебристые купола, венчавшие крылья главного фасада, были видны издали. Большой парадный двор доходил до Фонтанки и завершался открытой галереей с колоннами. Во дворе перед домом был большой бассейн, куда заходили с реки ботики и шлюпки. С Невской першпективы на парадный двор можно было попасть через ворота, украшенные раззолоченными вензелями. Для этого надо было перейти мостик, перекинутый через канал, отделявший каменную ограду от улицы. В 1760-е годы в этом здании доживал свой век граф Алексей Разумовский, тайный морганатический муж императрицы Елизаветы Петровны, которому она подарила этот дворец.

Пустовал и сад. Он оживлялся лишь изредка, по вечерам, когда заезжие гастролеры выступали в построенном в нем одноэтажном театре.

О временах Елизаветы напоминала и другая сторона Невского. От Садовой до нынешней Малой Садовой находились сад и окруженный галереями парадный двор. В саду стоял построенный в 1750-х годах Александром Кокориновым великолепный особняк, украшенный резьбой и ажурной лепкой, похожей на дорогие кружева. Владельцем дворца и усадьбы был И. И. Шувалов, фаворит Елизаветы Петровны, смени-

Аничков дворец.
Гравюра Нике по рисунку М. И. Махаева. XVIII в.

вший Разумовского. После коронации Екатерины II он уехал за границу и вернулся в Россию лишь через пятнадцать лет. В конце 1770-х годов участок разделили на четыре части: одна осталась за Шуваловым, остальные перешли в казну. Малую Садовую сперва называли Шуваловским переулком, а позже Овощным, так как тут размещались зеленные лавки.

Против ворот Аничкова дворца начиналась Першпективная дорога (ныне улица Толмачева), заканчивавшаяся у ограды третьего Летнего дворца (первый дворец, сохранившийся до наших дней в Летнем саду, был сооружен для Петра I; второй, возведенный для Анны Иоанновны, находился там, где стоит изумительная решетка Летнего сада,— у впадения в Неву

Лебяжьей канавки). За оградой — площадь, примыкавшая к третьему Летнему дворцу, который по праву считался одним из самых изящных творений раннего Растрелли.

С октября 1763 года дежурства пажей проходили в Зимнем дворце, куда переехала Екатерина II.

«Лакеям же при столе не стоять, а быть только для ношения кушаний к столу до столовой комнаты»,— гласил указ Придворной конторы. У стола государыни стояли камер-пажи, около ближайших придворных — пажи. Они подавали принятую от лакеев еду и напитки, меняли тарелки, стараясь не разбить хрусталь и фарфор, не звенеть серебряной и золотой посудой, ходить бесшумно, говорить тихо даже в соседней комнате.

Пажи присутствовали на еженедельных куртагах (приемах) и балах. В эти дни они дежурили по двое у дверей внутри галереи, где проходил бал, и через гайдуков, стоявших по другую сторону двери, передавали камер-лакеям то, что было приказано.

Пажи открывали перед императрицей двери, следовали за свитой во время пешеходных прогулок по Петербургу, в Царском Селе, Петергофе, сопровождали государыню во всех дальних путешествиях.

Выполняя немудреные обязанности, пажи слышали галантные шутки, непристойные остроты и анекдоты. На свадьбах фрейлин и кавалеров, которые праздновались при дворе, юноши не раз видели, как сановники империи цинично заключали пари: кто из мужей раньше других станет рогоносцем. Пажи были свидетелями того, как меняются лица и сгибаются фигуры при появлении императрицы, как лгут и льстят ей.

Александр Радищев запомнил увиденное на всю жизнь.

При дворе можно было услышать иногда и правдивые речи. Говорили о воеводах, обирающих города, о худом управлении в Академии наук, о причинах медленного развития ремесел и искусств, о повальном взяточничестве.

«Да где ж у нас возьмешь такого человека, чтоб данной ему власти во зло не употребил!» — пессимистически заметил А. С. Строганов, беседуя с наследником.

Народ либо бунтовал, либо засыпал императрицу челобитными, в которых перечислялись бесчисленные «обиды и мучения», причиняемые помещиками, заводчиками, лихоимцами. В ответ на это последовал указ, запрещающий «утруждать государыню челобитными во время прибытия ее в Петербург».

Для укрепления своих позиций Екатерина использовала группировки, враждовавшие между собой. Она ездила в Сенат, выслушивала речи, улыбалась, но была убеждена, что только при попустительстве ее предшественников Сенат присвоил власть, нарушающую прерогативы монарха, и постепенно ограничивала его права. Правда, сенаторы с трудом привыкали «к порядку», многие хотели бы оставить все по-прежнему, но императрица решительно заявила: «Пока я жива, то останется как долг велит». А долг ей велел — укрепить власть государя, смотреть вокруг «недреманным оком», ибо лишь государь думает обо всех, а другие «по слову евангельскому, наемники есть». Так писала Екатерина в «Секретнейшем наставлении» князю А. А. Вяземскому, назначенному в 1764 году генерал-прокурором Сената.

В первых манифестах дворцовый переворот изображался как акт милосердия по отношению к подданным, страдавшим от деспотизма Петра III: «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми

качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною».

Через четыре года в «Наказе» Комиссии по составлению нового Уложения Екатерина, перефразируя Монтескье, заявила, что такое пространное государство, как Россия, может быть только самодержавным: «Всякое другое правление не только было бы России вредно, но вконец разорительно». Цель самодержавия — «слава граждан, Государства и Государя... От сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который... может произвести столько же великих дел и столько споспешествовати благополучию подданных, как и самая вольность».

Так «подправлялась» просветительская терминология. Гарантией вольности оказывались не законы, ограничивающие произвол, о чем писали Монтескье и Вольтер, а только личные качества государя.

Екатерина II стремилась доказать, что не кровь и род, а ум, значительность личности, характер делают ее законной преемницей Петра Великого. Поэтому она не столько подражала тем, кто царствовал после Петра I, сколько подчеркивала свое отличие от них. Она вставала в шесть часов утра, просматривала бумаги. В восемь являлись секретари, вельможи... После краткого послеобеденного отдыха почти ежедневно предпринимала поездку, с чем-то знакомилась, интересовалась разными областями жизни страны.

О своем распорядке дня она сообщала иностранным корреспондентам, не устававшим дивиться энергии русской государыни. Журналы дежурных генерал-адъютантов, указы, камер-фурьерские журналы подтверждают, что жизнь императрицы в первые годы царствования была действительно деятельной, что не могло не производить впечатления на окружающих.

Кроме того, в эти же годы был подтвержден указ Петра III об уничтожении ненавистной всем Тайной канцелярии. Изданы указы об «уменьшении роскоши» дворян и купцов, об учреждении в Москве первого в России Воспитательного дома с госпиталем для «бедных родильниц», о создании дома для умалишенных. Положено начало образованию женщин (Смольный институт). Организовано Вольно-экономическое общество.

Началась подготовительная работа Комиссии по составлению нового Уложения.

Стремясь завоевать авторитет у европейских философов, Екатерина предложила печатать в России запрещенную во Франции «Энциклопедию», оказывала материальную помощь Дидро, переписывалась с французскими просветителями. Все это и создавало тот образ просвещенной, умной, деятельной государыни, милосердного человека, остроумной, веселой женщины, о которой Вольтер, один из мудрейших людей века, писал русскому корреспонденту: «Я боготворю три объекта: свободу, терпимость и вашу императрицу».

Екатерина могла быть довольна. Задуманный образ был создан ею и одобрен властителями европейского общественного мнения.

Сохранить его, особенно в глазах русских людей, оказалось труднее.

* * *

20 июня 1764 года Екатерина в сопровождении большой свиты выехала в прибалтийские провинции. Организованное с целью инспекции, путешествие было театрализовано на тему «Любовь народа к государыне». Салютовали пушки, приветствуя красную карету

с гербами. Заливались колокола. Склонялись знамена. Поэты подносили на бархатных подушечках оды. Девушки в венках устилали путь цветами. Русская императрица одаривала верноподданных милостивыми улыбками.

А в это время недалеко от столицы, в Шлиссельбургской крепости, разыгралась трагедия.

Поручик Василий Мирович, несший охранную службу в крепости, подговорил солдат своей команды освободить «безымянного колодника» — Иоанна Антоновича, законного претендента на русский трон, занятый Екатериной II. Иоанн Антонович — правнук царя Ивана Алексеевича — в 1740 году, когда ему было от роду два месяца, был провозглашен императором. Через год, при воцарении Елизаветы Петровны, он был «свергнут» с престола. Маленький Иоанн вместе с родителями был сослан на север. С четырех лет он находился в одиночном заключении. Имя несчастного царя держалось в строжайшей тайне. Его не должны были знать даже тюремщики.

Солдаты Мировича вышли на крепостной плац, но в это время дежурные офицеры Власьев и Чекин ворвались в камеру Светличной башни и закололи узника. Мировича арестовали.

Екатерина, узнавшая о смерти претендента на русский престол, прервала путешествие и возвратилась в Царское Село.

Следствие длилось недолго. Власьев и Чекин получили вознаграждение по семь тысяч рублей и пожизненную отставку. Мирович был публично казнен 15 сентября на Обжорном (Сытном) рынке на Петербургской стороне. Впечатление от казни было огромным: «Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, не обыкший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках

палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились»,— свидетельствовал поэт Г. Р. Державин, в ту пору солдат Преображенского полка.

Народ ожидал помилования и потому, что за год перед этим — 16 сентября 1763 года — на помост уже поднялись приговоренные к смерти четверо уголовных убийц, но курьер привез указ, отменявший казнь. В указе говорилось, что подвигнутая своим «природным милосердием и человеколюбием» императрица удерживает «законами поднятый правосудный меч» и сохраняет убийцам жизнь.

На этот раз меч обрушился. О казни говорили при дворе. А. С. Строганов с уважением рассказывал, с «какой твердостью и с каким благоговением злодей приступал к смерти». Н. И. Панин подсмеивался над «смешными и нелепыми обещаниями», которые якобы давал Мирович святым угодникам, если его замысел удастся.

Панину не стоило иронизировать: именно он составил инструкцию, предписывавшую не выпускать «безымянного колодника» живым из крепости. Поэтому многие считали, что поступок Мировича спровоцирован Паниным. Воспитатель великого князя, Панин хотел видеть на престоле только Павла. Он считал, что Екатерина должна находиться у власти на правах регентства лишь до совершеннолетия сына.

О смерти Иоанна Антоновича и казни Мировича много было слухов и разговоров не только в России, но и за границей.

На пажей эта история произвела, вероятно, очень сильное впечатление: ведь в России смертная казнь была редка. Если Александр Радищев и не был свидетелем казни, то разговоры о ней не могли оставить его равнодушным.

„УВЕСЕЛЕНИЕ ЮНЫХ ДНЕЙ МОИХ“

«Как ни много времени уходило на придворные церемонии, рауты, балы и маскарады, для успеха в «обществе» требовалось в шестидесятых годах знакомство не с последней парижской модой на костюм или прическу, а с новейшими произведениями литературы, науки, искусства. Прислуживая Екатерине и выполняя ее мелкие поручения, Радищев видел, как на столах в ее апартаментах появлялись книги и рукописи, над которыми она работала ежедневно несколько часов. Подражая и угождая «просвещенной монархине», вельможи принялись также устраивать в своих дворцах библиотеки и картинные галереи, чтения и спектакли»,— писал советский исследователь творчества Радищева Я. Л. Барсков.

Пажи могли видеть во дворце и книги философов-просветителей, скрытая взрывчатая сила сочинений которых стала ясной императрице позднее. А в первые годы она вычитывала у Монтескье, Вольтера и даже у Дидро и Гельвеция то, что могло служить утверждению монархии как государственного строя, будто бы единственно возможного в такой большой стране, как Россия.

Радищев и его товарищи, совершенствуя свои знания языков, читали произведения французских писателей в оригинале. Пробовали свои силы в переводах.

Из русских книг, выходивших в 1760-е годы, они читали романы Ф. А. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда», «Приключения Фемистокла...», «Письма Эрнеста и Доравры».

Эмин говорил о горестном положении крестьян, требовал уважения к ним. Он обвинял помещиков в бессердечии, жестокости: «Трудится бедный крестьянин ежедневно, чтоб, питая других, и самому себе

кусок хлеба заработать, но как скоро боярин его увидит, что житницы у него полны, то, выдумав на него какую-нибудь вину, всего лишает и последний кусок хлеба у сего бедного похищает. Иной мужичок день весь тяжкие клади из одного в другое место переносит или без отдыху дрова рубит, так что в день два или три раза выжимает в поту свою рубашку, а как придет всем работникам вожделенный вечер, что же за награду он получит за весь денный свой труд? Или велят его высечь, что он не мелко дрова рубил, или за то, что они худо горят, по какой причине в комнате чад, и так всегда тот виноват, кто кому подвластен».

Нет сомнения, что эти строки волновали Радищева.

Эмин не был ниспровергателем существовавшего государственного строя. Но он видел пороки русской жизни. Он написал памфлет на руководителей Академии наук, Академии художеств, Сухопутного шляхетского корпуса «Сон, виденный в 1765 году, генваря 1-го». Императрица приказала за дерзкое сочинение заключить сатирика на две недели в Петропавловскую крепость.

И этот эпизод едва ли прошел мимо внимания пажей.

В сатире Эмина недвусмысленно говорилось о тяжелом положении Ломоносова. Высмеяв президента Академии наук Кирилла Разумовского и всевластного советника академической канцелярии Тауберта, Эмин писал: «В оном собрании был третий член, который совсем не походил на тамошних зверей и имел вид и душу человеческую. Он был весьма разумен и всякого почтения достоин, но всем собранием ненавидим за то, что родился в тамошнем лесу, а прочие оного собрания ученые скоты, ищущие своей паствы, зашли на оный остров по случаю».

Радищев понимал, о чем идет речь в памфлете Эмина. Екатерина II не любила Ломоносова; в 1763 году хотела отправить его в отставку, даже подписала указ об этом, и только боязнь восстановить против себя общественное мнение заставила ее изменить решение.

4 апреля 1765 года Ломоносов умер. Зная отношение к нему императрицы, молчала печать. Но горестная весть облетела столицу. Рано утром 8 апреля набережная Мойки и прилегающие улицы стали заполняться народом. Подъезжали кареты, дрожки, наемные извозчики. Подходили пешеходы. Ехали с Васильевского острова, где находилось детище Ломоносова — Академия наук. Шли жители Коломны: служащие Адмиралтейства, ремесленники, мастеровые. Скорбные взгляды были направлены к дому на набережной Мойки (ныне улица Герцена, 61).

Гроб вынесли, люди обнажили головы. Процессия двинулась. За духовенством шел академический корпус — ведь хоронили академика. Шли вельможи и мелкие чиновники, офицеры и учащиеся различных учебных заведений, актеры и художники, безвестные мастеровые и видные зодчие. Люди разного общественного положения, разных чинов и званий впервые собрались в таком количестве не по приказу, не по заранее разработанному ритуалу, а по велению сердца.

На похоронах, наверное, были Радищев и его друзья. Ведь во время пасхальной недели, когда состоялись похороны, занятия в корпусе отменялись. Правда, от дежурства пажей не освобождали. Но те, кто был свободен от дворцовой службы, пришли проститься с гениальным русским ученым и поэтом.

Память о «великом муже» Радищев пронес через всю жизнь.

Пажеская служба давала Радищеву возможность часто посещать театры. Юноша интересовался искусством и любил его.

«Представьте себе и очарованное око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненныя исполненное; представьте все сие себе, и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да прилепятся они к тебе более других утех!» — писал Радищев спустя тридцать лет.

Слова «увеселение юных дней моих» относятся прежде всего к спектаклям, увиденным в Петербурге.

В августе — сентябре 1763 года спектакли давались еженедельно в деревянном Оперном доме, построенном при Елизавете на Царицыном лугу, неподалеку от Летнего дворца. С наступлением холодов спектакли перенесли (как указывалось в объявлениях) в «малый Оперный дом, что при Зимнем деревянном дворце», рядом с корпусом.

14 октября 1763 года открылся театр в «новопостроенном Зимнем дворце». Находился он во втором этаже юго-западного крыла дворца.

Зрители в театр ходили охотно. Одни, чтобы их увидела императрица. Для других театр был местом встреч, демонстрации туалетов. Третьих действительно интересовало искусство.

Более тридцати раз выступали в 1764 году французские актеры. В их исполнении Радищев смотрел трагедию Вольтера «Заира», а в 1765 году — «Танкред» и «Магомет». В эти же годы Радищев многократ-

но видел трагедии «Хорев», «Синав и Трувор» высоко чтимого им основателя русской драматургии А. П. Сумарокова, слышал в исполнении придворных певчих оперы «Альцеста» и «Цефал и Прокрис» (либретто Сумарокова, музыка итальянского композитора Арайи).

Екатерина II трагедий не любила, и потому на сцене чаще шли комедии. Играли Мольера, Детуша, Мариво, Реньяра, Графиньи и других французских, реже — немецких, авторов.

Русский репертуар был беден: три комедии Сумарокова, несколько слабых комедий других драматургов. В 1764—1765 годах появились переделки «на наши нравы» иностранных пьес («переложения»). Созданы они были членами кружка, объединившегося вокруг верного помощника императрицы ее статс-секретаря И. П. Елагина: самим Елагиным, В. И. Лукиным, Д. И. Фонвизиным, Б. Е. Ельчаниновым и Ф. А. Козловским.

Лучшей из переделок была пьеса Фонвизина «Корион». Но похвалы государыни и наследника удостоились «Русский француз» Елагина и комедии Лукина.

В репертуаре иностранных театров 1763—1765 годов преобладали пьесы современных авторов. Французы ставили произведения Вольтера. Немецкая труппа познакомила публику, в немецком переводе, с пьесой английского драматурга Лилло «Лондонский купец, или История Джорджа Барнвельта». Это произведение утверждало новый в Европе жанр мещанской драмы. Пьеса произвела сильное впечатление. Вскоре она была переведена на русский язык.

Пажи были не только зрителями. Они переводили на русский язык комедии, составляли «экстракты» театральных пьес. Так называлось краткое изложение содержания пьесы. «Экстракты» представляли в При-

дворную контору для поднесения императрице и наследнику. Известно, что осенью 1765 года Александр Радищев написал на французском языке «экстракт» комедии Пуассона «Прокурор-судья».

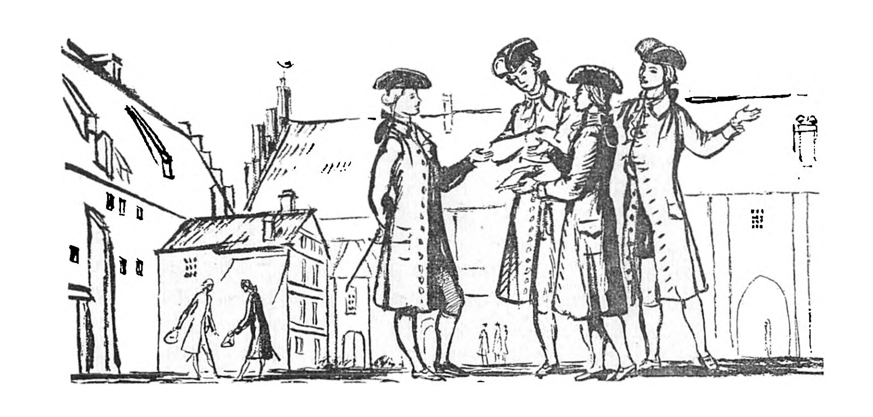
Разнообразной и богатой была музыкальная жизнь двора и столицы.

Сама Екатерина II без смущения признавалась, что не любит и не понимает музыки, однако положение обязывало, и музыка при дворе звучала почти ежедневно. «Первый камер-оркестр» выступал в театре. Второй, бальный, обслуживал дворцовые увеселения. По всей России набирались певчие для Придворной капеллы. В 1763—1766 годах выступали заезжие знаменитости — певица Колонна, капельмейстер Галуппи.

Инструментальная и вокальная музыка сопровождала каждый куртаг, бал, маскарад, придворные обеды и ужины. В более узком кругу звучали скрипки, клавесин, флейта. В погожий летний день на балконе играли валторнисты. В Царском Селе «забавлялись в карты» под звуки русских народных мелодий, исполняемых на гуслях, отдыхали после соколиной охоты, глядя на пляски крестьянских девушек, слушали их песни.

Радищев любил музыку. Но глубоко стал понимать ее, вероятно, позднее. Однако четыре года, в течение которых одаренный юноша слушал и виртуозную музыку и народные мелодии, дали ему многое.

...Наступил 1766 год. В жизни пажа Александра Радищева он стал переломным.

НА ПОВОРОТЕ К НОВОМУ

„ПУТЕШЕСТВИЕ СТОЛЬ ЖЕ БЕСПОРЯДОЧНОЕ, СКОЛЬ И УТОМИТЕЛЬНОЕ“

Давно назрела необходимость в обновлении российского законодательства. Основным сводом законов было Уложение царя Алексея Михайловича, утвержденное Земским собором еще в 1649 году. С той поры русские цари издали множество указов, уставов и законов, часто противоречивших не только статьям Уложения, но и друг другу. Такая «неурядица в законах токмо крючкотворцам на руку»,— признавали даже приближенные государыни. Понимала это и Екатерина. Она решила, что настала пора создать новый свод законов, и с этой целью повелела созвать Комиссию для составления нового Уложения. Комиссия должна была руководствоваться «Наказом», разрабатывала который сама императрица. Одновременно она решила

послать в Лейпцигский университет группу молодых людей для изучения юридических наук. По примеру Петра I Екатерина посылала юношей учиться за границу — и не только юриспруденции. В Лондон, Лейден (Голландия) и Геттинген (Германия) для изучения «ориентальных», т. е. восточных, языков выехали три группы молодежи. Несколько человек в Англии изучали богословие.

Для отправки в Лейпциг нужны были подготовленные учащиеся. Императрица затребовала список пажей,— их она знала лучше, чем кого-нибудь, да и начатки юридических познаний пажи получали, а кроме того, в большей или меньшей степени владели французским, немецким и латинским языками.

Часть пажей находилась в отпуске. Из тех, кто был в Петербурге и выразил желание поехать учиться, корпусное начальство отобрало двадцать три человека. Екатерина внимательно просмотрела список. Против фамилии камер-пажа Якова Дубянского она написала: «капитаном в армию». Пажа Ивана Загряжского определила «поручиком». А около фамилий Алексея Кутузова, Петра Челищева, Андрея Рубановского, Александра Римского-Корсакова, Александра Радищева и Сергея Янова поставила карандашом кружочки.

«Высочайше апробовано февраля 22 дня 1766 году, а где ноли поставлены, те назначены в Лейбцих для наук» — помечено внизу листа.

Знание юриспруденции открывало широкие возможности для продвижения по службе. Поэтому к шести пажам присоединились три представителя знатных семей — князья Василий Трубецкой и Александр Несвицкий, а также одиннадцатилетний Василий Зиновьев, родственник Г. Г. Орлова. Неизвестно, как попал в список Иван Насакин.

По собственному желанию поехал в Лейпциг стремившийся к знаниям Федор Ушаков, взявший с собой младшего брата Михаила.

Перед отправкой молодых людей в Лейпциг Екатерина собственноручно написала инструкцию. В ней излагались цель командировки, программа обучения, правила поведения студентов, обязанности руководителей. На каждого ученика отпускалось в год по восемьсот рублей. Позже эта сумма была увеличена до тысячи рублей.

Гофмейстером (надзирателем) императрица назначила майора Гергарда Георга Бокума, выходца из прибалтийских немцев. Духовником был утвержден иеромонах Павел.

На оформление документов и сборы ушло более полугода. 20 сентября Иностранная коллегия выдала двенадцати студентам паспорта, и через три дня они выехали из Петербурга. Возки быстро понеслись по Петергофской дороге (ныне проспекты Газа и Стачек).

Радостное возбуждение омрачилось в первый же вечер. Вспоминая об этом, Радищев, полушутя, писал: «После великолепного обеда в день нашего выезда ужин наш был гораздо тощ и состоял в хлебе с маслом и старом мясе, ломтями резанном. Таковое кушанье, для немецких желудков весьма обыкновенное, встревожило русские, привыкшие более ко штям и пирогам». Скудная, скверная, неопрятно приготовленная пища предлагалась ежедневно. Недоумевали пажи, привыкшие к сытной кухне француза Бувье. Возмущались юноши, уехавшие из-под материнского крова. На их сдержанный ропот Бокум и его жена, которая распоряжалась деньгами, отвечали оскорбительно грубо.

Вечерами на постоялых дворах гофмейстер «снисходил» к воспитанникам и обыгрывал их в карты. Затем чета Бокумов отсыпалась на взятых из дому пухо-

виках. Спавшие на соломе юноши вставали рано; продрогшие и голодные, они грелись под скудными лучами сентябрьского солнца. В дорогу трогались поздно, а проехав несколько верст, останавливались на ночлег.

Отдохнуть удавалось лишь в имениях, которые принадлежали родным путешественников. С удовольствием поели и выспались молодые люди в небольшом деревянном доме Рубановских в деревне Онстопель. Но в целом болотистый Ямбургский уезд произвел на них тягостное впечатление. Помимо Рубановских здесь владели землями графини Е. Головкина, М. Нарышкина, генерал А. Жеребцов, асессор П. Бекман и другие. От темна до темна трудились крепостные на помещичьих полях. Убоги и грязны были их хижины.

За Ивангородом начинались остзейские провинции. С интересом присматривались юноши к быту местных жителей, к средневековым зданиям, ходили по узким улицам городов — Нарвы, Митавы, Риги. Радищев запомнил многое...

В октябре стало холодно. Юноши болели. В Данциге схоронили А. Римского-Корсакова. Остальные едва сдерживали возмущение. «Если бы желание учения не остановляло нас в поступках наших и не умеряло нашего негодования, то Бокум на дороге бы испытал, колико безрассудно даже детей доводить до крайности»,— писал Радищев.

Затратив из-за Бокума на дорогу четыре с половиной месяца вместо четырех недель, молодые люди 10 февраля 1767 года прибыли в Лейпциг.

БУНТ

О пребывании в Лейпциге Радищев рассказал в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова». Повесть, написанная в 1780-е годы, посвящена памяти

безвременно умершего друга. Из нее, а также из архивных документов мы узнаем о том, как жили и учились русские студенты.

За границей Бокум окончательно обнаглел. Поселившись с женой в хорошо обставленной квартире, своих воспитанников он «рассовал по разным скаредным, вонию и нечистотою зараженным лачугам», «содержал их пищею, питьем, платьем и обувью гораздо не в таком довольстве, как бы надлежало... Носили они кафтаны вывороченные, обувь стоптанную». Студенты мерзли, болели, голодали в полном смысле слова: скудная пища для них часто готовилась из дешевых протухших и прогорклых продуктов.

«А господин Радищев находился всю бытность мою в Лейпциге болен, да и по отъезде еще не выздоровел и за болезнию к столу ходить не мог, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Он в рассуждении его болезни, за отпуском худого кушанья, прямой претерпевает голод»,— писал в докладной записке кабинет-курьер М. Яковлев, первый человек, добросовестно вникнувший в быт русских студентов. Только приехал он поздно, в конце 1770 года.

До этого молодые люди сами защищали себя. Первым заявил протест Федор Ушаков. Но его справедливые претензии Бокум отверг «толико же самовластно, как и король Французский притязания парламента»,— вспоминал Радищев.

Уверенный в своей безнаказанности, Бокум дал пощечину Насакину, когда тот попросил истопить комнату.

Студенты расценили обиду одному как оскорбление всем, думали о дуэли («Мы не понимали еще всей гнусности поединков в благоучрежденном обществе»,— напишет позднее Радищев) и сообща решили,

что Насакин должен возвратить гофмейстеру пощечину.

На другой день в присутствии товарищей Насакин вернул Бокуму за одну пощечину две.

Сцена эта нарисована Радищевым комически, но последствия ее могли быть драматичными. Понимая, что за неповиновение начальнику они будут наказаны, юноши думали о бегстве в Голландию или в Америку.

Бокум смолчал о полученных пощечинах, но распустил слух, будто его хотели заколоть, угрожали шпагой, да он «раскидал» студентов, «как котят». О «бунте» гофмейстер сообщил в жалобе статс-секретарю Екатерины Адаму Олсуфьеву и донес русскому посланнику в Дрездене князю Белосельскому (Дрезден являлся столицей Саксонии).

Пытались жаловаться и студенты, но их письма перехватывали. А когда воспитатель Август Вицман, честный человек и «великодушный муж», как называл его Радищев, отправился без всяких средств с жалобой студентов в Россию, ему не поверили.

Императрица и глава Иностранной коллегии Н. И. Панин стали на сторону Бокума, но то обстоятельство, что гофмейстер дал пощечину дворянину, смутило и их.

Желая упрочить свое положение, Бокум нашел новый повод для кляузы. Князья Несвицкий и Трубецкой не знали немецкого языка и отказались слушать лекции профессора Беме, прося разрешения посещать занятия профессора Шмида, читавшего на французском языке. Бокум арестовал Трубецкого, а после единодушного протеста студентов посадил их всех под стражу. Особенно яростно он оболгал братьев Ушаковых, Насакина, Челищева, обвинив их в покушении на его персону, и потребовал высылки их как «зачинщиков беспорядков».

Началось следствие. «Под стражею содержимы были мы как государственные преступники или отчаянные убийцы... К допросам возили нас скрытным образом, и судопроизводство было похоже на то, какое бывало в инквизициях или в Тайной канцелярии, исключая телесные наказания»,— вспоминал Радищев.

Приехал Белосельский и попытался примирить враждующих. Не оправдывая непослушания студентов, он доложил все-таки в Петербург об их отличных успехах. Императрица повелела ему еще раз съездить в Лейпциг, усилить надзор за студентами, а «злонравных» выслать: «Сему правилу подлежать должны известные заводчики Ушаковы, Насакин и Челищев».

Белосельский съездил в Лейпциг вторично, но, к чести своей, никого не выслал. «С того времени жили мы с ним (Бокумом.— *Авт.*) почти как ему неподвластные: он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два»,— рассказывал Радищев.

Полуголодные, но довольные своей независимостью, студенты успешно овладевали университетскими науками. Они слушали не только намеченные курсы, но и изучали некоторые дисциплины, не входившие в программу. Только в 1771 году, перед отъездом, они отказались от очередного курса Беме, заявив, что предпочитают его пространным лекциям самостоятельное изучение книги Мабли «Публичное право Европы».

Знакомство с трудом Мабли, одного из наиболее радикально настроенных просветителей, говорит, что студенты не теряли времени и пополняли получаемые в университете знания чтением книг выдающихся мыслителей.

Радищев прослушал цикл юридических дисциплин, курсы истории, философии, логики, словесности.

По собственному желанию он слушал лекции на медицинском факультете, изучал химию. В течение почти четырех лет учился игре на скрипке. Из всех своих учителей Радищев наиболее тепло вспоминал преподавателя словесности — известного писателя Геллерта.

Юноши занимались прилежно и старательно. Но не только на университетских лекциях черпали знания студенты и не только науками интересовались.

„НУЖНО В ЖИЗНИ ИМЕТЬ ПРАВИЛА...“

Оторванные от родины, молодые люди хотели знать, что происходит в России. Прежде всего их интересовала деятельность Комиссии по составлению нового Уложения. Она начала работу 30 июля 1767 года в Москве, а с февраля 1768 года заседала в Петербурге.

Свыше пятисот депутатов представляли в комиссии разные сословия, включая различные категории крестьян (кроме крепостных) и даже национальные меньшинства России. На заседаниях читался «Наказ» императрицы, либеральная фразеология которого скрывала стремление укрепить самодержавие и крепостничество. Читались и наказы с мест.

Созыв представительного собрания, предстоящий пересмотр законов давали повод европейским просветителям считать Екатерину просвещенной монархиней, а в сердца русских людей вселяли надежду на улучшение законодательства. Правда, каждый представлял это по-своему, и в развернувшихся дебатах обнаружились острейшие разногласия.

Дворянство стремилось к расширению прав в области землевладения, защищало торгующих крестьян, поскольку те, богатея сами, приносили немалую при-

быль господам. Купцы же в комиссии требовали прекратить крестьянскую торговлю, возражали против помещичьих мануфактур, претендовали на право владения крепостными. Государственные и черносошные крестьяне жаловались на малоземелье, самоуправство дворян, на свое бесправие.

Помещичьи крестьяне депутатов не имели. Но об истязаниях, насилиях, о бесправии крепостных и причинах их многочисленных побегов говорили и лучшие люди из дворян, и интеллигенты-разночинцы, и депутаты от свободных крестьян.

Прения доказали, что в России существует общественное мнение, не зависящее от престола. Этого императрица допустить не могла, и в январе 1769 года общее собрание комиссии было распущено. Ни по одному обсуждавшемуся вопросу комиссия решений не приняла: слишком непримиримы были сословные противоречия.

О созыве комиссии и ее деятельности много говорили и писали в Европе. Около двух тысяч заметок появилось в немецкой печати, доступной русским студентам. Живыми впечатлениями делились путешественники. А через Лейпциг проезжали многие — крупнейший русский актер Иван Дмитревский, Федор Орлов, который рекомендовал студентам книгу Гельвеция «Об уме», и другие.

После начала русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) через Лейпциг следовали военные, направлявшиеся в Италию или Албанию. В 1770—1771 годах по болезни задержался на год в Саксонии дипломат Павел Фонвизин, которого юноши знали издавна, ибо учились с его младшим братом Петром в Пажеском корпусе.

Павел рассказывал об успехе комедии своего брата Дениса Фонвизина «Бригадир», о войне между сатири-

ческими журналами (а в 1769 году их издавалось восемь), об острой полемике между «Всякой всячиной», которая защищала правительственную политику и осуждала критику, и сатирическим журналом Н. И. Новикова «Трутень». Фонвизин мог сообщить им немало сведений и о самом Николае Ивановиче Новикове, с которым в 1755—1760 годах учился в гимназии при Московском университете, и о том, как новиковский «Трутень» смело боролся с помещиками, злоупотреблявшими крепостным правом.

От кого-то из русских, связанных со штабом Алексея Орлова, который командовал русским флотом в Греческом архипелаге (может быть, от того же Фонвизина), Радищев получил для перевода брошюру албанского князя Антона Гики, призывавшую христианские страны помочь грекам в их борьбе с Турцией.

Тема борьбы за национальную независимость привлекла Радищева, и он начал перевод, но не закончил, так как брошюра была напечатана в переводе другого лица в «Прибавлениях к „Санкт-Петербургским ведомостям“» 16 августа 1771 года.

Федор Ушаков, Радищев и другие студенты много читали. Сильное воздействие на юношей оказали труды европейских философов-просветителей. Особое значение для них имела книга Гельвеция «Об уме». «Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научалися»,— вспоминал Радищев.

«Страшным ударом по всякого рода предрассудкам» назвал это сочинение Дени Дидро. Еще в 1759 году оно было запрещено во Франции. На судебном заседании Парижского магистрата прокурор говорил: «Эта книга — восхваление материализма и всего, что только неверие может сказать, чтобы внушить ненависть к христианству и католичеству».

Материализм и воинствующий атеизм Гельвеция привлекли пытливые умы большинства русских студентов. Философ призывал к борьбе с деспотизмом. Он отрицал власть авторитетов и феодальную мораль, доказывал, что личность формируется под влиянием социальной среды, утверждал, что личные интересы человека связаны с общественными.

Учась мыслить по книге, ниспровергавшей вековые авторитеты, Федор Ушаков, Радищев и их товарищи критически воспринимали ряд ее положений. Это относится, например, к теории познания Гельвеция, который отождествлял процесс мышления с физической чувствительностью, с ощущением, а понятия трактовал как сумму ощущений.

Материалистические идеи Клода Адриена Гельвеция пали на благодатную почву. В лейпцигском кружке Ушакова — Радищева зарождались принципы революционного подхода к явлениям действительности.

Доныне не изучена биография Федора Васильевича Ушакова, имевшего огромное влияние на формирование общественных и этических взглядов Радищева.

Родился Ушаков в 1746-м или 1747 году, окончил Сухопутный кадетский корпус. На одаренного юношу обратил внимание Григорий Теплов, секретарь по принятию прошений. 20 августа 1763 года по его ходатайству императрица подписала указ, которым сержант Ушаков был пожалован в титулярные советники с жалованьем пятьсот рублей в год. «И быть ему у отправляемых нами собственно дел при нашем действительном статском советнике Теплове». Через два года Ушаков уже стал майором с немалым по тем временам жалованьем в семьсот пятьдесят рублей. А было ему тогда всего восемнадцать или девятнадцать лет. Должность занимал он довольно почетную. Многие добивались его расположения, даже те, кто имел более

высокий чин. Ведь он состоял в Кабинете ее величества, куда поступали прошения на имя императрицы. Но его не привлекала карьера преуспевающего придворного. Он предпочел ей зыбкое положение студента. Человек независимого и сильного характера, Ушаков с первых дней возглавил борьбу студентов с самодуром-гофмейстером, чем заслужил уважение молодежи и вызвал особую ненависть Бокума.

Преследования раздражали молодого человека, со страстью отдавшегося науке, несмотря на смертельную болезнь.

Радищев всем сердцем привязался к старшему другу, перед душевными качествами и одаренностью которого преклонялся.

Федор Васильевич Ушаков умер в июне 1770 года. Незадолго до кончины он отдал Радищеву свои бумаги. Прощаясь, он сказал: «Прости теперь в последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть тверду в мыслях, дабы умирать бестрепетно».

«Негодование на неправду», пример которого дал Ушаков, твердость духа в самых трудных обстоятельствах, бесстрашие перед смертью Радищев сохранил до последних минут жизни.

В Лейпциг прибывали новые студенты из России. Возвратились на родину товарищи Радищева. Еще в 1768 году попросил отозвать его из университета Михаил Ушаков. Просьбу его удовлетворили и определили подпоручиком в армию. Весной 1770 года уехали ненавистные Бокуму «бунтовщики» Челищев и Трубецкой. К концу года в Петербурге стало известно, что гофмейстер распоясался до такой степени, что даже бил сыновей статс-секретаря Олсуфьева, учившихся в Лейпциге. Князь Белосельский получил приказание

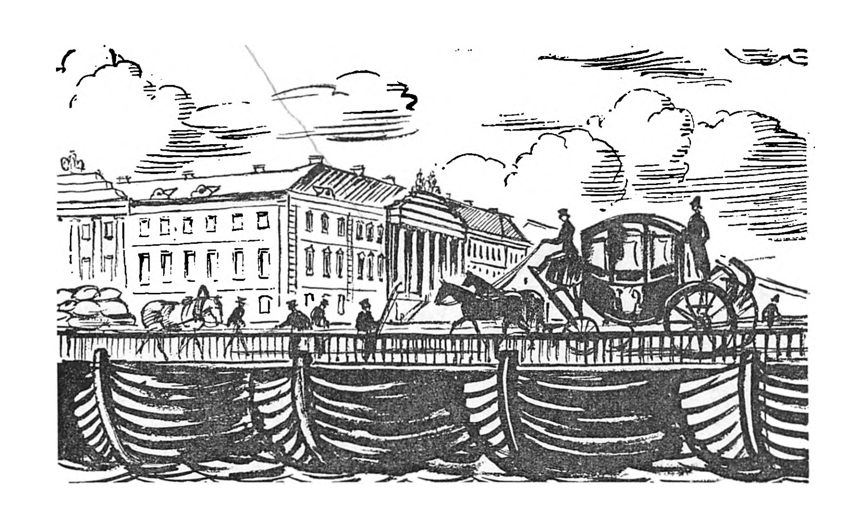
учинить следствие и проверить донесение кабинет-курьера Яковлева о злоупотреблениях гофмейстера.

Темные дела майора удалось раскрыть без труда. Были доказаны хищения, растраты, обнаружилась его неграмотность. Бокум бежал, задолжав врачам, учителям, магистрату...

Радищев и Кутузов задолго до этого отправили в Петербург прошения об отзыве их из Лейпцига. Наконец 16 октября 1771 года Радищев, Кутузов и Рубановский получили по двести червонных для подготовки к вояжу и на дорожные расходы. Сергей Янов оставался чиновником при русской миссии в Саксонии.

В Дрездене А. М. Белосельский в специальном письме А. В. Олсуфьеву характеризовал их как отличившихся в науках, а Радищеву дал письмо к Н. И. Панину, в котором рекомендовал использовать «особо образованного» молодого человека на службе в Коллегии иностранных дел.

В двадцатых числах октября 1771 года Радищев с друзьями выехал из столицы Саксонии в Россию.

ПРИЧИСЛЕН К СЕНАТСКОМУ ШТАТУ

В ПЕРВОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ

Обратный путь на родину занял у молодых людей вчетверо меньше времени, чем дорога в Лейпциг. Без сквалыги и лодыря Бокума Радищев и его друзья добрались до Петербурга всего лишь за месяц. Когда промелькнул Ивангород, время, казалось, полетело еще быстрей.

По мере приближения к столице восторг, испытанный друзьями несколько дней назад при виде «межи, Россию от Курляндии отделяющей», все больше сменялся чувством тревоги и озабоченности. Сбудутся ли мечты о плодотворной службе для пользы отечества, во имя которого они готовы были «жертвовать и жизнью»?..

В канцелярии статс-секретаря Олсуфьева исполнял должность переводчика Петр Челищев, годом раньше уехавший из Лейпцига. От него Радищев мог узнать о незавидной участи университетского товарища Ивана Насакина. Насакин приехал в мае. О нем уведомили государыню. Императрица вспомнила о бунте против Бокума и, считая бывшего студента одним из зачинщиков, приказала объявить ему, чтобы сам искал себе места.

Также вернувшийся раньше Василий Трубецкой умер летом от полученной в Лейпциге болезни.

Радищеву и его друзьям долго ждать назначения на службу не пришлось. 9 декабря 1771 года генерал-прокурор князь Александр Александрович Вяземский доложил на общем всех департаментов Сената собрании о том, что Екатерина II повелела наградить за успехи в науках Радищева, Рубановского и Кутузова чинами титулярных советников и причислить их к сенатскому штату.

16 декабря Радищев и Рубановский были назначены протоколистами в первый департамент Сената, а Кутузов — в третий. В тот же день они подписали текст присяги, к которой приводился каждый чиновник.

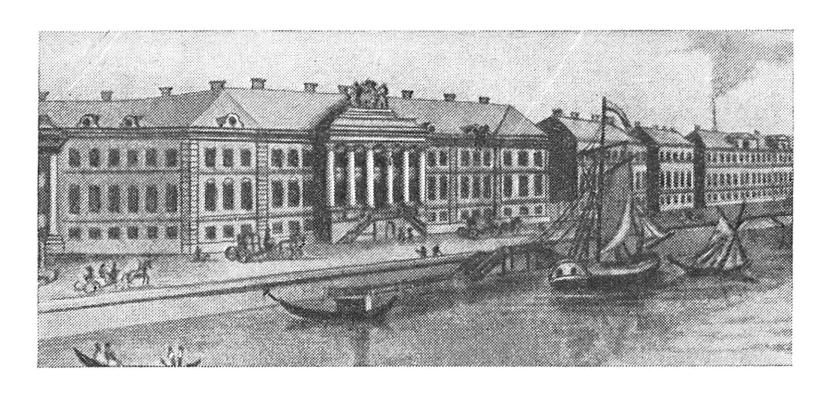
В столице находилось четыре департамента, в Москве — остальные два. Главным являлся первый департамент, хотя формально все они считались равными. Первый департамент возглавлял сам генерал-прокурор Сената, пользовавшийся особым доверием императрицы и имевший право, по ее секретному указанию, сопротивляться «наисильнейшим людям» и «переменять подозрительных служащих». Генерал-прокурор председательствовал в общем собрании всех департаментов Сената, лично докладывал Екатерине II о важнейших указах, подготавливаемых Сенатом, и передавал ее волю сенаторам.

Что же входило в компетенцию первого департамента? Через соответствующие коллегии и конторы он руководил внутренним государственным управлением, вопросами экономики страны, торговли, таможенными делами. Ему были подчинены Тайная экспедиция и Канцелярия конфискаций. Сенаторы первого департамента рассматривали рапорты губернаторов о положении в губерниях, отчеты о сборе хлеба, о поступлениях в казну налогов, сообщения о бунтах крепостных и эпидемиях, часто охватывавших огромные районы России. Первый департамент заслушивал также отчеты Иностранной и других коллегий.

Каждое утро приходил теперь Радищев в бывший дворец графа Бестужева-Рюмина на углу Галерной набережной и Сенатской площади (площадь Декабристов), в котором размещалось высшее административное учреждение Российской империи. Дворец этот несколько раз подвергался переделкам. Одна из последних, как предполагают, производилась Иваном Старовым. Обширный фасад дворца зодчий украсил колоннами, богатым аттиком и лепкой. Над зданием возвышалась башня и купол домашней церкви. Радищев служил тут до этой перестройки. Но бывал он здесь и в 1780-е годы — после обновления здания Старовым.

В 1829—1834 годах на месте дворца Бестужева-Рюмина и соседнего с ним дома купчихи Кусовниковой по проекту архитектора Карла Росси были возведены новые здания Сената и Синода, объединенные величественной аркой, переброшенной через Исаакиевскую (позже Старую Исаакиевскую, затем Галерную, а ныне Красную) улицу.

Молодой протоколист исправно выполнял свои обязанности. Внимательно изучал он обстоятельства дела, составлял его краткое изложение — «экстракт» — и

Здание Сената.
Гравюра Дюбуа (деталь). XVIII в.

готовил проект решения, подкрепляя его ссылками на соответствующие указы.

По понедельникам, средам и пятницам в десять часов экзекутор, секретари и протоколисты направлялись в зал заседаний, где за массивным столом уже сидели обер-прокурор и сенаторы. Иногда, правда, заседание вел один сенатор. Не явившиеся в присутствие сановники позже своими подписями скрепляли принятое решение.

Заслушав доклад о делах, намеченных к рассмотрению на сегодняшнем собрании, председательствующий приказывал приступить к их обсуждению. Секретари поочередно зачитывали «экстракты», включавшие в себя и проект решения по обсуждаемому делу.

На этих собраниях протоколисты вели протоколы. А их иногда приходилось писать немало — до тридцати и более: все зависело от сложности и важности рассматриваемых вопросов.

Выслушав краткое сообщение сути дела, сенаторы принимали (или отклоняли) решение, которое уже было подготовлено обер-прокурором или самим генерал-прокурором.

Архивы сохранили некоторые из протоколов, которые вел Радищев. Первый из них написан 9 января 1772 года. Следующий протокол, над которым стоит его имя, датирован 25 июля.

Полугодовой перерыв объясняется тем, что Радищев 27 января отбыл в отпуск к родным, в Саратовскую губернию.

...У родных, в селе Верхнее Аблязово, Радищев пробыл не два месяца, как предполагал, а гораздо дольше. Лишь 13 июля он явился из отпуска, предъявив свидетельство о болезни.

Поселился Радищев в одной комнате с Кутузовым, как и раньше. Но в каком доме, на какой улице, пока неизвестно.

На первом департаментском заседании, протокол которого вел Радищев после отпуска, слушали рапорт полковника Бибикова — начальника Екатеринбургской монетной экспедиции, занимавшейся добычей и переработкой металлов. Полковник просил, чтобы к заводам приписали новых крестьян. Наличного количества людей ему недоставало. Департамент в просьбе отказал, ссылаясь на сенатский указ, согласно которому Монетная экспедиция могла использовать на работах только военных.

Потом сенаторы утвердили предложение о порядке захоронения на московских кладбищах умерших «от моровой язвы». Чума продолжала уносить многочисленные жертвы и в Москве, и в других городах России. Радищев видел это, когда возвращался в Петербург. Растерявшиеся перед неотвратимой бедой люди устраивали шествия с иконами, молебны, жгли по око-

лицам сел костры. Но болезнь не знала преград. Боялись, что она проникнет и в столицу.

Чтобы приостановить ее распространение, велено было усилить карантинные посты на дорогах. Кроме того, правительство распорядилось вокруг Петербурга и других городов выкопать рвы и насыпать валы, через рвы перекинуть мосты, у которых поставить караулы, дабы никто без карантинной проверки не мог попасть в город.

Департаменту приходилось неоднократно рассматривать челобитные купцов, сообщавших о злоупотреблениях чиновников. Дело в том, что на водных и сухопутных путях все грузы подвергались карантинной проверке. Так, в противочумных карантинах в Твери, Вышнем Волочке, Шлиссельбурге обозы и баржи полагалось выдерживать около недели. В Бортницах и Тосне подводы с хлебом — по два дня. Чиновники задерживали купеческие грузы на гораздо больший срок. Только взятка открывала дорогу к столице.

По каждой челобитной принималось решение, и Сенат посылал соответствующий указ.

Жалобы и челобитные раскрывали перед молодым юристом страшную картину народного бесправия, беззакония, господствующего повсюду. Он видел, как страдает народ в стране, где нет твердых законов. Даже сенатские указы часто саботировались. В этом протоколист смог убедиться, готовя, например, материалы по делу солдата Алексеева. Алексеев написал в Сенат челобитную, в которой пожаловался на издевательство над ним отставного секунд-майора новгородского помещика Мордвинова, учинившего ему «самовольное сечение на дому». Юстиц-контора произвела расследование и установила, что солдат «безвинно потерпел». Сенат еще в декабре 1771 года на основе этого расследования постановил взыскать с Мордвинова в пользу

потерпевшего тридцать рублей. Соответствующий указ был послан в Новгородскую губернскую канцелярию.

Канцеляристы сообщили о нем Мордвинову. Тот вместо того, чтобы выполнить предписание, подговорил своих приятелей отомстить Алексееву. Дружки-помещики схватили солдата и жестоко выпороли его.

Алексеев не смирился. Первый департамент вновь рассмотрел это дело и постановил взыскать в пользу пострадавшего еще по десять рублей с каждого участника расправы. И снова ответа не последовало.

Сенатские порядки давали возможность служащим проявлять, правда в очень ограниченных рамках, свою инициативу. Так, протоколист или секретарь, заинтересованный в успехе дела, мог подготовить и утвердить на заседании сенаторов «напоминальный» указ, добиться наказания чиновников, саботирующих предписания Сената. Этим и воспользовался Радищев. В Новгород был послан «подтвердительный» указ. Но там снова не посчитались с ним. Полученный из губернской канцелярии рапорт по сути дела игнорировал и это решение.

Тогда в повестку дня заседания сенаторов первого департамента был внесен вопрос не только о деле Алексеева, но и о Новгородской губернской канцелярии. Протокол вел Радищев. Нетрудно предположить, с каким чувством удовлетворения он записывал:

«...солдату Алексееву деньги... выдать... из штатс-конторы, а сей конторе вычесть оные из жалования Новгородской губернской канцелярии присутствующих и секретаря, у которого дело в производстве...»

Секретарь и чиновники («присутствующие») канцелярии смогут возместить деньги, вычтенные из их жалования, лишь из сумм, которые они взыщут с Мордвинова и его приятелей. Если по-прежнему станут затягивать дело, то теперь уже накажут только себя.

Справедливость, впрочем, не часто торжествовала в сенатских постановлениях.

...Неспокойно на просторах Российской империи. Взбунтовались работные люди на Олонецких заводах. Вышли из послушания крестьяне, приписанные к Ахтубинским заводам. Обо всем этом известно сенатскому протоколисту. Ведь при нем департамент постановил выплатить поручику Франку сто рублей «за поимку возмутителя на олонецких Петровских заводах Клима Соболева» и выдать награду — тысячу рублей — полковнику Гурьеву за усмирение крестьян на Ахтубинских заводах.

Давно уже действует указ Екатерины II, запрещающий крепостным жаловаться на своих господ. Однако переполняется чаша терпения, не останавливает даже угроза ссылки в Нерчинские рудники, столь невыносимы страдания. И крестьяне шлют челобитные. Сенат время от времени вынужден рассматривать их.

Помещица Анна Гордеева избила и приказала вышвырнуть на мороз служанку за то, что та брала сахар из сахарницы и якобы украла шестьдесят копеек.

По приказу генеральской вдовы Эттингер был запорот насмерть крестьянин «за неучтивство».

Сенат, выполняя повеление императрицы, постановил заключить этих мучительниц и убийц... на один месяц в тюрьму и принудить к церковному покаянию. И только-то!

Гвардии капрал Юрий Яковлев продал «чужого человека». За это его постигла более суровая кара. Он был лишен дворянства и сослан в Сибирь. Но не за то, что продал. Это не возбранялось. Крестьянами торговали. Передавали их в наследство. Ими «жаловали» царских фаворитов, награждали сановников за верную службу и генералов, отличившихся в боях. Яковлев

был наказан за то, что «чужого человека» продал и, следовательно, обманул дворянина. Государство строго оберегало интересы господ. А крестьян? «Крестьянин в законе мертв»,— Радищеву это уже ясно.

„ИСТИНА ПЕРОМ МОИМ РУКОВОДСТВУЕТ“

В мае 1772 года в пятом листе (номере) журнала Н. И. Новикова «Живописец» появилась первая часть произведения под названием «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***».

«По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне... но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. *Бедность и рабство* повсюду встречалися со мною во образе крестьян...— писал автор.— Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы... всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками... С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!»

Далее путешественник с гневом и скорбью рассказывал о деревне Разоренной. Он увидел здесь потрясающую бедность, грязь, развалившиеся хижины. Автор ведет читателя в низкую, зловонную избу, где плачут младенцы, оставленные без присмотра. Оборванные и голодные ребятишки, принявшие путешественника за своего барина, с криком: «Берите все что есть, только не бейте нас!» — бросились прочь. У колыбели пла-

чущих младенцев автор говорит, что, став взрослыми, они даже кричать, т. е. жаловаться, не смогут.

Через два месяца в четырнадцатом листе «Живописца» помещено продолжение «Отрывка». В нем путешественник передает свою беседу с крестьянами деревни Разоренной. Целыми днями они в поле. Убирают помещичьи хлеба. Для работы на своей земле у них остается только воскресенье. «Мы не господа, чтобы и нам гулять»,— говорит хлебопашец, жалуясь на жестокосердие своего барина.

Кто автор этого антикрепостнического, удивительного по смелости и обличительной силе произведения?

В декабре 1858 года в петербургском журнале «Русский вестник» появилась краткая биография А. Н. Радищева, написанная его сыном Павлом. В дополнительных заметках к биографии автора «Путешествия из Петербурга в Москву» П. А. Радищев отмечал: «Другие статьи «Путешествия» были напечатаны в «Живописце» Новикова в 1776 году и в «Северном вестнике» Мартынова (ч.V, январь, 1805, стр. 61, Смесь, «Отрывок из бумаг одного россиянина»). Это глава из «Путешествия» под заглавием «Клин», которую привел и Пушкин в своей статье о Радищеве».

Вторая часть заметки абсолютно точна: действительно, под заголовком «Отрывок из бумаг одного россиянина» и, конечно, без имени Александра Радищева в «Северном вестнике» была перепечатана глава «Клин».

Что же имеется в виду под другими статьями «Путешествия»? Поскольку никаких других «путешествий», помимо напечатанного в двух номерах журнала «Отрывка путешествия в ***» в «Живописце» нет, ясно, что Павел Радищев свидетельствует о принадлежности именно этого произведения А. Н. Радищеву.

Почему же появился 1776 год? Дело в том, что

первая часть «Живописца» была переиздана в 1773 году. Спустя два года, в 1775 году, Новиков выбрал наиболее интересные статьи из «Трутня» и «Живописца» и выпустил сборник под названием «Живописец. Издание 3-е, вновь переработанное, исправленное и умноженное». В подобном же виде «Живописец» переиздавался в 1781 и 1793 годах. В черновом тексте биографии отца Павел Радищев назвал издание 1781 года, а потом, желая указать более раннее издание, ошибочно написал 1776 год вместо 1775-го.

Последующие разыскания литературоведов подтвердили правильность свидетельства сына автора «Отрывка путешествия в ***». Еще Н. А. Добролюбов справедливо заметил, что «Отрывок» отличается от всех других статей новиковских журналов резким антикрепостническим смыслом, «подобным» характеру «Путешествия из Петербурга в Москву».

Другими исследователями было отмечено явное сходство содержания и стиля «Отрывка» с такими главами «Путешествия», как «Любани» и «Пешки». Обоснована связь философского подтекста произведения с учением Гельвеция. В «Отрывке» уже намечены принципы того метода изображения действительности, который определяет своеобразие «Путешествия из Петербурга в Москву»,— характерный только для Радищева сплав: почти документально точно воспроизведенные картины жизни и повышенно эмоциональное восприятие ее центральным персонажем — чувствительным Путешественником.

В разное время делались попытки отвергнуть прямое свидетельство сына автора «Отрывка» и приписать его кому-нибудь другому, расшифровывая буквы «И. Т.»: «Иван Тургенев», «Истинный Тираноненавистник», «Иван Тревогин», «Издатель „Трутня“» (т. е. Н. И. Новиков). Все это, однако, только домыслы.

В частности, кандидатура Новикова отпадает уже потому, что для него абсолютно неприемлемо было учение Гельвеция, по книге которого «Об уме», как мы уже знаем, Радищев и его друзья в Лейпциге «мыслить научалися».

Итак, перед нами — первый литературный опыт Радищева, который попытался нарисовать картину жизни русской крепостной деревни, причем деревни Петербургской губернии, даже точнее — Ямбургского уезда, на что в тексте «Отрывка» указано почти прямо. Деревня Разоренная расположена «на самом низком и болотном месте». Именно такими были крепостные деревни вокруг имения Рубановских Онстопель, которые Радищев хорошо знал и по поездкам вместе с Андреем Рубановским, и по путешествию в Лейпциг.

Очевидно, Радищев, создав «Отрывок», оставил его одному из друзей — скорее всего Андрею Рубановскому,— когда уезжал к родителям в отпуск. И как только Новиков начал издавать «Живописец», первый опыт Радищева в прозе был передан ему и с некоторыми сокращениями появился в печати.

В «Отрывке» нет еще революционных выводов, и его идейно-политическое звучание не соответствует направленности «Путешествия». Но революционерами не рождаются. Ими становятся.

ПРИМЕЧАНИЕ К МАБЛИ

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» периодически печатались объявления «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык». 25 сентября 1772 года в списке книг, намеченных «Собранием» к переводу, Радищев и Кутузов могли прочесть: «Размышления о греках чрез Мабли», а рядом

заглавие другой французской книги «Мечты маршала де Сакса». За перевод второй книги взялся Кутузов, первой — Радищев, проявлявший большой интерес к теориям французских просветителей. Еще в студенческие годы он изучал труды Руссо и Мабли, в которых проповедовались основы естественного права, учение об общественно-договорном происхождении государств, о народе-законодателе.

Книга Мабли «Observatios sur les Grecs» (1748), заглавие которой было переведено как «Размышления о греках чрез Мабли», во втором издании называлась «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков» (1768). Это — историко-социологический очерк о расцвете и падении древнегреческих государств. Мабли прославлял в нем демократические законы и учреждения греков, их гражданские добродетели. Прямой критики феодально-абсолютистского строя в книге не содержалось. Однако многие положения ее близки Радищеву. Он с удовлетворением воспринимает рассуждения автора о пагубных последствиях для общественной нравственности и народного благоденствия захватнических войн и жажды наживы. Переводчик согласен с утверждением Мабли о том, что самые лучшие законы не принесут желаемого плода, если сохраняются социальное неравенство, мучительство и рабство. Он приветствует прославление свободы Древней Греции, великая культура которой родилась тогда, когда «вся Греция захотела быть вольною». Но, соглашаясь в основном с содержанием работы французского просветителя, Радищев не мог быть удовлетворен весьма осторожными политическими выводами ее.

Публикацию перевода «Размышлений» он решил использовать в политических целях.

Было принято, что переводчики разъясняют иностранные слова, термины, понятия в подстрочных примечаниях. Этим правом и воспользовался Радищев, чтобы высказать свое отношение к самовластию вообще и русскому деспотизму в частности.

«Филипповы предшественники не царствовали над своими подданными со властию слепою и неограниченною...— переводил Радищев,— а как монархии не прешли еще в самодержавство (в оригинале «en se despotisme».— *Авт.*), отъемлющее у души все ее пружины, то гражданин соблюдал чувствование добродетели и мужества, а государь созидал, если хотел, народ совсем новый».

Так что же такое «самодержавство, отъемлющее у души все ее пружины»? Каковы последствия того, что монархии вырождаются в самодержавство? И как к этому должен относиться народ?

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние,— поясняет в примечании Радищев и далее пишет: — Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но нижé закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества*».

Так в отечественной печати никто до Радищева не писал, никто не отваживался заявить о праве народа сбросить государя и поступить с ним, как с преступником, если тот противодействует интересам общества. В этом маленьком примечании заложено первое зерно, из которого впоследствии вырастет революционная концепция оды Радищева «Вольность».

Перевод был опубликован «Обществом, старающимся о напечатании книг», организованным Новиковым. К концу 1773 года книга уже была напечатана.

ВНЕ СЛУЖБЫ

...Город быстро менял свой облик. Еще недавно невский берег у Сенатской площади был завален грудами строительного камня и песка, глыбами гранита. Стучали копры, забивая сваи в вязкий грунт. А теперь этот участок принял такой же вид, как и Верхняя набережная (ныне Дворцовая). Убрали остатки фундамента давно снесенной церкви Исаакия Далматского, стоявшей у самой воды. Новая церковь, носящая имя святого, считавшегося покровителем Петра I, строилась чуть поодаль, на месте, равно удаленном от Невы и Мойки.

Поближе к Неве, почти напротив сенатских окон, также кипела работа. Здесь распоряжался архитектор Юрий Фельтен. Он участвовал в строительстве Верхней гранитной набережной, а сейчас по его проекту преображается Галерная набережная и Сенатская площадь, в центре которой возвышается гигантский монолит.

«Камень-гром» доставлен сюда из-под Лахты, где его нашел крестьянин Семен Вишняков. Скульптор Фальконе намерен использовать его как постамент для памятника основателю Петербурга.

Направляясь от Сената по Новой Исаакиевской улице, Радищев попадал на Невский, а оттуда на Большую Морскую, которая переходила в Луговую Миллионную, тянувшуюся по нынешней Дворцовой площади до Большой Миллионной (ныне улица Халтурина). Примечательной особенностью отрезка Большой Морской (от Невского) и значительного участка Луго-

вой было то, что он лежал «точно по полуденной линии». В солнечный день здесь можно было проверять часы: если собственная тень или тень отвесно поставленной трости ложилась точно посредине улицы, значит, надо переводить стрелки на двенадцать часов.

На Миллионной стоял двухэтажный каменный дом Рубановских, числившийся в 70—80-х годах под номером тридцать семь, а в 90-х — под номером тридцать четыре (ныне улица Халтурина, 14). Владельцем дома после смерти Кирилла Степановича Рубановского стал его старший сын Василий Кириллович. Здесь всегда было много гостей, особенно молодежи. Приходили подруги дочерей — Анны, Елизаветы и Дарьи — и братья Василия — Матвей и Андрей — с друзьями. Дом Василия Рубановского, служившего в Придворной конторе (Главной дворцовой канцелярии), на правах свойственника посещал Д. И. Фонвизин.

На прогулки ходили к Царицыну лугу (Марсово поле). На Миллионной зодчий Антонио Ринальди возводил дворец, который Екатерина II предназначала для Григория Орлова. Императрица не забывала тех, кто помог ей вступить на престол.

Перед дворцом находился бассейн, связанный с Невой и Мойкой Красным каналом. В бассейне стояло множество лодок и рябиков — шлюпок, отделанных богатой позолотой и имевших, на пример венецианских гондол, крыши-зонты. Желающие брали за плату лодку с гребцами и, проплыв по Красному каналу, над которым еще в 1768 году гранитных дел мастер Тимофей Иванов возвел на Верхней набережной каменный мост, выходили в Большую Неву

С реки открывалась величественная панорама. Повисли мосты над Фонтанкой, Лебяжьей и Зимней канавками и Красным каналом. От Зимнего дворца к Фонтанке строгой, красивой линией тянулась гра-

нитная набережная с полукруглыми выступами-спусками и просветами под горбатыми мостами. На набережной прогуливалась знатная публика.

Вечерняя дымка опускалась над рекой, по широким водам которой скользило множество гребных судов. Медленно проплывали большие лодки. С них доносились звуки роговой музыки. Роговые оркестры были тогда модны, и их владельцы считали гордостью для себя потешить петербуржцев искусством своих крепостных. Нужна была великолепная сыгранность музыкантов, чтобы звуки, извлекаемые из каждого рога, сливались в гармоничную мелодию.

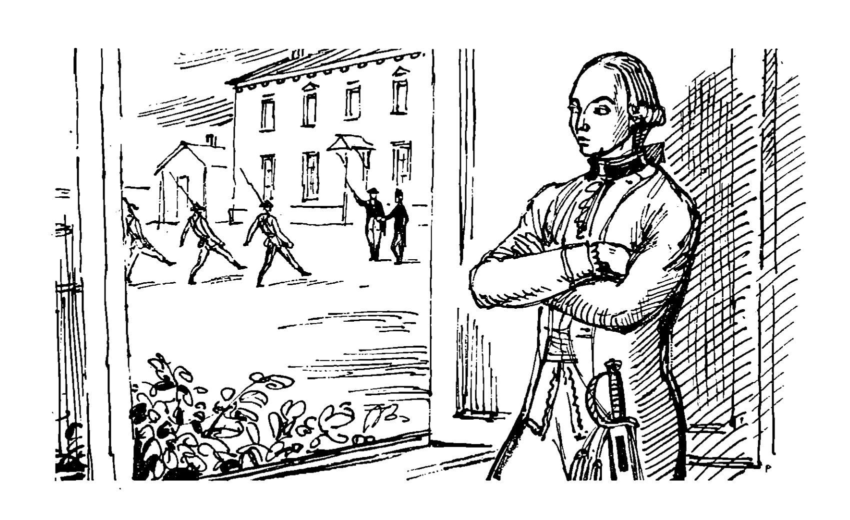
Радищев тонко чувствовал красоту, в чем бы она ни проявлялась, будь то музыка или пейзажи невских берегов.

...А утром снова ставшая уже постылой служба в сенатской канцелярии, скучные обязанности пассивного регистратора дел рядом с людьми, которым чужды не только высокие помыслы, но и обыкновенные понятия человечности.

«Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почесться могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавиден будешь ими...»

Эти слова будут написаны Радищевым позже в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова». Во многом они подсказаны опытом самого автора.

Радищев не мог более служить там, где властвовали корысть, угодничество и раболепие. Он и его друзья почти одновременно ушли из Сената.

ОБЕР-АУДИТОР

В ШТАБЕ БРЮСА

С мая 1773 года Радищев служит обер-аудитором Финляндской дивизии. Кутузов уехал в армию Румянцева, воевавшую против турок. Рубановский перевелся в Московский карабинерный полк.

По-видимому, друзья еще в конце 1772 года задумали перейти в армию. Вот почему Радищев одновременно с «Размышлениями о греческой истории» переводил книгу «Офицерские упражнения». В «Упражнениях», представлявших собой концентрированный опыт гарнизонной и полковой службы немецкого пехотного офицера, рассказывалось об обязанностях младших и средних командиров, приводились такти-

ческие задачи и давались их решения. Пособие помогало овладеть военной специальностью.

Перевод «Упражнений» Радищев закончил весной 1773 года. Но публикация этой книги издательским обществом Новикова из-за денежных затруднений задержалась. Книга поступила в продажу лишь через четыре года.

Как удалось Радищеву получить назначение в Финляндскую дивизию? В ней служил товарищ Радищева по Пажескому корпусу Александр Тормасов. В корпус их приняли почти одновременно. 30 марта 1771 года Тормасов был выпущен в армию поручиком, получив назначение в Вятский полк. Вскоре в чине капитана его зачислили адъютантом к графу Брюсу. В 1773 году, когда в связи с намечавшимися военными действиями против шведов генерал-аншеф Яков Александрович Брюс принял командование Финляндской дивизией, Тормасов перешел к нему в штаб генеральс-адъютантом, имея чин премьер-майора.

В дальнейшем Тормасов сделал блестящую военную карьеру и прославился в 1812 году как деятельный помощник Кутузова. Его красивое лицо можно видеть в галерее Зимнего дворца, где собраны, по словам Пушкина, портреты

...начальников народных наших сил,
Покрытых славою священного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

По-видимому, Тормасов и доложил командующему дивизией о том, что в Сенате служит молодой юрист, обладающий недюжинными способностями, который хочет применить свои познания в армейской судебной практике.

Генерал-аншефа заинтересовало предложение адъютанта, и он направил А. А. Вяземскому письмо

с просьбой перевести в штат дивизии обер-аудитором Александра Радищева. Сенат удовлетворил ходатайство Брюса, и бывший протоколист стал военным.

В штабе Брюса Радищев занял второе по старшинству место (первое принадлежало Тормасову). Обер-аудитор являлся юридическим советником при командующем дивизией. Он должен был следить за тем, чтобы в полковых судах — кригсрехтах — процессы «порядочно и надлежащим образом отправлялись», так как членами полковых судов назначались офицеры, не имевшие никакого представления о юриспруденции.

В ведении полковых судов находились дела о преступлениях солдат и младших офицеров. Приговор, вынесенный кригсрехтом, поступал на утверждение (конфирмацию) командиру дивизии, который мог изменить его или вовсе отменить, приказать произвести дополнительное расследование и т. п. Доклад о приговоре и юридическое заключение о его обоснованности делал обер-аудитор. Мнение обер-аудитора, как правило, учитывалось начальством, которое, как и полковые офицеры, плохо знало правовые установления. Следовательно, обер-аудитор мог влиять на судьбу приговора, на изменение меры наказания осужденного.

Помимо юридических дел Радищев ведал отправкой в дивизионные полки рекрутов и распоряжался суммами, которые выдавал сопровождавшим их офицерам.

Начальник Радищева граф Брюс был близок ко двору и пользовался большим влиянием в столице. Карьеру он сделал блистательную: в сорок лет генерал-аншеф и подполковник лейб-гвардии Семеновского полка. Последнее считалось большой честью: ведь полковником этой войсковой части являлась сама Екатерина II. Столь высоким положением в обществе

Обер-аудитор екатерининского времени.

граф был обязан своей жене Прасковье Александровне, ближайшей подруге императрицы и сестре фельдмаршала Румянцева.

Другой сын Радищева, Николай, в написанной им биографии отца называет годы службы в штабе Брюса «самой приятной эпохой» в жизни писателя. «Быв любим своим начальником, он посредством его сделался вхож в лучшие петербургские общества; вкус его образовался, и он получил ловкость и приятность в обхождении».

Эти слова написаны сыном, конечно, по рассказам отца. Однако тогда в жизни Радищева было и другое, о чем, по-видимому, ему было больно и трудно рассказывать детям. Представление об этом дают архивные свидетельства. До нас дошли некоторые из дел, рассмотренных Радищевым перед докладом для конфирмации.

Уже через два дня после вступления в должность, 24 мая, обер-аудитору пришлось дать заключение по поводу приговора кригсрехта Рязанского полка, осудившего трех солдат на смертную казнь. Солдаты Архипов, Коробов и Мамаев обвинялись в том, что убили в пьяной драке хозяина избы, у которого остановились на постой.

Радищев не согласился с приговором полкового суда, который не учел ряда обстоятельств, смягчающих вину солдат. В тексте конфирмации, написанной им, особенно выделен этот момент и подчеркивается непредумышленность убийства: «...никакого заговора, равно и намерения к сделанию смертного убийства не имели и то учинили... следуя единственной запальчивости». Далее обер-аудитор указывает, что обвиняемые «довольное время служа, в штрафах никогда не бывали... и... были поведения беспорочного».

Этот анализ приговора явился своеобразной апелляцией, в результате которой смертный приговор был заменен другой мерой наказания.

Кроме разбора дел и допросов обвиняемых обязанностью обер-аудитора являлась проверка знаний полковых аудиторов. Радищев устраивал им экзамен («задавал казус») при назначении на должность, контролировал их практическую деятельность и выступал в качестве арбитра при решении дел, в которых полковые юристы вступали в конфликт с президентами кригсрехтов.

Аудитором Тобольского полка Финляндской дивизии с 1771 года служил Федор Васильевич Кречетов. С именем этого человека мы еще встретимся.

ТЕАТРЫ И СПЕКТАКЛИ

Служба при штабе Брюса обязывала капитана Радищева (это звание соответствовало гражданскому чину титулярного советника) бывать в обществе, красиво одеваться, вести светский образ жизни, что, впрочем, его нисколько не тяготило.

Он стал желанным гостем во многих столичных домах. «Обхождение его было простое и приятное, разговор занимателен, лицо красиво и выразительно».

Посещал Радищев и дом Я. А. Брюса, где собиралась обычно самая высокопоставленная публика. Дом этот находился на Луговой Миллионной, недалеко от царской резиденции.

Позже, когда начала создаваться Дворцовая площадь, постройки на этой части Луговой Миллионной были снесены. На месте дома Брюса при Павле I архитектор Винченцо Бренна построил обширное здание экзерциргауза. В 1837—1843 годах по проекту зодчего Александра Брюллова на этом месте было возведено здание штаба гвардейского корпуса (Дворцовая площадь, 2).

Часто бывал Радищев и в театре, внимательно следил за новинками столичной сцены, посещал спектакли. Где и когда он смотрел театральные представления, точно неизвестно. Но о страстной любви Радищева к театру, хорошем знакомстве с множеством спектаклей свидетельствуют многочисленные названия пьес, имена драматургов, персонажи и ситуации, встречающиеся в его произведениях, письмах, заметках.

Извещения о спектаклях, о выступлениях гастролеров он мог прочесть в газете. Кроме того, объявления вывешивались у Гостиного двора, на Миллионной улице, у Синего моста через Мойку и возле наплавного моста через Неву.

В 1770-е годы в Петербурге имелось несколько театров. Шли спектакли на сцене Придворного театра в Зимнем дворце. По средам здесь давались русские представления, по пятницам — французские. Французская труппа исполняла комедии и трагедии Расина, Вольтера.

С 1772 года в Придворном театре неоднократно ставилась драма французского драматурга Сорена «Беверлей». Перевел ее на русский язык выдающийся

актер и театральный деятель Иван Афанасьевич Дмитревский.

Главный персонаж пьесы не может следовать буржуазной морали. Он негодует на несправедливость жизни, в которой одни утопают в роскоши, а другие не имеют куска хлеба. В сердце Беверлея «отчаяние и бешенство». Он в постоянном конфликте с действительностью и всегда готов обнажить шпагу. Увлекшись игрой в карты, Беверлей делает долги, оплатить которые не может, и попадает за это в тюрьму. Здесь он кончает с собой. Уход из жизни — его своеобразный бунт против существующей морали, вызов року. «Пойду против судьбы!» — восклицает он, выпивая яд.

Образ Беверлея, не сумевшего примириться с жизнью и страдающего от ее несправедливостей, волновал Радищева. Это можно заключить по его позднейшей повести «Дневник одной недели».

Гастролировавшие в Петербурге иностранные труппы выступали в театре Сухопутного шляхетного кадетского корпуса на Васильевском острове (ныне Съездовская линия, 1).

Два театра находились на Царицыном лугу. В построенном еще при Елизавете двухэтажном Оперном доме, который стоял на берегу Невы возле Лебяжьего канала, давала спектакли труппа француза Поше. Здание это было уже в ветхом состоянии, в нем гулял ветер, протекала крыша. Здесь по ночам скрывались беглые и те, кто «чинил грабежи». Естественно, что сюда шли немногие зрители, хотя антрепренер заманивал их маскарадами и буфетом. Городской люд больше привлекали стоявшие недалеко отсюда деревянная карусель и качели.

В Оперном доме выступали и итальянские артисты. Здесь, а также в других театральных помещениях ставились оперы на либретто итальянского поэта Ме-

тастазио. Возглавлял оркестр и труппу композитор Паизиелло. Их обоих вспоминал Радищев в годы своей ссылки в Илимске.

Другой театр на Царицыном лугу, куда перенесли вскоре весь инвентарь из Оперного дома (сам дом разобрали), находился на углу Мойки и Красного канала. В наши дни о его существовании напоминает лишь название Театрального моста через канал Грибоедова. Это не было специальное театральное здание. Под него перестроили манеж, существовавший со времен Елизаветы Петровны. В бывшем манеже ставили спектакли английская и немецкая труппы.

В 1779 году антрепренер немецкой труппы Карл Книппер предложил создать Вольный (т. е. не придворный) русский театр. Его намерение правительство встретило одобрительно. Ведь появилась возможность «определить к делу» повзрослевших питомцев Московского воспитательного дома, открытого пятнадцать лет назад.

В этом доме с малолетства содержались сироты, дети бедняков и «незаконнорожденные». Их обучали грамоте, различным ремеслам и «изящным художествам». При Воспитательном доме в 1773 году был устроен театр, «чтобы упражнением на оном обоего пола питомцам доставить знания и в театральном искусстве, дабы они могли на выходе своем иметь разными, по склонностям и по дарованию своему, способами пропитание».

Двадцать восемь актеров и двадцать два музыканта составили новый театр, который первое время являлся и своеобразной студией, где продолжали обучаться сценическому мастерству и музыке молодые артисты.

После Книппера эту труппу возглавил Иван Дмитревский.

Попеременно с ней в Вольном театре выступала и немецкая труппа. В ее исполнении Радищев видел трагедию Шекспира «Макбет». Об этом спектакле писатель вспоминал в 1792 году в Сибири.

Широкое распространение получила в 1770-е годы комическая опера. Родилась она во Франции. Ее положительные персонажи — люди низших сословий. Авторы изображали их более благородными, чем богатых господ, с которыми они вступали в конфликт. Главной в опере являлась драматическая основа, музыка же занимала подчиненное положение (вставные арии, дуэты, хоры и танцы). От актеров, разыгрывавших такое драматическое представление, требовалось умение исполнять несложные музыкальные и танцевальные номера. Текст комических опер имел самостоятельную художественную ценность, и поэтому их авторами называют драматургов, а не композиторов.

С зарубежными образцами этого жанра Радищев познакомился еще в Пажеском корпусе.

В 1772 году появилась первая русская комическая опера М. И. Попова «Анюта». Позже столичному зрителю была показана «драма с голосами» Н. П. Николева «Розана и Любим», рассказывающая о крестьянах, которым приходится бороться за свое достоинство и счастье. В ней нет протеста против крепостного права, автор говорит лишь о произволе помещиков, которые не понимают, что «добродетель неравенства не знает», а потому злоупотребляют своей властью.

Неизменным успехом пользовалась комическая опера А. А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», привлекавшая публику изображением нравов и быта крестьян. В ее музыкальных номерах были широко использованы народные мелодии.

С 1779 года в театре на Царицыном лугу шла музыкальная сатирическая комедия «Санкт-Петербург-

ский гостиный двор», созданная на материале быта купцов и судейских чиновников. Ее автор — Михаил Матинский, бывший крепостной графа Ягужинского. В этом произведении высмеивался плут и самодур Сквалыгин, для которого главное — «стяжать имение свое, хотя бы со вредом другому». Но публику опера привлекала не только своей изобличительной силой. Нравились яркие и этнографически точные картины обряда венчания, показанные в ней массовые хоровые сцены.

Радищев видел этот спектакль, так же как и комическую оперу Я. Б. Княжнина «Несчастие от кареты» — наиболее социально острое сценическое произведение тех лет. В нем говорилось о бесправии крепостных и самодурстве господ, продающих крестьян, чтобы на вырученные деньги купить карету. Факт, положенный в основу пьесы, типичен. Опера произвела на Радищева очень сильное впечатление: он вспомнил о ней в «Путешествии из Петербурга в Москву», когда писал о трех несчастных, которых барин продал богатым крестьянам «для отдачи в рекруты». Помещик сделал это потому, что ему нужны были деньги для покупки новой кареты.

По законам жанра в комической опере все кончалось благополучно. Однако ценность произведения Княжнина в том, что в нем затронут один из самых главных вопросов российской действительности и впервые в отечественной литературе был показан крестьянин, даже в оковах не смирившийся с насилием.

В том году, когда Радищев начал служить в штабе Брюса, публику «занимали также разные компании эквилибристов». С мая шли представления труппы испанцев Андрея Тропи. А осенью приехали итальянцы; антрепренеры Брамбилла и Номара давали «панто-

мимные арлекинады» с переодеваниями, пируэтами, балансированием на проволоке, головокружительными «сальто-мортале». Как свидетельствуют очевидцы, эта труппа приглашалась ко двору в Царское Село.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Двадцать девятое сентября 1773 года... В столичном городе торжественно звонят колокола. В церкви Рождества пресвятой богородицы священник благословляет государя цесаревича, великого князя Павла Петровича и благоверную государыню великую княжну Наталью Алексеевну, урожденную принцессу Гессендармштадтскую, вступающих в брак.

Вельможи, сановники, фрейлины и немецкие родственники новокрещенной Натальи желают молодым многие лета счастливой жизни.

На этом торжестве был обязан присутствовать и Радищев как офицер штаба Брюса. Он мог видеть и притворное ликование знати, которой было хорошо известно истинное отношение Екатерины II к своему сыну, и маленькую петушиную фигуру наследника, с тревогой смотревшего на красавицу супругу и с недоброй завистью на мать-императрицу.

Но Радищев не мог знать, что в день великокняжеского бракосочетания Екатерине II доложили: на далеком Яике объявился самозванец, именующий себя Петром III. Двор не придал этому донесению особого значения. Думали, что вспыхнул обычный бунт во главе с очередным самозванцем. Ведь таких самозванцев появилось уже более двадцати.

Но это был не бунт. Началась крестьянская война... Под знамена «Петра Федоровича» — казака донской станицы Зимовейской Емельяна Пугачева —

вставали тысячи крепостных крестьян, работных людей, казачья беднота. В отряды «Петра III» шли русские и башкиры, татары и мордва, калмыки и черемисы. На сторону восставших переходили солдаты.

Горели помещичьи усадьбы в Заволжье и в Прикамье. Армия Пугачева, которую снабжали оружием рабочие уральских заводов, осадила Оренбург. Восставшие намеревались после захвата Оренбурга идти через Казань на Москву и Петербург, чтобы «всем государством завладеть», императрицу «постричь в монастырь», а «больших бояр.... всех истребить».

Первое время правительство делало вид, будто ничего серьезного не происходит, и скрывало от общества истинный размах восстания.

Императрица показывала, что больше, чем события на Яике, ее интересуют беседы с Дени Дидро, который приехал в Петербург по ее приглашению. Старый философ, остановившийся в доме обер-шталмейстера Льва Нарышкина (Исаакиевская площадь, 9), приходил во дворец, надеясь воздействовать на Екатерину и способствовать благу российского народа. Но хитрая государыня лишь с видимым сочувствием выслушивала горячие речи Дидро. Она приглашала философа на балы, обещала издать на свой счет его труды, поздравила с избранием в действительные члены Императорской Академии наук, но следовать его советам не собиралась.

Восстание под водительством Пугачева набирало силу, и молчать о нем уже было нельзя. 23 декабря 1773 года Екатерина II вынуждена была издать манифест, в котором официально объявила о начавшейся крестьянской войне. Против армии Пугачева правительство направило отборные войска. Во главе их императрица поставила Петра Панина, хотя он, как и его брат Никита, был в оппозиции к ней.

Радищев имел представление о масштабе грозных событий. В штабе Финляндской дивизии он читал указы Военной коллегии и другие документы, относившиеся к «подавлению бунта». О действиях «возмутителей» он мог судить по сведениям, которые сообщали многочисленные курьеры, прибывавшие с донесениями из районов, охваченных мятежом, по рассказам помещиков, бежавших от гнева крепостных, и по письмам родных.

Отряды повстанцев дошли до Верхнего Аблязова — имения Радищевых. Аблязовские крестьяне, «отягощенные барщиной», сочувствовали повстанцам. Но к своему господину они не питали зла и не выдали его пугачевцам. Николай Афанасьевич при их приближении укрылся в лесу, в пяти верстах от своего села, а детей спрятали местные жители.

В армию Пугачева постоянно вливались новые пополнения — рабочие уральских заводов, добытчики соли на заволжских озерах, городская беднота из захваченных повстанцами мест. На сторону мятежников переходили представители духовенства, купечества и даже офицеры: секунд-майор Салманов, которого «солдаты одобряли», капитан артиллерии князь Бараатаев, подпоручики Шванвич, Минеев и другие.

В июне 1774 года пугачевская армия, теснимая правительственными войсками, перешла на правый берег Волги и стремительно двинулась на юг. Все новые и новые отряды местных крестьян вливались в нее. Восставшие захватывали один за другим города: Цивильск, Курмыш, Алатырь, Саранск, Пензу, Петровск и Саратов. Правительство, принимавшее чрезвычайные меры, чтобы не допустить Пугачева в центр России, стягивает войска к Москве, создает дворянские ополчения. За выдачу Пугачева обещана крупная сумма.

А из царских полков не прекращаются побеги солдат и рекрутов. Бегут, не вынеся тягот службы, бегут из-за офицерских побоев и зверств.

Архивы сохранили очень мало документов о военно-судных делах в Финляндской дивизии. Мы не знаем точно, какими из них приходилось заниматься Радищеву в грозную годину крестьянской войны, какие разговоры он вел с солдатами, ожидавшими решений кригсрехтов, сколько несчастных удалось ему спасти.

Можно только догадываться о тех страшных картинах бесправной солдатской жизни, которые изо дня в день разворачивались перед ним.

Радищев видел, что солдат «мертв в законе», как и его собрат — крестьянин. Позже в главе «Спасская Полесть» он с великой болью напишет:

«Воины... почиталися хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужныя и безвременныя строгости».

1 августа 1774 года над столицей прогремели залпы артиллерийского салюта. Сто один раз орудийная прислуга в Петропавловской крепости и на Адмиралтейском валу заряжала пушки, салютуя по случаю заключения мира с Турцией.

По городу разъезжал кортеж конной гвардии из ста человек. У Аничкова моста, на Сенной площади, перед зданиями Сената и Двенадцати коллегий, а также на Петербургской стороне эти «вестники мира» объявляли жителям столицы, что война с Оттоманской империей окончена. Правительство получило возможность перебросить на внутренний фронт «против супостата» новые контингенты войск.

В конце августа около Сальниковой ватаги, под Царицыном, армия повстанцев, преданная заговорщиками, потерпела поражение. Пугачев бежал за Волгу, рассчитывая к весне поднять восстание кочевников. Но осуществить этот план не удалось.

Надеясь изменой купить себе прощение, бывшие помощники Пугачева — зажиточные казаки — предали вождя крестьян. 8 сентября он был схвачен, а 15-го передан команде Бударинского форпоста.

Под конвоем двух рот, двухсот казаков, при двух орудиях, в железной клетке, закованный в кандалы, Пугачев был доставлен в Симбирск.

Главнокомандующий карателей Петр Панин писал в связи с этим: «Сегодня, милостивый мой друг и драгоценный братец, достигнул я здешнего города. В то же время пришел в мои руки адский изверг Пугачев. Отведал он от распаленной на его злодеяния моей крови несколько пощечин, а борода, которою он Российское государство жаловал,— довольно дранья».

Это письмо дает представление о злобе крепостников, о жажде мести за пережитый ими страх перед восставшим народом.

После пленения Пугачева пожар крестьянской войны продолжал еще полыхать. Виселицы в городах и селах, плоты с трупами казненных, плывшие вниз по Каме и Волге, жестокие карательные экспедиции не сразу погасили его: в Среднем Поволжье, в Башкирии и в Прикамском крае повстанческие отряды несколько месяцев продолжали неравную борьбу.

* * *

7 января 1774 года «Санкт-Петербургские ведомости» в объявлении о новых книгах, которые продаются в Луговой Миллионной в лавке Миллера, назва-

ли и перевод сочинений Мабли «Размышления о греческой истории».

Так труд Радищева, в котором он с поразительной смелостью высказался против самодержавия, стал известен читателю.

ЛОЖА „УРАНИЯ“ И АНГЛИЙСКИЙ КЛУБ

Духовные искания побудили Радищева побывать на заседаниях масонской ложи «Урания».

Масонство — явление неоднородное, изученное недостаточно, но без него нельзя представить себе жизнь Петербурга 70-х годов XVIII века. Ложи объединяли и по-разному настроенных вельмож, и купцов, и военных, и чиновников разных рангов. Сюда приходили прежде всего люди, искавшие ответов на нравственные вопросы, а порой лица, жаждавшие завязать здесь влиятельные знакомства, и просто любопытные.

Среди друзей и знакомых Радищева было много масонов — сослуживцы по Сенату А. И. Васильев и А. В. Храповицкий, братья товарищей по Пажескому корпусу и Лейпцигу И. В. Несвицкий и П. Н. Янов и другие. Видным масоном являлся Я. Ф. Дубянский — бывший камер-паж, чьим именем открывался тот список пажей, из которого императрица выбирала кандидатуры для отправки в Лейпциг. Особой склонности к наукам он не имел, и Екатерина определила его капитаном в армию. В 1773 году Яков Дубянский, все в том же чине капитана,— ярый масон. Скорее всего именно он нашел общий язык с тянувшимся к нравственному самоусовершенствованию Кутузовым, а тот попробовал заинтересовать друзей — Радищева, Рубановского, Челищева.

«Урания» была одной из лож, объединенных под руководством крупного сановника И. П. Елагина. «Мастером стула», т. е. начальником этой ложи, был секретарь Елагина писатель В. И. Лукин. Собрания членов и посетителей «Урании» проходили сначала в собственном доме Лукина (местонахождение точно не установлено), а затем в специально снятом помещении на Мойке, «против Галерного двора», т. е. в одном из домов на набережной Мойки между Храповицким мостом и Английским проспектом (ныне проспект Маклина).

На заседаниях масонов значительное время отводилось ритуалу приема «учеников» или возведения членов ложи в более высокую степень. Присяга была простой. Вступающий клялся «быть преданным подвигам милосердия и исполненным духа христианства», верноподданным государя, «изощрять силы разума своего, очищая его от предубеждений, своемыслия, ученой гордости и приучать его к созерцанию дел творца». Затем следовали страшные заклинания: «Пусть гортань моя будет перерезана, язык мой исторгнут» и т. п. Все это принимаемый произносил с завязанными глазами.

Заклятья, угрозы, меч возле груди, который он видел, когда с глаз снимали повязку, имели целью проверить стойкость новичка. После приема наступала мирная жизнь. В соседних комнатах можно было вкусно поужинать, сыграть в карты или в бильярд, побеседовать на философские темы. Часто «братья с талантами» устраивали концерты. Одних такие собрания удовлетворяли, другие тщетно ждали раскрытия «великой тайны».

Вскоре «истинно масонской» стали считать «шведско-берлинскую» систему. Во главе лож этой системы в России стоял барон Рейхель. «Тут все было обраще-

но на нравственность и самопознание»,— говорил Н. И. Новиков, с 1775 года связавший свою жизнь с масонством. К Рейхелю примкнули Дубянский и Кутузов, пришедшие в конечном счете к крайнему мистицизму. Центр масонства переместился в Москву, куда в 1778 году переехал и Новиков.

В 1773—1774 годах Радищев несколько раз посетил ложу «Урания». Любя Кутузова, он хотел понять, что привлекает друга в масонском учении. Бывая лишь на открытых заседаниях, где непосвященные не знакомились ни с символами, ни с уставом, а лишь вели беседы на нравственные темы, ужинали с шампанским, наслаждались музыкой, Радищев слышал и о тайных ритуалах масонов. Очень скоро он увидел, что никакое масонство гонимых и обездоленных защитить не сможет. Свои мысли об этом он высказал Кутузову. Тот обиделся, и отношения друзей прервались на несколько лет. Восстановились они в 1781 году по инициативе Радищева. В своих письмах он спорил с Кутузовым о «мнениях», доказывая, что распространение мистики — это возвращение к средневековью, к временам невежества. «Бредоумствования» масонов и их обряды Радищев зло высмеял в «Путешествии из Петербурга в Москву».

«Я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее,— говорит автор «Путешествия»,— нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям».

В 1774 году Радищев стал посещать собрания Английского клуба. Привел его сюда все тот же Яков Дубянский. Девиз клуба — «Единодушие и веселье» — обещал отдых, дружескую беседу, интересные разговоры,

развлечения. Здесь можно было играть в шахматы, бильярд и карты, уединиться в особую комнату для чтения русских и иностранных газет. В клубе завязывались деловые знакомства. Обсуждались вопросы коммерции. Для членов его устраивались концерты. Находился Английский клуб в доме Кизеля на Новой Исаакиевской улице (улица Гоголя, участок дома не установлен).

Клуб являлся старейшим в России учреждением подобного рода. Создан он был в 1770 году по инициативе владельца фарфоровых заводов Гарднера и назывался Санкт-Петербургским английским собранием. Сперва в члены клуба принимались только купцы-иностранцы, жившие в Петербурге. Позднее это правило отпало, и клуб стали посещать русские купцы, чиновники и дворяне. Правда, по уставу членами его могли быть лица, имевшие чин не выше бригадира (следующее по старшинству звание после полковника). Этот запрет был снят лишь в 1801 году, после чего облик клуба и его социальный состав резко изменились. Из купеческого он превратился в аристократический, посещение которого стало признаком хорошего тона.

Радищев бывал в Английском собрании в тот период, когда оно не утратило еще третьесословного характера. Возможно, здесь пробудился в нем интерес к вопросам коммерции вообще и внешней торговли в частности. Не исключено также, что знакомство с непременным членом клуба Сергеем Васильевичем Беклемишевым сыграло определенную роль, когда Радищев поступал на службу в Коммерц-коллегию, вице-президентом которой был Беклемишев. Но это произойдет позже.

А пока — инспектирование судейских дел в полках Финляндской дивизии, подготовка конфирмационных приговоров, допросы...

Добродетельный судья Крестьянкин, один из персонажей «Путешествия», говорит: «Я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаяся причин, оные производивших».

В этих словах, конечно, отражен и личный опыт самого автора «Путешествия». Радищев также искал «подпоры» в законе и чаще всего не находил ее. «На что право, когда действует сила?» Служить силе Радищев не захотел.

* * *

В Москве заседала Секретная комиссия, учрежденная для расправы над Пугачевым и его соратниками. Крепостники требовали «не только большой жестокости» по отношению к побежденным, но и чтоб число казненных «немалое было». Во многих городах Российской империи шли суды над «воинскими служителями» за «предательство бунтовщику и самозванцу Пугачеву».

Екатерина II в беседах с Дидро, в письмах Вольтеру заявляла, что простила бы Пугачева, если бы дело шло об оскорблении, нанесенном лично ей. Она подписала приговор, в котором к казни было присуждено шесть человек. Многих приговорили к каторге, вырыванию ноздрей, клеймению и порке. Однако жаждавшие крови крепостники остались недовольны «мягкостью» императрицы.

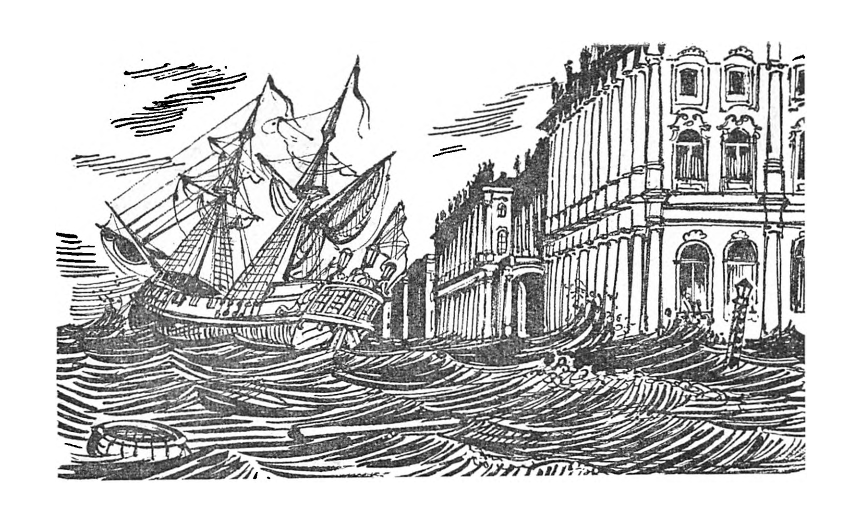
10 января 1775 года казнь свершилась. Палач, выполняя секретный приказ Екатерины, переданный через генерал-прокурора Вяземского, сперва отрубил

голову Пугачеву, а не четвертовал его заживо. Тело крестьянского вождя было выставлено напоказ в разных частях города «в вящее впечатление буйственной черни».

Весть об этом через два дня была получена в Царском Селе. Через несколько дней в сопровождении огромной свиты отбыли в Москву императрица и наследник. Предстояли длительные торжества по случаю победы над турками, а главное — над «внутренними злодеями». Выехал в Москву и штаб Брюса, а вместе с ним обер-аудитор дивизии.

Радищев сочувствовал восставшим, понимал справедливость их борьбы против крепостной неволи и «тяжести порабощения». Но он видел неорганизованность крестьянского движения и далек был от идеализации стихийной войны во главе с «мужицким царем».

В Москве Радищев подал прошение об отставке, мотивируя его «домашними нуждами». 31 марта 1775 года Государственная военная коллегия удовлетворила его просьбу, и он был «от воинской службы отставлен с награждением по удостоинству секунд-майорского чина, и... отпущен в дом на ево пропитание».

В ОТСТАВКЕ

ДОМ НА ПЕСОЧНОЙ

...Давно не видела белокаменная таких пышных празднеств, как нынешние,— пожалуй, со времени коронации Екатерины II: торжественные приемы в Кремле, маскарады, куртаги с музыкой.

В связи с тем, что царская семья не спешила покинуть Москву, сюда прибыла и Главная дворцовая канцелярия.

Приехал в первопрестольную и «дворцовой канцелярии бригадир» Василий Кириллович Рубановский вместе с дочерью Анной и женой Акилиной Павловной.

Анна и Александр Радищев давно уже любят друг друга и объявили об этом родным.

Отец невесты и ее мать без радости встретили признание молодых. Они рассчитывали на более выгодную для дочери партию, но, видя, что «от препятствий любовь усиливается», дали согласие на брак. В Москве и состоялось венчание.

Приблизительно в это время отец невесты имел очень неприятный для него разговор с кабинет-министром Елагиным. Дело в том, что в конце прошлого года Рубановский, нарушая заведенный порядок, обратился с жалобой к наследнику, в которой сетовал на то, что уже много лет он не получает повышения в чинах. Еще в 1764 году он был произведен в статские советники и с тех пор продолжает пребывать в том же звании.

Жалоба попала в руки Екатерины II, которая предписала Елагину сделать Рубановскому «именем моим крепкий за сие выговор». По-видимому, императрица заподозрила его в принадлежности к сторонникам Павла, что и вызвало ее гнев.

«Крепкий выговор» столь сильно подействовал на Рубановского, что он слег и вскоре умер. Его похоронили на одном из московских кладбищ, а семья возвратилась в Петербург.

В столице у Рубановских кроме двухэтажного каменного дома на Большой Миллионной был деревянный дом на Песочной улице. В нем и поселились супруги Радищевы. Каменный дом стали сдавать внаем.

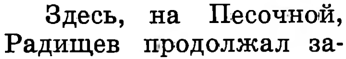
Песочная улица давно исчезла с карты города. Проходила она между нынешними улицами Пушкинской и Марата. Район этот в те годы был мало застроен. Обширный участок, принадлежавший Рубановскому, тянулся от Грязной улицы (ныне улица Марата) до Песочной.

В августе 1776 года в доме на Песочной отпраздновали крестины первенца — Александра. Восприемни-

А. В. Радищева.
С портрета неизвестного художника XVIII в.

ками были Акилина Павловна и ее сын от первого брака морской офицер Александр Андреевич Ушаков, один из верных друзей Радищева. Но ребенок жил недолго: болезнь унесла его. Позднее родились сыновья-погодки: Василий, названный в честь умершего деда, и Николай, получивший имя деда по отцу.

Здесь, на Песочной, Радищев продолжал заниматься науками. Он изучал право, медицину, труды по минералогии и географии, экономику и философию.

Супруги часто посещали театр, бывали на любительских спектаклях. В XVIII веке любительские вечера пользовались не меньшим успехом, чем концерты профессионалов. Нередко на таких вечерах во дворцах вельмож выступали зарубежные исполнители, а в спектаклях вместе с любителями играли профессиональные актеры, среди них и знаменитый Дмитревский. Всему Петербургу были известны любительские спектакли в особняке П. В. Бакунина (местоположение дома не установлено).

Мы не знаем, бывал ли Радищев в доме Бакунина, где дочери А. А. Дьякова пленяли сердца молодых поэтов, хотя это вполне возможно: ведь сын Дьякова

Николай служил в штабе Брюса вместе с Радищевым. Но не подлежит сомнению тот факт, что он еще будучи холостым, а позже вместе с женой посещал концерты в доме графа А. Р. Воронцова (ныне Московский проспект, 17), слушал «агромадную ораторию» Паизиелло у А. А. Безбородко (улица Союза Связи, 7), видел спектакли воспитанниц Института благородных девиц, среди которых были его свояченицы.

Институт занимал помещения Смольного монастыря (позднее перестроены). Где именно давались спектакли, не удалось выяснить. По свидетельству современника, это была «красивая круглая комната, стены которой очень мило расписаны в виде ландшафта». Зрители сидели за двойной балюстрадой, т. е. за перилами из фигурных столбиков.

Участвовала, и весьма активно, в институтских спектаклях Елизавета Рубановская. Пятнадцатилетним подростком она исполняла главную роль в трагедии Александра Сумарокова «Семира». Вот как отзывался о ее игре драматург в «Письме к девицам г. Нелидовой и г. Борщовой».

...Со Ипокреною их действие лилось,
Как Рубановская в пристойной страсти ей
Со Алексеевой входила во раздоры
И жалостные взоры
Во горести своей
Ко смерти став готовой,
В минуты лютого часа́
С Молчановой и Львовой
Метала в небеса.

Елизавета Васильевна, по-видимому, обладала немалыми актерскими способностями. Это признавала и Екатерина II, когда писала Вольтеру о «дивном» исполнении Рубановской роли сутяжницы в его комедии «Блудный сын».

30 апреля 1776 года Радищевы присутствовали на торжественном акте по случаю первого выпуска Смольного института. Елизавете Рубановской в числе пяти лучших воспитанниц была вручена «медаль большой величины». Затем выпускницы произносили речи на русском, французском и немецком языках. Очевидец с восторгом писал в «Санкт-Петербургских ведомостях» о смолянках, «коих как произношение слов с особенным вниманием важности оных, так и выражение чувствительности сердца были явным доказательством приобретенных через воспитание душевных дарований».

* * *

Наступила осень 1776 года. Достаток в семье был невелик. Денег, которые присылал Радищеву отец, не хватало, чтобы содержать семью. Николаю Афанасьевичу самому приходилось нелегко. У него было одиннадцать детей. Пока младшие находились при нем, в Верхнем Аблязове, он еще сводил концы с концами. Но дети вырастали, старшие сыновья уезжали в город. Им нужно было выделять часть доходов. Заботило и приданое, которое надо было готовить дочерям. Рассчитывать на помощь отца писателю было трудно. Да, вероятно, он и не думал навсегда уйти со службы.

1 сентября Радищев обратился к императрице с челобитной, в которой просил причислить его к «статским делам». Больше года он ждал назначения, осмысливая грозные события недавнего прошлого, зорко всматриваясь в настоящее.

Война под водительством Пугачева показала, что крестьянство не может и не хочет жить по-старому, а крепостники не уступят своих прав. Правительство, защищая интересы дворян, разрабатывало меры, по-

средством которых надеялось привести Россию к повсеместному послушанию.

Донских казаков лишили самоуправления. Ликвидировали извечное убежище беглых — Запорожскую сечь.

Усилили аппарат власти в губерниях. Во главе каждой губернии были поставлены губернатор и его помощник — вице-губернатор. На две-три губернии назначался наместник, осуществлявший здесь верховную власть. При нем учреждалось наместническое правление.

В Петербурге и Москве вводилась должность начальника полиции — обер-полицеймейстера,— который должен был вылавливать «дерзостных людей» и насаждать порядок.

А чтобы каждый знал место, соответствующее его званию и сану, и не вводил «в соблазн и заблуждение» других роскошью, издан указ «О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволялось иметь». Особам первых двух классов разрешалось выезжать на шестерке цугом. Перед их экипажами могли скакать два вершника. Знать помельче также могла иметь выезд из трех пар, но без форейторов. Для лиц шестого — восьмого классов регламентировался выезд четверкою, а для обер-офицеров — парою.

Признавая важную роль купечества в экономической жизни страны, правительство в изданной позже «Жалованной грамоте городам» предоставило купцам некоторые права в городском самоуправлении.

Но главной заботой царского двора были помещики. Твердой рукой императрица защищала интересы крепостников. Проводником этой политики и деятельным помощником Екатерины II стал ее новый фаворит Григорий Потемкин, пожалованный в генерал-адъютанты. Человек недюжинный, умный, инициа-

тивный, проницательный, безудержно капризный и расточительный, он пользовался огромной властью.

Царский двор, уверенный, что народ надолго приведен «к смирению и послушанию», блистал невиданной ранее роскошью.

Радищев видел, как украшается величественными зданиями столица. Невский приобретал облик главной, парадной улицы. Дома на нем возводились в три-четыре этажа вплотную друг к другу, вдоль так называемой красной линии.

Застраивалась территория между Фонтанкой и Литейной улицей, где находились пушечный двор, лесные склады и рынок. Вырастали красивые особняки на левом невском берегу.

Углублялось и спрямлялось русло речки Кривуши. Несколькими годами раньше ее соединили с Мойкой. Теперь берега ее одевались в гранит, и она становилась каналом, нареченным именем Екатерины (ныне канал Грибоедова).

Сумрачный Петербург с его гвардией и чиновниками, с его дворцами и убогими хижинами на болотах все более становился символом империи.

Пытливому уму многое давали наблюдения жизни столицы, ее социальных контрастов.

В «особливых двориках», принадлежавших частным лицам, выставлялись на продажу крепостные. На этих невольничьих рынках существовали свои традиции и правила. Покупателю не нужно было спрашивать о стоимости живого товара. На лбу и груди мужчин, женщин и детей вывешивались ярлыки с указанием цены, а также с перечислением их трудовых навыков и профессий.

Иностранец, посетивший такой рынок, свидетельствовал: «Я не думаю, чтобы продажа негров на сене-

гальских перекрестках была бы более позорной, чем то, что происходило в Петербурге еще в конце XVIII века, под покровительством Академии наук и на глазах Екатерины Великой, Екатерины-Философа».

Впрочем, просвещенная императрица считала, что в богом вверенной ей стране царит всеобщая благодать, а позднее запретила даже употребление слова «раб». В одном из своих указов Екатерина II повелела реляции, письма, прошения, присылаемые на ее имя, подписывать «вместо *всеподданнейшего раба*... просто *всеподданнейший* или *верный подданный:* а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех бумагах, где до сего слово *раб* включаемо было, вместо оного употреблять имя *подданный»*.

Подобные заявления и указы могли скрыть правду лишь перед политическим слепцом. Однако им верили даже такие умы, как Вольтер и философы-энциклопедисты. Ошибка их объяснима: они судили о положении русского народа по письмам к ним самой императрицы, которая не жалела красок, живописуя «благоденствие» крестьян.

Трудно сказать, бывал ли Радищев в «особливых двориках», где шла работорговля. Но об аукционах, на которых вместе с домами и именьями продавались крепостные, он знал. Впрочем, об этом знала вся Россия.

«Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости» дважды в неделю (такова была периодичность этих изданий) извещали о предстоящих торгах:

«На пятой версте от Петергофа продается дача. На оной разведен фруктовый сад. При ней также находится крестьянин с женой. О цене спросить в Галерном дворе, в доме № 257 у дворника».

«Продается мальчик 16 лет, знающий отчасти поварное искусство».

Еще в 1772 году Екатерина II издала указ, запрещавший продавать дворовых людей вместе с домами или усадьбами, которые шли в уплату долгов. Но этот указ остался на бумаге. Аукционы, где распродавались не только усадьбы, но целые семьи, не считались запретными. Об одном из них Радищев рассказал в главе «Медное» своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

Эту трагическую, полную гнева новеллу он начинает, приведя почти дословно газетное объявление:

«Сего ... дня, по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда, или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в ... части, под №... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

Вот эта несчастная семья, «на продажу осужденная».

Семидесятипятилетний старик, который в молодости сопровождал отца своего нынешнего господина в боевых походах и однажды вынес его, раненного, с поля боя. Потом он стал дядькой молодого барина, оберегал его, «спас от утопления, бросясь за ним в реку». Жена старика, бывшая кормилицей матери своего господина, потом его нянькой. Их дочь, вскормившая своим молоком барина, который вывел теперь их на торжище. Ее дочь, внучка стариков. Барин обманом и силой овладел ею. Вот она, стоит тут же. На руках у нее ребенок — «живой слепок прелюбодеяний его отца». Рядом — «детина лет в 25, венчанный ее муж, спутник и наперсник своего господина».

Все они будут проданы порознь, и, возможно, навсегда расстаются друг с другом. Покидая аукцион, автор говорит, что это «срамное позорище» ничем не

отличается от варварского обычая продажи «черных невольников» в Америке.

Много думал Радищев о том, как покончить с этим несчастьем и му́кой России.

Помещики не согласятся уничтожить крепостное право. Никогда они не отдадут то, что имеют. «Свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности»,— с горьким сарказмом напишет он в своей книге.

Нечего ждать ее и от тех, кто стоит у власти и мог бы содействовать освобождению крестьян.

«Свободы... ожидать должно... от самой тяжести порабощения».

К такому революционному выводу придет Радищев.

НАВОДНЕНИЕ

В ночь на 10 сентября 1777 года тревожный шум разбудил обитателей Песочной улицы.

Из ворот Егерского двора Придворной конторы, что находилась против дома Рубановских, на рысях выехала команда вершников. За нею потянулись телеги, груженные лопатами, баграми, топорами. На роспуске провезли лодку. Звонили колокола церквей Знамения и Владимирской.

В ту страшную ночь разбушевалась стихия. Вода в Неве поднялась выше ординара на три с четвертью метра. Волны бились о стены Зимнего дворца, перекатывались по линиям Васильевского острова и улицам Петербургской стороны. Под водой оказались Галерный двор, Коломна, Адмиралтейская часть.

Вот как рассказывает о бедствии, постигшем столицу, очевидец поэт Михаил Муравьев, живший на Васильевском острове. Он писал родным: «На 10 число

всю ночь стоял преужасный ветер с моря. У нас много стекол повыбило. В пять часов поутру валом прибыла вода... Мост снесло и плашкоуты разбросало по сваям. В Галерной гавани люди спасались по кровлям, и несло домы. Не было воды только у Владимирской и частью на Литейной. У нас, я думаю, на аршин или более было. Рыжак стоял по брюхо в воде. Убывать стало в десятом часу понемногу и наконец везде осушилось. Людей почитают с тысячу утопших, другие — три тысячи. Убыток полагают миллионами... И у нас снесло мост. Дюйма на три вода была в наших горницах. Мы все носились на чердак; в кухне ездили на плоту... Теперь еще, куда ни пойдешь, на всякой улице позорище (зрелище.— *Авт.*) печали и разорения, поваленные заборы, пожитки жителей, груды кокор (вид судового леса.— *Авт.*) нанесенных; на острову по набережной в седьмой линии — большая барка с сеном. Вся седьмая линия занесена пластинами (распиленными вдоль бревнами.— *Авт.*), так что пройти трудно... Во дворце и погребах потонуло 18 человек. Галиот перед ним поставлен на сваях (двухмачтовое мелкосидящее судно; вода подняла его над парапетом и принесла к Зимнему дворцу.— *Авт.*). Сколько барок занесено, изломано! Везде из нижних жильев отливаются. Инде где дровами устлано. В деревянном Гостином дворе на аршин воды было. С каменного крышу сорвало ветром. У дядюшки в это время было загорелось и говорил, будто палаты шатались. Но мы не приметили ни малейшего знаку землетрясения».

Эти бесхитростные строки — редчайший документ, в котором о наводнении 1777 года говорится не официально и не по чужим впечатлениям. Автор не хочет волновать родных, но картина, нарисованная им, выразительна и точна.

Городские власти оказались неспособными принять меры для спасения граждан. Высокопоставленные вельможи, облеченные доверием царицы, не могли решить ни одного вопроса, когда потребовались быстрые и энергичные действия. Императрица была раздражена. Об этом можно судить хотя бы по воспоминаниям некоего Н. А. Юренева. Посланец дважды приходил с сообщением о том, что вода подбирается к стенам Петропавловской крепости. Императрица молча выслушала его, «только смотрела в сторону и понюхивала из табакерки». «Когда же в третий раз посланец явился с докладом о том, что вода заливает казематы, государыня вскочила, разразилась упреками, швырнула табакерку на пол и вышла из комнаты».

Некоторые исследователи творчества Радищева видят в главе «Чудово» «Путешествия» намек на события сентябрьской ночи, а в образе систербекского (сестрорецкого) начальника — Екатерину. Но это не так. В отличие от сестрорецкого начальника, которого подчиненные не решились разбудить, когда в заливе разыгрался шторм и гибли люди, Екатерина не спала. Она принимала гонцов, выслушивала донесения о размерах бедствия.

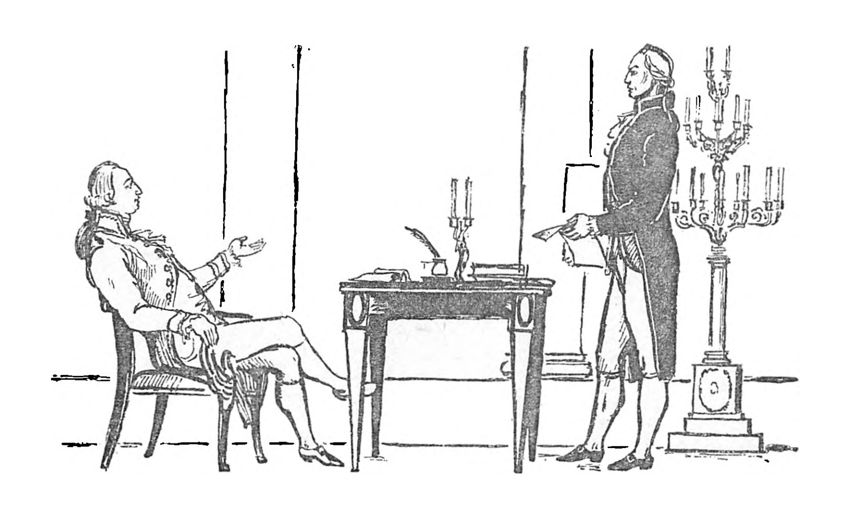
Но такова уж система самодержавной власти: она приучает лишь к покорности и исполнительности и гнетет инициативу. Исполнители были, а людей, умеющих без указки сверху организовать экстренную помощь пострадавшим, в столице не нашлось.

И нет ничего особенного в том, что систербекский начальник, о котором говорится в «Путешествии», спал, когда людям грозила смерть. Спасать терпящих бедствие не было предписано инструкцией, а следовательно, не входило в его обязанности. Действовать, руководствуясь другими побуждениями, например человеколюбием, этот начальник не был приучен.

После наводнения правительство попыталось принять кое-какие меры на случай стихийного бедствия. Продолжались работы по укреплению берегов, облицовке набережных Невы. Стали поднимать тротуары у домов. В низких частях города назначались дежурства спасательных лодок. Приказано было в случае подъема воды оповещать жителей пушечными выстрелами. Кроме того, об опасности днем надо было сигнализировать флагами, а ночью фонарями, которые поднимались на мачтах у Адмиралтейства, в Петропавловской крепости и других местах.

До Песочной улицы, где жили Радищевы, вода не дошла. Но на Большой Миллионной наводнение оставило печальные следы. Пострадал здесь и дом Рубановских.

Ущерб, причиненный городу ненастьем, был велик. Тысячи людей остались без крова, потеряли все, что составляло их достояние. Об их судьбе Радищев не мог не думать.

ЧЛЕН КОММЕРЦ-КОЛЛЕГИИ

В ДОЛЖНОСТИ АСЕССОРА

22 декабря 1777 года «правительствующий сенат в общем всех департаментов собрании приказали: на имеющейся в Коммерц-коллегии коллежского асессора ваканции быть... находящемуся не у дел секунд-майору Александру Радищеву...» В январе следующего года Радищев приступил к исполнению обязанностей младшего члена коллегии.

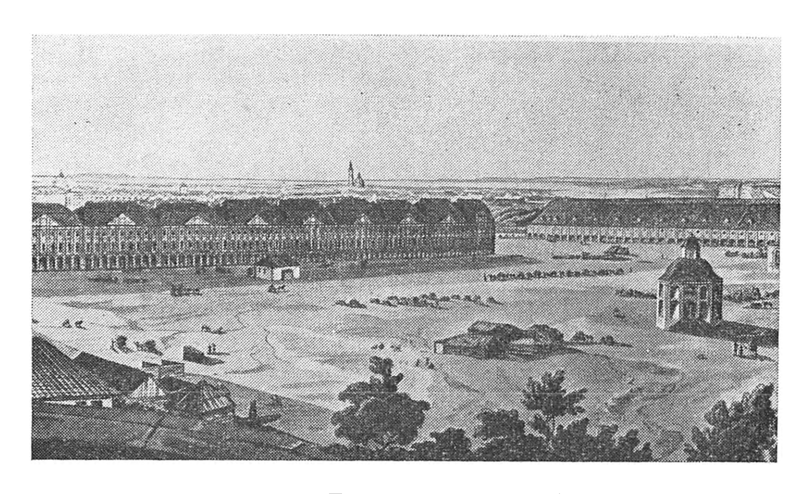
Возглавлял ее граф Александр Романович Воронцов, просвещенный вельможа, поклонник и знакомый Вольтера. Свою блестящую карьеру он начал на дипломатическом поприще. Был поверенным в делах при Венском дворе, полномочным министром в Лондоне и Амстердаме. В 1768 году Воронцов оставил службу

за границей и вернулся на родину, где стал сенатором и был удостоен высокого звания камергера. В 1773 году его назначили президентом Коммерц-коллегии. Кроме того, Воронцов являлся вторым присутствующим в Комиссии от коммерции, а позже — членом высшего совещательного органа — Совета при императорском дворе. Его дядя Михаил Илларионович Воронцов, канцлер при Елизавете и Петре III, отказался присягать Екатерине до смерти свергнутого императора. Приверженцем Петра III был и отец президента коллегии — Роман Илларионович.

Одну из сестер Александра Романовича — Елизавету — Петр III хотел сделать своей законной женой после предполагаемого заточения Екатерины в монастырь. Другая сестра Воронцова — Екатерина Романовна Дашкова — наоборот, была деятельной участницей переворота 1762 года, за что семья ее не любила. Дипломат Семен Романович сохранял с Россией минимальные связи.

Александр Воронцов не проявлял «ласкательства» по отношению к императрице, вел себя достаточно независимо, а к всесильному Потемкину и другим фаворитам был нескрываемо враждебен. И все же царский двор не мог не воздать должное выдающимся организаторским талантам Воронцова, его уму, образованности, преданности интересам государства.

Радищев мог познакомиться с Воронцовым и на заседаниях ложи «Урания», но, скорее всего, вельможе о молодом юристе рассказал вице-президент Коммерц-коллегии Беклемишев. Как писал сын Радищева Николай, президент коллегии «принял сначала молодого сотрудника своего весьма сухо и, полагая, несмотря на известную его ученость, что он не что более как человек светский и рассеянный, не надеялся найти в нем способностей к делу. Но Александр Николаевич, при-

Здание Двенадцати коллегий.
Рисунок Д. Аткинсона. Конец XVIII в.

няв должность, принял и твердое намерение отправлять ее сколько можно лучше».

Коммерц-коллегия находилась в здании Двенадцати коллегий, построенном Доменико Трезини по замыслу Петра I в 1722—1732 годах. Заложенное тогда, когда еще предполагалось, что центром новой столицы станет Васильевский остров, оно выходило к Неве узким торцом, а главным, восточным фасадом — на огромную остававшуюся незамощенной до середины 90-х годов XVIII века Коллегскую площадь. Площадь эта простиралась до конца Стрелки Васильевского острова, где на отмели был выстроен «Театриум» — большой помост. На нем устраивались фейерверки, потешные огни, разыгрывались представления с обязательным участием мифологических персонажей.

На службу Радищев приезжал в лодке или попадал другим путем — по плашкоутному мосту через

Неву, который ежегодно наводился от Сенатской площади к 1-й линии. Переправившись через реку на лодке (казенные служащие переезжали «всегда безденежно», с остальных взималась плата в одну или две копейки), Радищев проходил мимо бывшего дворца вдовы царя Ивана Алексеевича царицы Прасковии Федоровны, переданного после ее смерти Академии наук, и, обогнув здание Кунсткамеры, где размещались библиотека и музей, оказывался на площади.

У сараев, тянувшихся от центра площади к невскому берегу, стояли извозчики. Место это называлось «Америкой», возможно потому, что тут хранились товары, привезенные из-за океана. Над сараями виднелась фигурная крыша «покоя» Готторпского глобуса— своеобразного первого русского планетария.

Ближе к зданию Двенадцати коллегий стояло небольшое каменное помещение — кордегардия. В нем размещалась караульная команда. Такие караульные были построены во многих частях города, «для сохранения порядка в народе». В дождливую погоду площадь утопала в грязи. А весной и осенью низкие ее места превращались в болота.

В восемь часов утра начиналось заседание коллегии. Члены ее отмечались в особом журнале и приступали к обсуждению текущих дел.

Коммерц-коллегия занималась многими вопросами внутренней и внешней торговли, развития промышленности и ремесел. Она находилась в постоянной деловой связи с иностранными полномочными представителями в России, вела обширную переписку с русскими консулами в зарубежных городах. Ей часто приходилось рассматривать жалобы иностранных и русских купцов, разбирать их судные и дисциплинарные дела.

По полномочию коллегии Радищев присутствовал на заседаниях Сената или докладывал Сенату о реше-

ниях, принятых Коммерц-коллегией. Кроме того, он участвовал в качестве представителя коллегии в судебных заседаниях Магистратского департамента и отвечал за работу коллежской канцелярии.

Одновременно с исполнением служебных обязанностей Радищев много времени уделял изучению вопросов экономики и практики работы коллегии. «Целый год он занимался единственно чтением журналов и определений Коммерц-коллегии, чтоб вникнуть в существо и образ течения дел ее, стараясь все встречающиеся в бумагах обстоятельства соображать с законами...— писал об отце Николай Радищев.— Вникнув наконец в дела Коммерц-коллегии, он начал показывать непреклонную твердость характера в защите правых дел».

Радищев выполнял важные государственные поручения Воронцова. Он проверял подчиненные коллегии учреждения, участвовал в объединенных комиссиях центральных ведомств. Его подпись, например, стоит среди других подписей под докладом общей конференции Коммерц- и Берг-коллегий, наметившей ряд мер по улучшению организации экспорта железа, выплавляемого на казенных заводах.

Приходилось ему расследовать и дела таможенного ведомства. В архивах сохранились некоторые из них. Вот одно, связанное с неблаговидной деятельностью представителя английской торговой фирмы в Петербурге Вильяма Кокса.

За привезенные в Россию товары его фирма должна была уплатить две тысячи двести восемьдесят восемь рублей таможенного сбора. Кокс подделал эту цифру, первую двойку стер и заплатил всего двести восемьдесят восемь рублей, а две тысячи прикарманил. Но мошенничество не удалось скрыть. Кокс был взят под стражу, началось следствие. В это время объ-

А. Р. Воронцов.
С миниатюры начала XIX в.

явился некий Кунекг, учитель Кадетского корпуса, назвавшийся родственником Кокса, и внес растраченную сумму.

Казалось, дело можно решить, примерно наказав англичанина. Но Коммерц-коллегию интересовал не только сам факт преступления. Почему оно могло иметь место?

Столичная и другие таможни имели двойное подчинение. Непосредственно они отчитывались перед Главной над таможенными сборами канцелярией. Коммерц-коллегии принадлежало общее руководство таможенным делом. Такая практика порождала множество неудобств, ограничивала пределы влияния коллегии. Но она позволяла таможенным чиновникам творить беззаконие, запускать руку в государственный карман.

Радищеву и другим членам коллегии не сразу удалось распутать сеть злоупотреблений. Таможенные канцеляристы чинили следствию всевозможные препятствия. Они не являлись на допросы, ссылаясь на болезни. Давали ложные показания. Отказывались представлять бухгалтерские книги, говоря, будто они погибли во время наводнения.

Расследование длилось долгие месяцы. Закончено оно было только в конце 1780 года. Раскрылась удручающая картина. Оказалось, что вся таможня была замешана в растратах, хищениях, подлогах,

Следственная комиссия, в которой ответственную роль играл Радищев, единственный из членов коллегии имевший юридическое образование, нанесла сокрушительный удар по гнезду казнокрадов и взяточников. Но он сильно был смягчен Сенатом, который распорядился лишь уволить расхитителей.

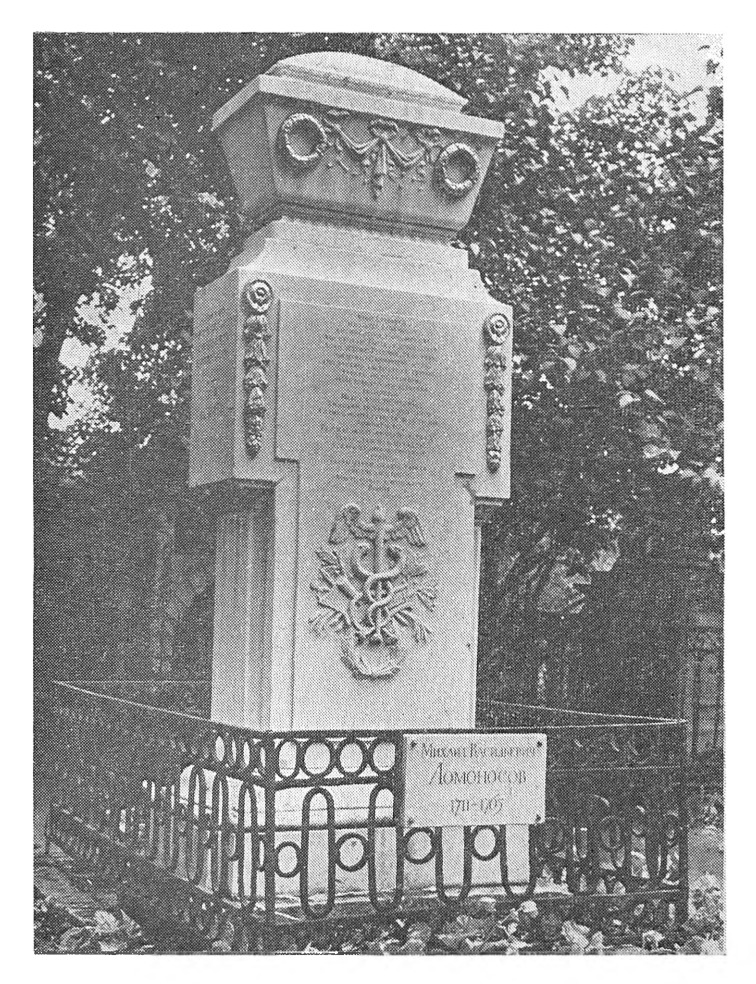
Главная над таможенными сборами канцелярия была ликвидирована, таможни стали подчиняться непосредственно Коммерц-коллегии.

Летом 1779 года Сенат по ходатайству Коммерц-коллегии присвоил Радищеву чин коллежского асессора. Однако получал он всего четыреста пятьдесят рублей в год. Это позволяло лишь с трудом сводить концы с концами. А расходы были большими, хотя семья вела очень скромный образ жизни. Приходилось делать долги, брать заем в Коммерческом банке, а потом выплачивать его по частям.

„СЛОВО О ЛОМОНОСОВЕ"

«Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невский монастырь и долго гулял в роще позади его лежащей» — так начинает Радищев свое сочинение о великом ученом и стихотворце. Написав эти слова, он делает примечание, из которого следует, что местность за монастырем Александра Невского называется Озерками.

Для ленинградца это звучит неожиданно: Александро-Невская лавра — и Озерки. Но Радищев не ошибался. Действительно, в XVIII веке так называли лес с двумя небольшими озерами, находившимися за монастырем. Когда территорию эту приобрел в свою собственность Потемкин, он построил «на одном из

Памятник М. В. Ломоносову.
Фото 1975 г.

Озерков великолепный увеселительный фрегат, в лесу деревянный для балов дом и близ дороги, идущей по берегу Невы, два знатных стеклянных завода»,— сообщал историк Петербурга Георги.

«Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва-едва ли на синем своде была чувствительна»,— продолжает Радищев, рисуя белую петербургскую ночь. Желая быть до предела точным, он в примечании отмечает месяц, когда происходит действие,— «июнь». «Возвращаясь домой, я шел мимо Невского кладбища».

Это было старейшее в городе кладбище. Его называли также Лазаревским. Здесь возвышалось много красивых и пышных надгробий. Среди них выделялся мраморный памятник на могиле Ломоносова, воздвигнутый на средства канцлера М. И. Воронцова. Рассказчик останавливается перед надгробием.

В чем заключается бессмертие? — думает он. Не в «гробницах великолепных»: «Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия,— обращается автор к Ломоносову.— Слово твое, живущее присно и во веки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий». Бессмертие достигается делами человека, бессмертие Ломоносова в его творчестве. Для Радищева Ломоносов велик не только как ученый, мыслитель, который вошел в «храм любомудрия», чтобы всеми силами своего гения оказать «услугу отечеству». Он останется навсегда в веках прежде всего потому, что дал новую жизнь родному языку, в своем творчестве опирался на народные основы языка: «Доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь».

Рассказывая биографию Ломоносова, писатель рисует тернистый путь русского помора к высотам науки, подчеркивая качества, которые позднее назовет национальными («твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении»). Он ставит достижения Ломоносова в прямую связь с общим прогрессом послепетровской России: «Когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг». Радищев не хочет представить Ломоносова «богом всезиждущим», «истуканом на поклонение обществу». «Истина есть высшее для нас божество»,— заявляет писатель. Она необходима, чтобы освободить образ ученого и стихотворца от ложных представлений.

В официальных кругах не раз менялось отношение к Ломоносову. То поэта замалчивали, то начинали расхваливать; то называли «российским бардом», оригинальным творцом прекрасных од, то говорили о подражательном характере творчества Ломоносова, а его систему стихосложения объявляли полностью заимствованной у немцев. Одновременно его превозносили как певца Елизаветы, что равнозначно было понятию «певец самодержавия».

Радищев отвергал такие взгляды. Для него, например, ломоносовская ода «На взятие Хотина» — высокохудожественное творение, «первородное чадо стремящегося воображения не по проложенному пути». Здесь — «необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышущие».

Ну, а что касается системы стихосложения, созданной Ломоносовым, то она глубоко национальна, ибо основана «на благогласии нашего языка». В сочинениях его учтено не только «забытое в книгах церковных», но и весь опыт античной и европейской культуры.

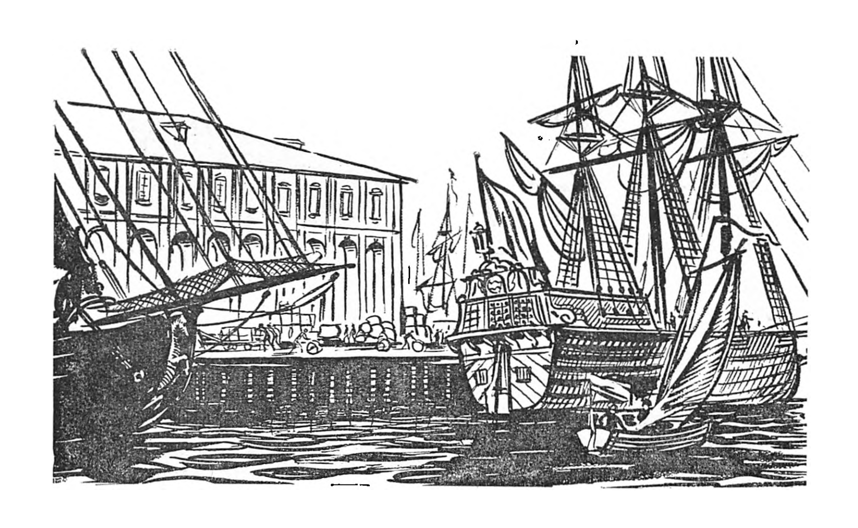
Вместе с тем Радищев счел необходимым подчеркнуть, что время, обусловившее силу Ломоносова, определило и его слабые стороны: «Следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете».

То, что считалось силой поэта, Радищев назвал слабостью, показав при этом, какое незначительное место занимала «похвала» в деятельности поэта-новатора. «В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно». Не певца Елизаветы, а «обновителя русского стихотворства и красноречия» славит Радищев в Ломоносове, его примером доказывает, что воля человека может преодолеть неблагоприятные обстоятельства.

Бессмертна прогрессивная мысль, мощно воздействует она на «души современников или потомков». Велика роль тех, кто первый дает толчок новому движению. Пусть они не увидят результатов этого движения. Но «не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения?» — спрашивает автор «Слова» и отвечает на это: «Первый мах в творении всесилен был».

Прийти к такому убеждению было очень важно для Радищева: он готовился приступить к книге «Путешествие из Петербурга в Москву».

«Слово о Ломоносове» было начато в 1780 году и в «Путешествие» вошло в переделанном виде. Помещенное Радищевым в конце его мужественной книги, «Слово» является оптимистическим финалом великого творения писателя-революционера.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОРТОВОЙ ТАМОЖНЕ

„НЕУТОМЛЕННОЕ РАДЕНИЕ К СЛУЖБЕ“

Навигация... Столичный порт принимает торговых гостей из Англии, Франции, Голландии, из немецких городов.

У Стрелки Васильевского острова, в протоке западнее Петропавловской крепости, у причалов по берегам Малой Невы — десятка два судов. Кули и мешки с заморскими товарами, за которые плачено золотом, штабелями высятся на набережной: пакгаузы забиты до отказа. В них теснота такая, что «нередко иной дни два и три товара своего отыскать не может»,— сообщал Радищев Воронцову.

Купцы из Ржева, Белева, Гжатска, Калуги и других глубинных российских городов доставляли в сто-

личный порт для отправки за рубеж полотно, канаты, воск, кожи. С верховий Волги, с Мсты, Ильменя и Волхова приплыли баржи с пенькой и льном. Они разгружаются недалеко от наплавного Тучкова моста у Пенькового буяна.

Склады на буяне (речная пристань, причал) построены в 1770 году по проекту архитектора Ринальди (Большой проспект Петроградской стороны, 1-а). Они предназначались для хранения пеньки, экспортируемой за границу, а также служили своеобразным торговым залом, где иностранные купцы могли выбирать нужные им партии товара. Прием и продажа пеньки велись здесь в соответствии со строгими нормами, в разработке которых участвовал Радищев.

В сентябре 1779 года все члены Коммерц-коллегии во главе с президентом прибыли на буян и в присутствии депутатов от русского и иностранного купечества произвели «обраковку» пеньки, отобрав образцы. На образцы штемпельмейстер наложил свинцовые клейма, и они стали стандартом сортности. С тех пор каждый мог по ним определить качество товара. Об этом извещено было в «билете» (объявлении), текст которого составил Радищев.

Сахар, вина, шелковые ткани, кофе, галантерея — эти товары больше всего характерны для импорта, в котором главными являются предметы роскоши, предназначавшиеся небольшой части населения Российской империи. Три четверти таможенных доходов страны дает столичная таможня (ей подчинены таможни в Кронштадте и в Нарве). В государственном бюджете поступления от всех таможенных сборов составляют десятую его часть.

«Первый торговый город всего государства относительно заморского торга»,— писал Радищев о Петербурге.

С 30 марта 1780 года по представлению Коммерц-коллегии начальником столичной таможни, или, как называлась эта должность в XVIII веке, советником таможенных дел Санкт-Петербургской казенной палаты, Сенат утвердил Германа Юрьевича Даля, служившего ранее в Рижской таможне. Незаурядный специалист в области коммерции, Даль занимался также вопросами управления прибалтийских губерний. Сын ремесленника, он был сторонником освобождения крестьян, не таясь говорил об этом императрице, что возбуждало неприязнь крепостников и сблизило его с Радищевым. Русского языка Даль не знал, даже документы подписывал по-немецки. Но этот недостаток искупался большим практическим опытом. Дом Даля (местонахождение не установлено) — один из немногих, где охотно бывал писатель.

В тот же день заместителем начальника таможни был назначен Радищев. На официальном языке его должность называлась длинно и для нашего времени непривычно: «определенный в помощь статскому советнику Далю для таможенных дел». В связи с болезнью Даля и его частыми отлучками в Ригу Радищев скоро стал фактическим главой Петербургской таможни.

Вступив в новую должность, Радищев и Даль принялись наводить порядок среди служащих. Казнокрады и взяточники вынуждены были умерить свои аппетиты. Улучшилась практика досмотра товаров. В результате уже к концу первого года их совместной работы значительно возрос таможенный доход.

На это обстоятельство указывается, в частности, и в докладе губернского правления Сенату по поводу производства коллежского асессора Радищева в следующий чин. Отметив, что он проявил «совершенную ревность и неутомленное радение к службе», состави-

тели документа указывали, что Радищев «прилежностью своею и праводушием знатно способствовал к немалому приращению сего года против прежнего таможенных доходов...».

18 декабря 1780 года Сенат произвел Радищева в чин надворного советника. Кроме того, в награду ему «за приращение таможенного дохода» была выдана тысяча рублей.

Эти деньги оказались как нельзя кстати. В доме на Песочной стало тесно. Подрастали мальчики — Василий и Николай. Вместе с семьей Радищева жили его свояченицы Елизавета и Дарья Васильевны. Надо было начать строить новое жилье.

Один дом, каменный, двухэтажный, решено поставить фасадом на Грязную улицу. А рядом, торцом к нему, в глубине двора, деревянный, для сестер жены. Теща останется в старом доме, выходящем на Песочную улицу. Это строительство Радищев осуществил, надо полагать, в начале 80-х годов «общим, как его, так и своячин его коштом».

Каменный дом на Грязной (ныне улица Марата, 14) был длиной двенадцать и шириной семь сажен. Фасад первого этажа украшала рустовка; он имел восемь окон и одну дверь; второй этаж — девять окон и балкон в центре. Во двор дом выходил полуциркульным выступом — модной по тому времени формой постройки.

Здание сохранилось в сильно измененном виде. Оно дважды надстраивалось. С боков его были произведены пристройки, объединенные в одно целое с первоначальным сооружением.

Во дворе за домом во времена Радищева был пруд с островком посередине. В глубь двора тянулась березовая аллея, переходившая в лабиринт (запутанная сеть дорожек-коридоров среди густых кустов и деревь-

Дом на улице Марата, 14, в котором жил А. Н. Радищев.
Современная фотография.

ев). В саду росли фруктовые деревья и кусты роз. На грядах вызревали клубника и спаржа.

В доме на Грязной писатель прожил немало счастливых и трагических дней.

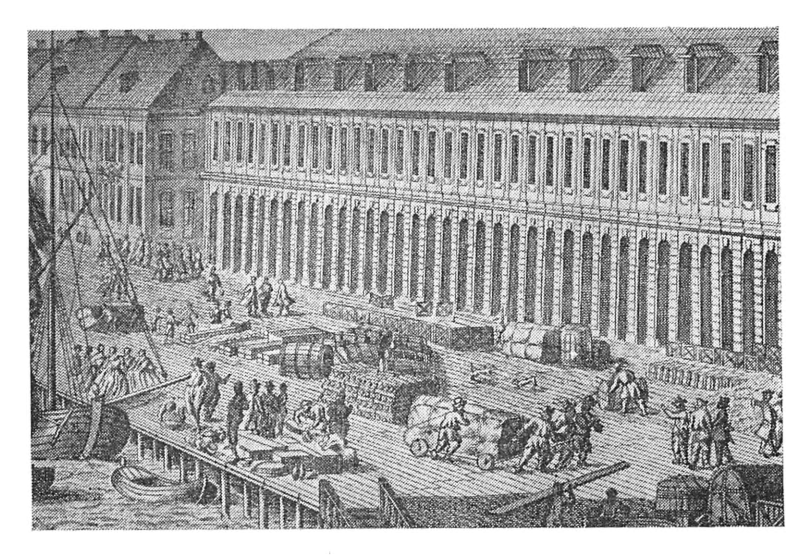
Большую часть служебного времени Радищев проводил в Казенной палате Санкт-Петербургского губернского правления, но часто бывал он и в Гостином дворе на Стрелке, в пакгаузах, биржевых помещениях, на пристани и Пеньковом буяне, в таможне. По делам ему приходилось выезжать в Кронштадт, проверять таможенные операции в Нарве, посещать консульства, которых в Петербурге было около десяти, или принимать в своем кабинете их представителей. Он вел пере-

говоры с иностранными коммерсантами, наблюдал за выполнением биржевых соглашений. Разрешал всевозможные конфликты, возникавшие между капитанами, владельцами импортных товаров и досмотрщиками.

Радищев в совершенстве знал французский и немецкий языки, «на коих как в разговорах, так и в письме объяснялся правильно, с легкостью и приятностью». Свободно владел он и «ученым латинским языком». «Но в новом звании своем увидел,— писал об отце Николай Радищев,— что как главная торговля России производится с Англией, то незнание английского языка может подвергнуть его неприятности быть некоторым образом в зависимости от своего переводчика, и потому, несмотря на многотрудные свои по должности занятия, а особливо в летнее время, когда приходят иностранные купеческие корабли, начал учиться по-английски, имея уже более тридцати лет от роду. Через год ему переводчик был уже не нужен... Сей язык сделался ему так же знаком, как французский и немецкий».

Помощника начальника Петербургской таможни часто можно было видеть не только на кораблях, доставивших грузы из-за рубежа. Приходил он и в Гостиный двор, где хранились привезенные товары.

Здание портового Гостиного двора построил архитектор Доменико Трезини в 1723—1735 годах. В плане оно представляло собой неправильной формы трапецию, сужающуюся к востоку. По фасаду и по периметру замкнутого внутреннего двора первый этаж состоял из открытых рустованных аркад, за которыми размещались складские помещения. Аркам первого этажа соответствовали окна второго этажа, украшенные наличниками. Венчала это огромное здание (длина его наружных стен семьсот пятьдесят метров) высокая крыша со множеством слуховых окон.

Биржа и Гостиный двор на Васильевском острове.
Гравюра И. П. Елякова по рисунку М. И. Махаева (деталь). XVIII в.

Время не сохранило это примечательное сооружение. Оно много раз перестраивалось. Незначительная часть его органично вошла в здание Института галургии (Тифлисская улица, 1), в котором, однако, уже невозможно найти признаки архитектуры XVIII века.

Перед Гостиным двором находилась пристань, а западнее него — Биржа, или, как тогда говорили, Биржевое зало. К нему примыкали таможенные пакгаузы, расположенные около нынешнего Таможенного переулка.

Пакгаузы были малы. Да и Биржа, где заключались торговые сделки, проводились аукционы и где купцы узнавали о ценах на заграничные и русские

товары, давно уже из-за тесноты помещений не отвечала своему назначению.

По поручению Воронцова Радищев составил докладную записку, в которой обосновал необходимость строительства новой таможни и более просторных пакгаузов. Ведь главный морской порт страны во второй половине XVIII века обеспечивал две трети внешнеторговых оборотов, осуществлявшихся по морю, и свыше половины всех торговых оборотов России.

Но строительство этих зданий было отложено, так как намечалось прежде построить здание Биржи: денег на все не хватало. В 1781 году на Стрелке заложили фундамент новой Биржи, проект которой и примыкавших к ней пакгаузов создал зодчий Кваренги. Возвели стены здания, но дальше дело не пошло: проект Кваренги признали неудачным. Биржа, которая сейчас украшает Стрелку Васильевского острова, создана архитектором Тома де Томоном в 1805—1816 годах. В разработке проекта этого прекрасного сооружения участвовал и выдающийся русский зодчий Андреян Захаров.

Новое здание таможни, о необходимости которого писал Радищев, было возведено только через полвека по проекту архитектора И. Ф. Лукини. Ныне здесь размещается Институт русской литературы Академии наук СССР — Пушкинский дом (набережная Макарова, 4).

По долгу службы Радищев обязан был следить за порядком охраны товаров, которые не должны были без таможенного разрешения вывозиться с портовых складов, и за тем, как содержатся русские товары, предназначенные на экспорт.

Тут многое было неблагополучно. На складах пеньки часто вспыхивали пожары, наносящие немалый ущерб. Как бороться с этим — власти не знали. Пола-

гали, что повинны в пожарах злые люди. Однако поджигателей не могли сыскать. Не находили и тех, кто по небрежению своему мог вызвать пожар, неосторожно обращаясь со светильниками или куревом. В то, что пенька может самовозгораться при попадании в кули влаги или масла, не верили. Нужно было доказать, сколь опасно небрежное хранение пеньки, и положить конец опустошительным пожарам.

В середине августа 1781 года таможенные служащие во главе с Радищевым и Далем провели интересный опыт, свидетелями которого были купцы и те, кому следовало заботиться о пожарной безопасности в порту и на складах. На берегу Невы, подальше от строений, они сложили в кучу пеньковую паклю, слегка смоченную маслом и политую водой, и накрыли ее старыми рогожами. Куча постепенно стала нагреваться и «через четыре дня произвела великое пламя, не оказав сперва никакого дыму».

Протокол об этом опыте, подписанный Радищевым и Далем и направленный Воронцову, заканчивался следующими словами: «Опыт сей равно во всякое время, даже и зимою, с равным успехом произвести можно».

Принес ли этот эксперимент желаемые результаты, уменьшилось ли число пожаров в пенечных амбарах, причиной которых были небрежение и халатность,— неизвестно.

В этот же период Радищев принял участие в разработке нового таможенного тарифа «как для привозных, так и для отпускных товаров». Составлением тарифа занималась подведомственная Воронцову Комиссия о коммерции. Воронцов привлек Радищева как консультанта к деятельности комиссии. После завершения работы Воронцов в специальном документе отмечал, что Радищев «разные порученные ему... для

оной комиссии касательно того тарифа сведения собирал и доставлял купно с своими на то примечаниями, из коих и оказалось, что знание его в таможенных делах... далеко уже распространилось».

Служба в таможне была живой, хлопотливой, требовавшей от Радищева больших организаторских способностей, глубоких знаний экономики и коммерции, незаурядных дипломатических способностей.

Но по-прежнему не одними служебными заботами жил Радищев — человек необычайно разносторонних интересов.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Осенью 1781 года впервые поднялся занавес в новом здании театра на Царицыном лугу, у Мойки. По собственной ли инициативе, по подсказке ли своего секретаря, крупнейшего драматурга Я. Б. Княжнина, начальник Комиссии о каменном строении И. И. Бецкой решил перестроить обветшавшее здание и создать благоустроенный общедоступный городской театр. По словам современника-иностранца, он был «построен в новом роде, совершенно еще неизвестном в здешнем городе. Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга. Лож не имеется, но, кроме паркета (т. е. семи рядов кресел перед сценой.— *Авт.*) и партера со скамейками, сделан трехъярусный балкон, возвышающийся один над другим без всяких промежутков. Живопись очень красива, и вид весьма хорош, когда, при входе, видишь зрителей, сидящих, как в древности, амфитеатрально».

В 1782 году во главе театра стал старейший русский артист И. А. Дмитревский. Замечательный актер, театральный педагог и режиссер, он состоял в боль-

шой дружбе с Д. И. Фонвизиным. Ему и удалось добиться разрешения на постановку комедии «Недоросль». Закончена автором она была в конце 1781 года, но постановке и публикации комедии воспрепятствовала цензура. Комедиограф читал пьесу в «частных обществах», распространялась она и в списках.

Только 24 сентября 1782 года, в бенефис Дмитревского, состоялась премьера «Недоросля». Роль Стародума исполнял сам Дмитревский. Правдина сыграл молодой актер и драматург, издатель журнала «Утра» П. А. Плавильщиков. В роли Еремеевны зрители увидели замечательного комика Я. Д. Шумского, причем все принимали его за настоящую старуху.

Театр был переполнен, спектакль имел большой успех. «Публика аплодировала пиесу метанием кошельков»,— сообщал «Драматический словарь».

Нет никакого сомнения в том, что Радищев, давний знакомый и свойственник Фонвизина, присутствовал на этом представлении, ставшем событием в истории русской культуры. С ним могла быть и Анна Васильевна, к тому времени уже поправившаяся после родов дочери Екатерины. Писатель не только видел спектакль, но и не один раз читал пьесу. Вместе с драматургом он обсуждал ее идею, спорил с ним.

Отголоски этих споров видны в таких главах «Путешествия из Петербурга в Москву», как «Зайцово» и «Городня». В них Радищев убедительно показывает, что ни честные чиновники, подобные Правдину, ни добрые помещики не в состоянии изменить судьбу крестьян, пока существует крепостное право. Вспоминает Радищев и о Кутейкине, обучавшем Митрофана грамоте. А о семье Простаковых он расскажет уже после ссылки — в «Памятнике дактило-хореическому витязю».

В публичном театре на Царицыном лугу Радищев видел мелодраму Княжнина «Орфей» также с участием Дмитревского.

С 1783 года этот театр стали называть Малым, так как 24 сентября на площади у Офицерской улицы, где издавна устраивались народные гуляния и балаганные представления, был открыт Большой каменный театр. Его выстроили на месте деревянного, когда-то перевезенного сюда с Царицына луга. (На этом месте сейчас стоит здание Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.)

Театр был расположен в сравнительном удалении от центра, и публика обычно прибывала сюда в экипажах. На собственных лошадях, которых подарил ему отец, приезжал с Грязной улицы и Радищев. Площадь перед театром, освещенная двенадцатью фонарями, была замощена. На ней имелось шесть своеобразных беседок, где зимой горели костры для кучеров и слуг, ожидавших господ.

Летом Большой театр посещала публика попроще, обыватели. Да и труппы, гастролировавшие в нем, не отличались высоким исполнительским мастерством. В это время года знаменитости предпочитали выступать в театре на Каменном острове, куда съезжались на спектакли зрители побогаче и знать. Но и зимой Каменноостровский театр не пустовал: в нем устраивались маскарады. В студеную зиму 1781 года здесь замерзли слуги каких-то бар. Боясь, что этот случай может испугать петербуржцев, организаторы маскарадов объявляли через газету о том, что «для служителей отведен теплый покой, а для тех, кои на дворе остаться должны, раскладены будут огни».

Трудно представить Радищева среди веселящейся маскарадной толпы, хотя он никогда не был аскетом и кабинетным затворником. Он мог сопровождать сю-

Я. Б. Княжнин.
Гравюра по рисунку Ф. Форопонтова.

да своячениц Елизавету и Дарью, которым не были чужды интересы их сверстниц. Летом, когда в Каменноостровском театре гастролировали зарубежные исполнители — чаще всего итальянские певцы и музыканты,— Радищевы приезжали сюда. Сам писатель очень любил искусство, в особенности музыку. Недаром его фамилию находим мы в списках членов Петербургского музыкального общества. Правда, написана она несколько необычно: «Mr. Radischefskyi». В том, что Радищев стал «господином Радищевским», виноват безграмотный писарь, регистрировавший посетителей.

Образовалось общество в 1772 году «соединением некоторых охотников до музыки». В его концертах участвовали музыканты Придворного оркестра и Придворной капеллы. Однако главной заботой учредителей общества была организация выступлений любителей — самих членов общества.

В 1777 году общество распалось, но через год было создано заново. Первый его концерт состоялся 9 декабря 1779 года, и в память этого события ежегодно устраивался праздничный вечер.

До нас дошел рукописный устав общества. Регламент предусматривал тщательный отбор членов общества, чтобы «удалять елико возможно неравенство

состояний и разнообразие мыслей» и не допускать тех, чье поведение и образ жизни «могли быть предосудительны». Особо оговаривалось, что в собрании следует «убегать пьянства, произношения неблагопристойных и язвительных речей и насмешек, шума и хохотания, яко единых источников всякого роду ссор и неустройств». За нарушение правил в первый раз полагался денежный штраф «в казну убогих», а затем — исключение. «Кто из сочленов произнесет бранные слова или дойдет даже до драки, имеет быть тотчас выключен из общества».

Эти пункты устава интересны как отражение реальной картины нравов.

Средства от членских взносов (двадцать пять рублей вступительных и семнадцать рублей ежегодных) шли для найма помещения (дом Чичерина; ныне Невский, 15), на покупку музыкальных инструментов, содержание оркестра и служителей, оплату гастролеров (от двадцати до ста рублей за концерт). Наблюдали за порядком избранные пять старшин и платный эконом Карлштрем.

Концерты устраивались раз в неделю. Ежемесячно давался маскарад или бал, на который каждый член общества имел право привести даму, но такую, которая не могла бы «делать малейший соблазн». Приглашение «соблазнительной особы» каралось исключением из общества.

Скучные правила с предупреждением «штраф... штраф... штраф», оплата маркеров и т. п. подтверждают клубный характер общества.

Сохранившиеся списки членов общества за 1780—1783 и 1788—1789 годы позволяют восстановить круг лиц, с которыми здесь встречался Радищев. Сюда приходили владельцы типографий и книгопродавцы, банкиры и содержатель известного гербера (трактира) Де-

мут, будущий историограф Петра I Иван Голиков, ученые Бахерахт и Болтин, Яков Дубянский, Александр Храповицкий и многие другие.

Концерты и собрания посещали писатели, художники, артисты. Бывали здесь поэты Михаил Муравьев и Василий Капнист, писатель и переводчик Андрей Нартов, издатель журнала «Санкт-Петербургский вестник» Арндт, исследователь русских народных инструментов Гютри, композитор-дилетант Лакоста, автор музыки песен на стихи русских поэтов Федор Дубянский, композитор Иван Хандошкин.

В списках мы находим драгоценный автограф «Иван Дмитревской. Придворного Росс. театра пер(вый) Актер» и писарскую запись: «Monsieur von Visin. Conseille du College» — Фонвизин. Рядом фамилии дипломатов Булгакова и Обрескова, а также «историка российской коммерции», собирателя народных песен писателя Чулкова, служившего, как и Радищев, в Коммерц-коллегии. А вот художники: «Дмитрий Левицкий — Академии художеств советник», Антропов — «обер-секретарь», рядом чья-то небрежная запись: «Mr. Staroff», т. е. архитектор Иван Старов, создатель Таврического дворца. Из списка в список переходит то автограф: «Федот Шубин, коллежский ассесор», то писарская запись: «Fedot Chubin» с вопросом — «assesor?»

Тяготение гениального ваятеля к музыке по-новому заставляет отнестись к его созданиям и бросает яркий свет на его проникновенное умение воплотить в скульптуре многообразие характера, на поразительную гармонию бесконечно разнообразных драпировок, дополняющих портреты.

В списках встречаются имена замечательного композитора Дмитрия Бортнянского и архитектора, собирателя народных песен, поэта Николая Львова.

В начале 1792 года общество распалось. Причин было много: война с Турцией и Швецией (многие члены отправились в армию); финансовые затруднения, которые возросли из-за махинаций эконома Карлштрема. Пришлось повысить цены на билеты, но и это не спасло.

Однако музыкальные запросы столичной публики не уменьшились. Тяга к музыке оказалась столь большой, что в конце того же 1792 года образовалось новое Музыкальное общество. Оно устраивало концерты в доме купчихи Кусовниковой на углу Мойки и Адмиралтейской улицы (ныне улица Дзержинского, 18).

Завсегдатаи этого общества в 1802 году учредили Филармоническое общество, связавшее музыкальную культуру двух столетий. Находилось оно в доме на углу Невского проспекта и Екатерининского канала. Дом принадлежал одной из наследниц Кусовникова, вышедшей замуж за племянника Потемкина В. В. Энгельгардта. Под именем этого владельца он и вошел в историю отечественной культуры. В 1830-е годы здание было перестроено специально для публичных концертов и маскарадов. Здесь бывали Пушкин, Лермонтов, Глинка, давали концерты крупнейшие артисты и композиторы прошлого века. Ныне здесь Малый зал Филармонии имени Глинки (Невский, 30).

Но вернемся к концу 70-х — началу 80-х годов XVIII века. Музыкальное общество, членом которого был Радищев, приглашало для выступлений лучших артистов. «Все путешествующие виртуозы играли в клубе»,— читаем в книге историка Петербурга И. Георги. Публику очаровывали скрипач Виотти, пианист Минателли, певицы Бонафини, Тоди и «девица-великанка» Гаук, обладавшая незаурядными вокальными данными. Давали концерты певцы Комаскино, Маркези, Порри и многие другие знаменитости. Успе-

хом пользовался русский скрипач-виртуоз Иван Хандошкин.

В Музыкальном клубе (так по-русски именовалось общество) имелся оркестр, хор, солисты. Здесь звучала музыка Моцарта, Глюка, реже Гайдна. Из неопубликованных писем М. Н. Муравьева мы узнаем об исполнении его романсов, положенных на музыку З. М. Муравьевым. По аналогии нетрудно догадаться, что исполнялись песни с музыкой Ф. М. Дубянского и Н. А. Львова. 8 марта 1780 года в клубе звучала оратория Перголезе «Stabat mater», 11 января 1781 года был концерт выдающегося пианиста В. Пальшау.

Радищев был посетителем концертов не только в Музыкальном клубе. Он слышал певицу Тоди в Придворном театре, посещал концерты в Канцлерском доме (так назывался дворец М. И. Воронцова; ныне Садовая улица, 26), в доме Ягужинского на Новой Исаакиевской улице (улица Гоголя), во дворце Строганова (Невский, 17), в театральном павильоне Аничкова дворца и в самом дворце.

«Человек равно преимуществует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовлетворительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностию. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствованию благогласия. Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен (способен.— *Авт.*) ощущать при размерном сложении звуков? О вы, душу в исступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайден, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара, неужели

вы не разнствуете с чижом или соловьем?» — писал Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», над которым работал в Илимске.

Этих строк достаточно, чтобы увидеть высоту музыкальной культуры Радищева, глубину его понимания музыки, оригинальность мысли о физиологической обусловленности восприятия человеком музыкальной гармонии, а главное — о «тайном сопряжении» звука с мыслью, духовной жизнью.

В Музыкальном ли обществе или на иных концертах, но Гайдна, Глюка, Моцарта, Паизиелло Радищев слушал в Петербурге. И названные им в трактате и в «Путешествии» Маркези, Габриелли и Тоди выступали в Петербурге. Только память о чудесном голосе Елизаветы Мара сохранилась со времен Лейпцига, доказывая силу и глубину восприятия Радищевым музыкальной гармонии.

Широта диапазона музыкальной культуры помогла Радищеву почувствовать прелесть мелодии старинного канта и «нехитростного веселия» плясовой песни. Он понимал, что русская песня — выражение не только мягкости и широты души русского человека, но и его гнева и горя, что напев ее обусловлен социальным бытием народа.

Обращался к музыкально-поэтическим жанрам Радищев и в собственном творчестве.

ОРАТОРИЯ „ТВОРЕНИЕ МИРА“

Осенью 1778 года в Петербург приехал композитор, дирижер и скрипач Пезибль. У себя на родине — во Франции,— на гастролях в Нидерландах и в Германии он пользовался большим успехом. Артист надеялся, что в русской столице его ждут слава и богатство.

Поселился он на Большой Миллионной в доме Рубановских, представился хозяевам, пригласил их на свои концерты. Так Радищев познакомился с Пезиблем.

Его гастроли начались в конце 1778 года.

12 февраля 1779 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление, извещавшее о том, что со второй недели великого поста до шестой включительно дважды в неделю Пезибль будет «представлять оратории новейшего сочинения на французском языке с большою музыкою».

Согласно узаконениям христианской церкви еще со средних веков на время великого поста запрещались любые светские спектакли. Первая и последняя недели поста целиком отводились церковным службам и молитвам. В это время театры и концертные залы закрывались. А со второй по шестую неделю поста разрешалось исполнение духовной музыки. Артисты к этому периоду готовили духовные песнопения, разучивали оратории на сюжеты из священного писания, включавшие сольное пение или речитативы и хор, сопровождаемые аккомпанементом музыкальных инструментов.

Концерт, в котором исполнялась оратория «Stabat mater» Перголезе «с полною музыкою и хорами», а также скрипичный концерт самого Пезибля, состоялся 18 февраля в бывшем дворце графа Воронцова на Садовой, 22 февраля в программе была вторая оратория. Однако искушенная петербургская публика была недовольна малочисленностью хора. Пришлось обещать, что 26 февраля, при исполнении оратории К. Грауна «Te Deum» («Тебя, бога, хвалим») будут хоры «гораздо многолюднейшие тех, какие были в последней оратории». 1 марта исполнялась вторая часть «Te Deum» и еще одна оратория.

Затем состоялось несколько концертов, в программе которых также были оратории (И. Гассе, Н. Йом-

мелли) и сочинения самого Пезибля. В ноябре появляются объявления о новом цикле, состоящем из трех концертов и двух ораторий «с большими хорами его сочинения». 20 декабря 1779 года была исполнена оратория Пезибля «Израильтяне на горе Хорив». Состоявшееся 8 марта 1780 года, в понедельник четвертой недели великого поста, в Музыкальном клубе исполнение оратории Перголезе «Stabat mater» было организовано, очевидно, Пезиблем. Однако интерес публики к нему падал.

Осенью 1780 года Пезиблю пытается помочь приехавший из Парижа кларнетист Бер (Бейер), поселившийся там же, где жил Пезибль: на Большой Миллионной в доме Рубановских. В концертах принимают участие итальянские певцы. Пезибль обещает «играть новый концерт своего сочинения с большими хорами и русскими ариями». Слова «большие хоры» говорят о том, что речь идет об оратории или кантате.

Затем Пезибль опять остается один. Еще полтора года он борется за существование, однако в апреле 1782 года, после очередной неудачи, Пезибль застрелился.

Но деятельность его не была бесплодной. Именно он привлек к ораториям всеобщее внимание. Их создавали в Петербурге Паизиелло, Прати, затем Сарти и многие другие.

Кто же мог быть автором текста обещанной Пезиблем оратории на русском языке?

Единственный русский писатель и поэт, о знакомстве которого с Пезиблем мы знаем достоверно,— это Александр Радищев. Писал ли он в этом жанре? Да. В «Путешествие из Петербурга в Москву», в главу «Тверь» во всех редакциях произведения, кроме печатной, входило «песнословие» (т. е. оратория) «Творение мира». Оно обрывается неожиданно, и его «автор» го-

ворит: «Сие долженствовало быть для великого поста, некоторым случаем не докончено».

Если эти слова имеют под собой автобиографическую основу, то тем «некоторым случаем», который не дал возможности окончить «песнословие», было самоубийство Пезибля или то обстоятельство, что он не смог написать обещанную музыку.

Жанр оратории постоянно привлекал внимание Радищева в 1779—1782 годах, в годы деятельности Пезибля в Петербурге. В то же время обострился в России интерес к Мильтону — автору космогонической поэмы «Потерянный рай», построенной в значительной мере на библейских мотивах. В 1777 году появился прозаический перевод поэмы, сделанный Василием Петровым, другой перевод вышел из печати в 1780 году.

Радищев мог читать поэму и в переводе, и в подлиннике: ведь около 1780 года он овладел английским языком. В главе «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву» он назвал Мильтона среди величайших мировых поэтов.

В своем «песнословии» Радищев использовал библейский миф, согласно которому мир сотворен при помощи слова: «В начале было Слово и Слово было бог». Поэт создал гимн всемогуществу слова, способного создать и пересоздать мир. Эта вера в великую силу слова (уже вне всяких библейских аналогий) пронизывает «Путешествие» от начала до конца. Полиметрическое, т. е. написанное разными размерами, «Творение мира» органично связывалось с рассуждениями поэта в главе «Тверь» о богатых возможностях русского стиха, о необходимости разнообразия метрических форм, служило иллюстрацией к этим рассуждениям.

И все-таки в печатный текст «Творение мира» не вошло. Почему? Скорее всего потому, что опирающе-

еся на библейский миф произведение Радищев заменил гимном действенной силе прогрессивной человеческой мысли — «Словом о Ломоносове».

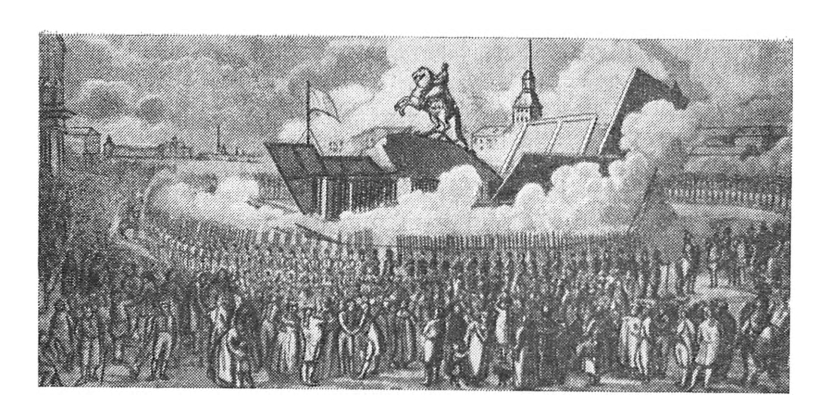
ПИСЬМО К ДРУГУ

В начале 1782 года «Санкт-Петербургские ведомости» известили о скором открытии памятника Петру I.

Торжество состоялось 7 августа, через сто лет после того, как десятилетний Петр и его старший брат Иван были провозглашены царями. В этот день Сенатскую площадь заполнили толпы народа. Деревянный забор вокруг монумента убрали и вместо него поставили полотняные щиты, на которых художники расписали горные пейзажи. Утро выдалось сумрачное, лил дождь. Но люди все шли и шли на площадь, «где зреть желали лице обновителя своего и просветителя».

Эти слова взяты из произведения Радищева «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Датировано оно 8 августа 1782 года — следующим после торжеств днем. Адресат этого известного только по опубликованному самим Радищевым тексту произведения вполне реален: это давний товарищ писателя по Пажескому корпусу и Лейпцигскому университету Сергей Николаевич Янов.

После завершения учебы Янов не уехал из Германии. По ходатайству посланника Белосельского он был оставлен при русской миссии в Дрездене. Там он служил пять лет, из них полтора года (после того как Белосельский был отозван из Саксонии) исполнял обязанности поверенного в делах. В 1776 году Янова перевели советником посольства в Венецию, а через три года — на ту же должность в Варшаву.

Открытие памятника Петру I в Петербурге.
Гравюра А. К. Мельникова с рисунка Давыдова. XVIII в.

На этом по неизвестным нам причинам дипломатическая карьера Янова окончилась. 18 февраля 1782 года он был назначен, не без содействия Воронцова, директором экономии в Казенную палату недавно образованного Тобольского наместничества и выехал к месту своей новой службы. Неизвестно, виделся ли Радищев с Яновым после того, как покинул Лейпциг. Однако ясно, что друзья поддерживали связи между собой. Возможно, они даже встречались в начале 1782 года, когда Янов направлялся к новому месту службы.

«Письмо» Радищева с самого начала было задумано как публицистическое произведение, обращенное одновременно и к одному человеку, и к широкому кругу читателей. Недаром его стиль торжественно приподнят: в нем ощутимы ораторские, проповеднические интонации, синтаксис изобилует архаизмами, лексика — старославянскими словами и выражениями.

Но это также и письмо-беседа со всеми особенностями, присущими эпистолярному жанру: довери-

тельность, интимность интонации. Радищев всегда испытывал потребность в друге-читателе, что и обусловило форму многих его произведений, созданных в виде непринужденного письма.

Послание Янову начинается с описания обстановки на Сенатской площади. Автор перечисляет гвардейские полки — «бывшие некогда сотоварищи опасностей Петровых и его побед», называет и другие воинские части, которые «окружили место позорища» (зрелища) или заняли прилегающие к нему улицы. «Тысящи зрителей» разместились на специально выстроенных «возвышениях». Они находились перед памятником, со стороны Невы. Эти галереи предназначались для «персон» третьего и более низких классов. «Особы первых двух классов» смотрели на церемонию из окон и с балконов Сената. А простолюдины взобрались на крыши ближайших зданий или толпились позади гвардейских полков. Над Невой возвышался лес мачт. На реях также были зрители-матросы.

После полудня небо прояснилось. К пяти часам вечера прибыла из Летнего дворца царская шлюпка. С нее сошла в короне и порфире императрица. Она поклонилась памятнику и «между строя воев (воинов.— *Авт.*) своих» проследовала к зданию Сената. Поднявшись на балкон, Екатерина подала знак, и полотняные щиты, закрывавшие памятник, упали. Взорам собравшихся предстал могучий всадник на стремительном коне, взметнувшемся на вершину скалы.

Радищев сумел о многом сказать в небольшом произведении. Он подробно описал церемонию открытия монумента, его художественные достоинства, проанализировал замысел скульптора и образные решения, которыми тот сумел выразить идею памятника царю-преобразователю. Рассуждения свои Радищев часто прерывал обращением к адресату. «Если б ты здесь

был, любезный друг,— читаем в «Письме»,— если бы ты сам видел сей образ, ты зная и правилы искусства, ты упражняяся сам в искусстве сему собратном, ты лучше бы мог судить о нем».

Из этих слов видно, как высоко ставил Радищев художественную одаренность Янова, его знания и вкус. Автору письма было дорого мнение друга, чьи прогрессивные взгляды он хорошо знал. Вот почему Радищев уверен, что его сокровенные мысли по многим важным социально-политическим вопросам и оценка исторического деятеля будут правильно поняты. Он говорит о Петре I, о значении его преобразований, надеясь, что друг не упрекнет его в «ласкательстве». «Да не уничижуся в мысли твоей, любезный друг,— читаем в «Письме»,— провозностя хвалами столь властного Самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества».

В «Письме» Радищев полемизирует с Руссо, считавшим реформы Петра преждевременными, а гений подражательным. Он утверждает, что Петра по праву называют «мужем необыкновенным». В связи с этим Радищев излагает свою точку зрения на роль личности в истории. По его мнению, право называться *великим* государственный деятель приобретает не частными добродетелями, а значительностью свершений на благо государства. Объективная оценка властителя возможна только после его смерти: Петра «в живых ненавидели, а по смерти оплакивали». Время решает, стоит ли царя причислять к великим. Подчеркивая это обстоятельство, Радищев, конечно, помнил, что Екатерину II уже возвели в сан «великой» и в России и за рубежом.

Признание заслуг Петра спустя десятилетия «по смерти» было бы более искренним, если бы сограждa-

не не обязаны были подражать в этом императрице — следовать «примеру того, кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет». В России народ даже в «хвалах» своих великому деятелю не свободен.

По мнению Радищева, Петр мог «славнее быть, вознося сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Но «нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле».

Так заканчивается «Письмо», поводом к которому послужила церемония на Сенатской площади. Отсюда уже недалеко до революционных выводов оды «Вольность», над которой Радищев уже работает.

„ЯВИСЬ ХОТЯ В МЕЧТЕ...“

По вечерам в доме на Грязной улице обычно немноголюдно. Радищев — человек характера замкнутого, скрытного, спокойного. Постороннему к нему в дом не так-то просто попасть. Если писатель не в театре, не в Музыкальном клубе, то чаще всего он работает в своем кабинете.

Время от времени заходит в детскую, к жене. Подрастают Василий и Николай. 5 мая 1779 года родилась девочка — Елизавета, но 3 декабря неожиданно умерла. Такая же судьба постигла и появившуюся на свет через год вторую дочь Радищева. Однако родившаяся в 1782 году третья дочь, названная Екатериной, здорова. Анна Васильевна ждет ребенка снова...

В июле 1783 года родился сын — Павел.

Но счастливая семейная жизнь неожиданно оборвалась. Не успела молодая женщина оправиться от родов, «как вдруг в одно утро ударили в трещетки по

причине случившегося пожара. В Петербурге было тогда такое обыкновение. Анна Васильевна была пуглива, нрава впечатлительного и хотя веселого, но скоро переходила к грусти. Медики говорили, что молоко поднялось кверху и она, еще слабая, не могла перенести этого кризису»,— писал со слов отца Павел Радищев.

Смерть любимой жены потрясла писателя, и он создал одно из лучших своих стихотворений:

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.—

Тронись, любезная! стенаниями друга
Се предстоит тебе в объятьях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеши тем супруга...

Эту исполненную любви и горечи эпитафию Радищев хотел вырезать на надгробном памятнике.

Но духовные власти не разрешили этого, усмотрев в стихах «некоторое сомнение в бессмертии души». Действительно, эпитафия целиком строится на сомнении. Да и встреча, о которой мечтает поэт, далека от евангельских представлений о загробной жизни. Эпитафия построена на языческой, античной уверенности в посмертном соединении любящих душ. Вольно или невольно стихотворение Радищева перекликается с мифом об Орфее и Эвридике,— и здесь стоит вспом-

нить, что в 1781 году в Петербурге была возобновлена постановка мелодрамы Я. Б. Княжнина «Орфей» (с Дмитревским в заглавной роли). Вчитаемся в стихи Радищева: «Я смерти жду, как брачна дня... В объятиях твоих я паки счастлив буду» — ведь это стон и мечта Орфея, а не христианское моление; больше того, обе мысли решительно противоречат христианскому вероучению. И «ненавистный рок» — античный Рок. Строка «Не можешь коль прейти свирепых смерти врат» — навевает скорее мысль об Эвридике, которая не может переступить ворота Тартара («врата, где алчна смерть скрежещет»,— называет их Орфей у Княжнина), чем о бесплотном духе добродетельной супруги, витающем у врат благолепного рая...

Получив отказ церковников, Радищев поместил стихотворение на памятнике, который он поставил в саду, в зеленом лабиринте. А на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры и сейчас стоит скромный памятник с лаконичной надписью: «Анна Васильевна Радищева † 3-го августа 1783 года».

Заботу о четырех маленьких детях умирающая мать возложила на свою младшую сестру — Елизавету Васильевну Рубановскую.

„НАМ ВОЛЬНОСТЬ ПЕРВЫЙ ПРОРИЦАЛ"

„НА КАЗЕННЫЕ ДЕНЕЖКИ ДЫР МНОГО"

Столичная таможня давала все больше доходов в государственную казну. Да иначе и не могло быть: увеличивалось число иностранных кораблей, доставлявших товары и увозивших русские грузы. Росту таможенных сборов способствовало и то, что Даль и Радищев делали все возможное, чтобы под корень вывести здесь казнокрадов и взяточников. Хуже было на сухопутных границах. Через периферийные таможни хлынул теперь основной поток контрабандных товаров. Досмотрщики и местные чиновники закрывали на это глаза, получая от купцов изрядный куш.

Причину подобных безобразий Даль и Радищев видели в скверном подборе людей, которые не пекутся об

интересах государства, нарушают законы. Беспошлинные товары конфискуются лишь в тех редких случаях, когда «тайнопровозчик не захотел ничего остановившему его служителю подарить». В провинциальных таможнях повсюду «алчность и небрежение самих служителей, а главное, нерадение о таможенной части начальников и попущение их к злоупотреблениям».

Как бороться с этим?.. Решено было, чтобы чиновники, получающие назначение на руководящие должности в таможни, проходили сперва стажировку в Петербурге. После того как они получали рекомендацию Даля и Радищева, президент Коммерц-коллегии направлял их в провинциальные таможни.

Радищев считал также полезным часто перемещать таможенных чиновников, чтобы они не могли «в большее с купцами вступать знакомство», а купцы имели бы «мало пользы их покупать».

Конечно, это были полумеры. Взяточничество и хищения процветали в губернских административных органах, которым таможни подчинялись. Радищев знал об этом и по рассказам знакомых, и по письмам друзей, да и по личному опыту.

О злоупотреблениях местной администрации писал ему и брат Моисей. С 1782 года он служил начальником таможни в Архангельске, где повел решительную борьбу с купцами-контрабандистами и теми, кто им потворствовал. В провозе беспошлинных товаров был заинтересован английский и голландский консул в Архангельске Фанбрин. Вместе с вице-губернатором консул писал доносы на Моисея Радищева, требуя его смещения, жалуясь на него Воронцову.

Граф не поверил этим наветам: Радищев сумел его убедить в безупречной честности брата и в правоте его действий. Архангельским «преступникам законов» не пришлось торжествовать.

Но так было не везде. Расхищение государственных средств стало чуть ли не нормой.

«На казенные денежки дыр много»,— напишет Радищев в главе «Спасская Полесть» своей книги. Казнокрадство, расточительную щедрость за счет государственного кармана Радищев считал дополнительным тяжким бременем для народа, стонущего под гнетом крепостничества.

...Все чаще и чаще приходилось теперь Радищеву одному руководить Петербургской таможней. Старый Даль то болел, то надолго уезжал в Ригу инспектировать таможню и отдохнуть в своем имении. Его помощник успешно справлялся с удвоенными служебными обязанностями.

В 1783 году Сенат присвоил Радищеву чин коллежского советника. Улучшилось и материальное положение. По ходатайству Воронцова жалованье его было увеличено с четырехсот пятидесяти до семисот пятидесяти рублей в год.

СПОРЫ ОБ ИСТОРИИ

С начала 1780-х годов Радищев усиленно занимался литературой. Но особенно интересовала писателя история.

Еще в 1770 году императрица категорически заявила: «Нет в Европе народа, который бы более любил своего государя, чем русский». И потому поощряла публикацию исторических документов, прежде всего тех, где раскрывались «древние российские добродетели» (любовь к царю и господину, образцовое послушание, религиозность и пр.). А с 1783 года она начала публиковать собственный объемистый исторический труд в журнале «Собеседник любителей российского слова». У этого журнала особая история.

В 1783 году княгиня Е. Р. Дашкова стала президентом (директором) Академии наук и тут же выдвинула проект создания особой Российской академии, которая должна была способствовать развитию отечественной литературы и составлению словаря русского языка. Членами Российской академии стали многие вельможи, духовные лица, ученые, видные писатели, президентом — сама Дашкова.

При Российской академии и начал выходить «Собеседник». Ответственным за его издание был молодой юрист Осип Петрович Козодавлев — человек умный, гибкий, способный ладить с разными людьми. Козодавлев был моложе Радищева, но в Пажеский корпус они поступили одновременно, в 1769 году встретились в Лейпциге. Вернувшись в Россию в 1774 году, Козодавлев, как раньше Радищев, стал протоколистом Сената. Через три года он, примерный службист,— уже подполковник, экзекутор Сената, а с 1783 года назначен советником при директоре Академии наук. В дальнейшем Козодавлев был членом Комиссии об учреждении народных училищ, автором упомянутого в «Путешествии» проекта организации университетов в ряде провинциальных городов, а при Александре I — министром внутренних дел.

Козодавлев заботился о карьере и ладил с начальством, но он действительно интересовался литературой и делами народного просвещения. Видимо, поэтому Радищев поддерживал с ним отношения и позднее подарил экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву».

Идеологическим вдохновителем журнала «Собеседник любителей российского слова» была сама императрица. Послушным проводником ее взглядов стал Козодавлев. Приступая к выпуску журнала, редакция сообщала, что в журнале будут публиковаться только

оригинальные произведения. Такая позиция позволяла издателям отклонять прежде всего переводы произведений французских просветителей, которые занимали значительное место в предыдущих русских журналах.

В «Собеседнике» приняли участие почти все видные писатели начала 1780-х годов — Державин, Херасков, Муравьев, Княжнин, Фонвизин, Капнист и другие.

Первая часть журнала открывалась одой Державина «Фелица». Это произведение было написано поэтом еще в 1782 году. В нем воздавалась хвала Екатерине II, но зато вельможи изображались в неприглядном виде. Остро сатирически Державин писал об утопающих в роскоши, погрязших в прихотях, ленивых, развратных вельможах. Ода задевала Потемкина, Петра Панина, Алексея Орлова, генерал-прокурора Вяземского и других, причем черты этих разных лиц слиты в облике одного отрицательного персонажа — «мурзы», который противопоставлен деятельной, добродетельной Фелице. Поэтому Державин по совету друзей печатать оду не стал.

Однажды «Фелица» случайно попала на глаза Козодавлеву: он и Державин жили в доме Неклюдова в селении Преображенского полка в Литейной части (ныне улица Радищева, 10/23). Козодавлев выпросил оду почитать, дав обещание держать ее в «секрете», и в тот же день вернул «Фелицу» автору.

Прошло несколько дней, и Державин с тревогой узнал, что на обеде у И. И. Шувалова читали оду в присутствии многих гостей. Тогда же поэту сказали, что текст «Фелицы» требует к себе Потемкин. Державин отправил «Фелицу» Потемкину и одновременно через друзей передал текст оды Екатерине, надеясь на ее заступничество. Козодавлев показал стихотворение

Дашковой. Президенту Академии наук и Российской академии «Фелица» понравилась, и Дашкова решила открыть новый журнал державинской одой.

«Фелица» действительно явилась большим шагом в развитии русской поэзии. Державин ломал все установившиеся каноны. Патетика соединена у него с иронией и сатирой, хвалебная песнь — с изображением быта. Стиль естествен и прост, близок к живой разговорной речи. Художественные образы конкретны.

Высокие поэтические достоинства оды принесли ей популярность у передовых русских людей. «У каждого, умеющего читать по-русски, очутилась она в руках»,— свидетельствовал Козодавлев. Очень высоко оценивал «Фелицу» и Радищев, особенно ее сатирическую часть — те строфы, «где мурза описывает сам себя».

Понравилась ода и императрице, ибо соответствовала ее главной мысли: все блага в России исходят от нее самой — «богоподобной», скромной и мудрой правительницы. По мысли Екатерины, «Фелица» (помимо воли ее автора) должна была стать программой для литературы вообще: только так надлежит писать, прославляя русскую государыню.

Главное место в журнале занимали сочинения самой Екатерины II. Из номера в номер печатался цикл бессюжетных, однообразных по манере изложения фельетонов под общим заглавием «Были и небылицы». Неглубокие по содержанию, многословные, эти фельетоны скорее свидетельствовали о болтливости сочинителя, чем о его остроумии. В «Былях и небылицах» автор, по его собственным словам (на деле было совсем не так), не касался конкретных лиц. Это была «сатира на пороки», претенциозное высмеивание недостатков и слабостей, которые вообще во всех «людях водятся,— до Карпа и Сидора тут дела нет»,—

подчеркивал автор. Тем самым указывалось, что сатира «на лица» (т. е. сатира на конкретные социальные недостатки русской действительности) не разрешается. «Были и небылицы» печатались без подписи, но все знали, что автор их — Екатерина II.

Основную идейную нагрузку несли «Записки касательно российской истории». В этом громадном труде, который занял почти половину объема «Собеседника», императрица доказывала, что России искони присуще монархическое правление, что даже до Рюрика в Древней Руси были князья. Все хорошее, все полезное на Руси всегда исходило якобы от престола. Если же тот или иной князь иногда и допускал зло и несправедливость, то повинен был не он, а дурные, коварные советчики — бояре и вельможи.

Прогрессивная русская литература не пошла по пути, указанному императрицей. Фонвизин — самый близкий Радищеву писатель, о котором автор «Путешествия» не раз вспомнит на страницах книги,— первым начал бой с Екатериной II. Он отправил в редакцию журнала «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». Внешне довольно невинные, эти вопросы по существу были злой сатирой на мнимое благополучие Российской империи, о котором много писали издатели «Собеседника».

Дашкова и Екатерина II не знали, кем составлены «Вопросы». Императрица полагала, что их задал Шувалов, и, не захотев пасовать перед представителем «прежних времен» (Шувалов был фаворитом Елизаветы), решила отвечать сама. Чтобы смягчить остроту сатиры, вопросы напечатали с ответами сочинителя «Былей и небылиц».

«Отчего много добрых людей видим в отставке?» — спрашивал Фонвизин.

Д. И. Фонвизин.
Портрет неизвестного художника. XVIII в.

«Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке»,— отвечала императрица.

Умных и честных людей вряд ли мог удовлетворить такой ответ. Кто видел «Недоросля» или читал эту комедию, помнил, как там толковался подобный вопрос: дворянин только тогда имел моральное право уйти в отставку, «когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит». Радищев знал людей, которые оставили службу, ибо не могли там творить добро, т. е. приносить пользу отечеству. Он сам ушел из Сената и штаба Брюса. Оставил судебную деятельность и господин Крестьянкин, о котором рассказывается в «Путешествии из Петербурга в Москву». Крестьянкин подал в отставку, так как не имел возможности чинить препоны злу и защищать невинных.

«В чем состоит наш национальный характер?» — спрашивал Фонвизин, адресуясь к сочинительнице «Записок касательно российской истории».

Государыня-«историограф» ответила в соответствии с концепцией своих «Записок»: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных» (т. е. в религиозности).

Были вопросы о беззаконии в стране, о необходимости введения гласного суда, об упадке культуры

и нравственности дворянства, о всеобщем жульничестве.

«Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?» — метил Фонвизин в обер-шталмейстера двора Нарышкина (за которым укрепилось прозвище «шпынь» — шут), а стало быть, и в саму императрицу.

Ответ Екатерины, весьма благоволившей к Льву Нарышкину, звучал маловразумительно: «Предки наши не все грамоте умели». Зато в примечании к своему ответу она высказалась более определенно и не стала скрывать гнева: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».

Так вот что считается вредным — «свободоязычие», желание говорить правду.

Напрасно Державин рисовал Фелицу правдолюбивой. Кто не был слеп, теперь мог увидеть, как она принимает истину.

Высочайшее недовольство «дерзостью» автора вопросов встревожило Козодавлева. Чтобы не подводить его, Фонвизин вынужден был открыть свое имя и написать объяснительное письмо. Не нужно обладать умением читать между строк, чтобы понять истинный смысл мнимого покаяния его автора. Извиняясь в том, что формулировки некоторых вопросов составлены якобы не совсем удачно, Фонвизин снова высказывал ряд горьких упреков правительству. Он говорил, например, о том, что среди дворян имеется «много злонравных и невоспитанных членов сего почтенного общества». В этом же письме Фонвизин изложил свою точку зрения на задачи сатиры.

Полемика автора «Недоросля» с императрицей явилась одним из самых ярких эпизодов в истории «Собеседника любителей российского слова». Журнал становился все более скучным и все более официаль-

ным. Покупать его стали плохо, и на шестнадцатой части в 1784 году издание «Собеседника» прекратилось.

Радищев следил за журналом очень внимательно. Он читал не только беллетристические сочинения, но и «Записки» Екатерины. Некоторые исторические сведения использованы им в «Путешествии». Главное же заключалось в том, что Радищев, сам изучая исторические труды и летописи, вырабатывал совершенно иную историческую концепцию. Сохранилась небольшая часть его выписок из разных исторических источников. И сам характер этих выписок, и сделанные им замечания к ним чрезвычайно интересны и важны.

Вот типичный пример. Говоря о крещении Новгорода, Екатерина писала так: «Воробей же посадник... который весьма красноречив бе... пошел на торжищи (площади.— *Авт.*) и увещевал новгородцев креститься, и многие крестились...» Екатерина — совершенно в духе своего ответа Фонвизину — подчеркивала религиозность русских людей и их «образцовое послушание», покорность.

Приводя тот же самый факт, Радищев сделал иной вывод — о народном, республиканском характере правления в древнем Новгороде: «Воробей посадник... бе вельми сладкоречив... иде на торжище и паче всех увеща. (Из сего видно, что красноречие тогда было почитаемо и **народные собрания во употреблении**)» (подчеркнуто Радищевым).

Рассказывая о перемирии новгородцев с великим князем владимирским в 1270 году, Екатерина излагала конец событий так: «Новгородцы же... крестным целованием утвердили грамоту... и приняли князя великого Ярослава Ярославича в Новеграде с честию великою». Радищев те же события оценил прямо проти-

воположно: «С Ярославом Ярославичем... они сделали по войне письменное примирение, из коего видно, сколь мало они великого князя почитали».

Анализируя летописи и исторические труды, писатель с особым вниманием относился к событиям, из которых можно было сделать вывод о «народном правлении» в Древней Руси, о том, что вече (общее, народное собрание) существовало не только в Новгороде, но и в Киеве, Смоленске, Полоцке, Пскове, Владимире. С другой стороны, Радищев отмечал факты, свидетельствовавшие о борьбе за укрепление самодержавия. В частности, его внимание привлекла летописная заметка о подавлении Рюриком мятежа вольнолюбивых новгородцев, который возглавлял Вадим Храбрый.

Отношение писателя к Новгороду и к вечу говорит о том, что, начиная подготовку к неравному бою с самодержавием, он искал в истории ответы на волновавшие его вопросы и приходил к выводу, противоположному официальной точке зрения. Не «образцовое послушание», не любовь к государю — основные черты русского национального характера, а «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российской»,— тот самый народ, который изгонял в древности неугодных князей и упорно повторял: «Мы есмы вольные».

Радищев преувеличивал степень новгородской вольности: на самом деле власть в Новгороде принадлежала боярам и крупному купечеству («совету господ»). Однако то, что известно сегодня, не знали не только в XVIII, но и в XIX веке. Подобно Радищеву и Княжнину, декабристы и юный Лермонтов воспели Новгород как «последний оплот русской вольности».

Радищев понимал силу социально-политических обстоятельств и учитывал, что самодержавие отрицательно воздействовало на нравы народа. Доказательство этого — история Новгорода и изменение характера новгородцев после покорения Новгородской республики самодержавием, о чем говорится в «Путешествии».

Однако следы древнего вечевого, т. е. народного, республиканского управления, по мнению писателя, сохранились в мирских сходах крестьян — у тех, кто подвержен самому жестокому игу. А непрестанные крестьянские волнения, бунты, война под водительством Пугачева 1773—1775 годов подтверждали мысль о растущем сопротивлении народа. И хотя писатель был убежден в бесперспективности стихийных крестьянских восстаний, он полагал, что будущее России — в руках народа.

Таковы злободневнейшие для 1780-х годов идеи: качества русского национального характера и роль народа в истории. С них начнет герой радищевской книги свои социально-политические размышления с первых страниц «Путешествия», в главе «София». А с дальнейшим развитием этих идей будут связаны многие главы книги.

...Размышления над историей и современностью пригодились не только для будущего «Путешествия». В 1783 году эти раздумья привели Радищева к революционному осмыслению мирового исторического процесса, и результатом была созданная им ода «Вольность».

ОДА „ВОЛЬНОСТЬ“

В столице распространяется в списках «Ода на рабство». Ее автор Василий Капнист. Оду он написал в ответ на указ 3 мая 1783 года, который лишал укра-

инских крестьян права перехода к другому помещику и, таким образом, окончательно превращал их в крепостных. Ода исполнена сострадания к несчастным и горьких упреков царям. Автор потрясен бесчеловечным актом правительства. Он воспринимает народное горе как свое личное и ощущает на собственных руках оковы, возложенные на его соотечественников:

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И согласяс моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

Поэт искренне сочувствует крепостным. Он считает рабство гибельным для государства.

Образ поэта в оковах, протестующего против порабощения, построение ряда строф на сходных мыслях, дословное совпадение некоторых строк сближают «Оду на рабство» с «Вольностью».

Литературоведы давно поставили вопрос: Радищев ли повлиял на Капниста или Капнист на Радищева? Но он пока остается открытым, так как невозможно точно датировать начало создания обеих од. Однако связь между этими двумя произведениями несомненна. Не исключено, что авторы знали друг друга: через много лет, в 1815 году, Капнист с уважением вспомнит о Радищеве и назовет его «старым знакомцем».

Можно предположить, что Радищев сознательно и полемически использовал «Оду на рабство», в которой поэт оплакивал порабощенный народ. Радищеву дорог другой образ — образ поэта-борца, воспевающе-

го вольность и зовущего к ней. В радищевском произведении нет стонов и жалоб, которыми так богата ода Капниста. «Вольность» исполнена гнева к поработителям. У Капниста народ, находящийся в оковах, славит царицу: поэт надеется ее разжалобить. Никаких радикальных мер для уничтожения рабства он не предлагает.

Радищеву все это чуждо. Он зовет к революции. Его ода начинается обращением к вольности — источнику «всех великих дел», дару бесценному:

Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

«Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» заканчивалось словами: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Лексическим сходством концовки «Письма» и начала оды Радищев подчеркнул их неразрывность.

В оде поэт опирается на распространенную в XVIII веке теорию договорного происхождения государства, но в отличие от других мыслителей делает из нее революционные выводы.

Люди добровольно сменили первую, естественную свободу на ограниченную законами свободу гражданскую, т. е. заключили договор с государством. Закон обязан оберегать человека. Самодержавие нарушает этот договор. Опираясь на силу и церковь, оно обманом заставляет видеть в монархе «образ божества». В деспотической стране, где все порабощено, не расцветут науки и искусства, зарастет сорною травою земля, «в сохе уснет ленивый вол».

Личные качества государя могут смягчить и приукрасить тиранию, но не изменят ее сути.

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон, стоит, рабства.
Градские власти там все мирны,
В царстве зрят образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут.
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится,
На пользу общую рекут.

11

Покоя рабскаго под сенью
Плодов златых не возрастет,
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет;
Там нивы запустеют терном,
Коса и серп там не отрадны,
В сохе уснет ленивый вол.
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Ко взрасту сеть простерла в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Прияв железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
„По воле рек щажу злодея,
„Я властию могу дарить;
„Где я смеюсь, там все смеются,
„Живешь тогда, велю коль жить.

Страница оды «Вольность» из списка «Путешествие из Петербурга в Москву».

Тирания сохраняется даже при улучшении отдельных законов.

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами,—
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил.
Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был!

Эта характеристика римского императора Августа, режим которого славили историки, поскольку при нем номинально сохранились народные собрания, Сенат, магистратура, показывает мудрость Радищева. Он разгадал сущность правления Августа, сосредоточившего власть в своих руках, и направил строфу против любой формы монархического правления, за которой всегда — пусть в прикрытом виде — скрывается деспотизм.

Не на личные качества монарха, не на разум законодателя рассчитывает Радищев. Каждый человек, защищаясь от обидчика, обязан отвечать ударом на удар, говорили философы-просветители. Следовательно, делает вывод Радищев, тирания неизбежно вызывает революционный взрыв.

Сей был и есть закон природы,
Неизменимый никогда...

Власть удерживается силой, церковь помогает ей, затемняя рассудок людей. Но расплата неизбежна. Радищев не боится революционного насилия. Он считает казнь деспота справедливым возмездием:

Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Поэт славит тираноборцев и создает поистине вдохновенную картину суда народа над монархом-деспотом.

Вывод о неизбежности народной революции и есть то новое, что внес Радищев в историю русской общественной мысли. Этот вывод позволил ему увидеть в настоящем зерно будущего, в угнетении — залог грядущей свободы.

Поэт-революционер приветствует народ Америки, победоносно завершивший национально-освободительную войну в 1783 году. Но для себя он не ищет другой родины и другой судьбы, кроме выпавшей на его долю судьбы борца за свободу России.

Но нет! Где рок сулил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

«Прорицатель вольности» — вот идеал поэта для Радищева и свидетельство того, что он отлично сознавал свою собственную роль в истории России. Эти строки говорят о том, что уже в начале 80-х годов он решил использовать литературу для революционной пропаганды. Автор оды уверен в неизбежности революции, путь к которой сложен и тернист. Он понимает, что минет немало времени, прежде чем русский народ сбросит со своих плеч тяжкий гнет. Он твердо верит: придет этот вожделенный день, «избраннейший всех дней».

Ода «Вольность» — лучший ответ буржуазным ученым, которые пытаются изобразить Радищева сто-

ронником абсолютизма или ограничения монархии. Ода явилась первым в русской поэзии произведением, воспевающим революцию, пронизанным идеей борьбы за народное освобождение.

Работая над книгой «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев включил в нее оду. Перед публикацией он не раз возвращался к «Вольности», изменял отдельные строки, шлифовал и уточнял выражения, добиваясь большей силы и емкости поэтической мысли.

В печатный вариант книги ода вошла в сокращенном почти втрое виде. Часть строф ее приведена неполностью, часть — в кратком прозаическом изложении. Но и в этом варианте «Вольность» производит огромное, грозное впечатление. Недаром Екатерина II, прочтя книгу, назвала оду «совершенно явно и ясно бунтовской».

ПРОТИВ НЕПРАВДЫ

СЛУЖБА, СЛУЖБА...

Над Петербургом снова нависла угроза голода. Об этом говорят повсюду: в таможне, на улицах, в губернском правлении. Как член Казенной палаты Радищев должен был регулярно присутствовать на заседаниях правления. Он знал, что в запасных магазинах и на складах — хоть шаром покати. «Лекарство на хлебный недостаток, запасные провиантские магазейны просятся к лекарю. Мне то известно, что овса у них в апреле еще месяце не было ни куля»,— писал Радищев в 1784 году Воронцову.

Магазины эти были созданы для хранения аварийного запаса хлеба, но они опустели, а пополнить — неоткуда. Думали, что выручит новый урожай, однако в центральных губерниях и на Украине — недород.

Поставщики закупили хлеб в Поволжье и направили большой караван барж в столицу. Но беда одна не приходит — баржи затонули.

На рынке тотчас подскочила цена на рожь, ячмень и овес. Хлеботорговцам того и надо. Многие раздобыли фальшивые документы, будто их баржи разбились в пути. Началась бессовестная спекуляция, так как рыночные цены были значительно выше тех цен, по которым государство закупало продовольствие. В 1785—1786 годах — снова неурожай.

Картины народного страдания глубоко запали в сердце писателя. В «Путешествии» он расскажет об этом. В главе «Пешки» крестьянка показывает Путешественнику хлеб. «Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеяной муки. Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже... Ребята мрут, мрут и взрослые».

Летом 1786 года Радищеву поручили весьма сложное дело, касавшееся дипломатических вопросов.

Российское ведомство иностранных дел и французское министерство готовили заключение нового торгового договора. Посол французского короля в Петербурге граф Сегюр искал прецедент, который бы давал привилегии его соотечественникам, торгующим с Россией. Такой случай представился. В Кронштадт прибыла военная эскадра Франции — шесть кораблей — для погрузки закупленного провианта. Командир эскадры маркиз де ла Галисоньер, действуя по совету посла, потребовал, чтобы к его кораблям не применялись таможенные правила.

Кронштадтские таможенные власти не захотели нарушить установленные законы и не шли ни на какие уступки. Тогда граф Сегюр пожаловался императрице на самоуправство чиновников таможенного ведомства.

Для расследования в Кронштадт был послан Радищев. Приехал он туда 1 августа в «восьмом часу пополуночи». Решительно и энергично повел дело; принципиально и четко защищал государственные интересы, разбирая конфликт. Он увидел, что претензии французов не имеют законных оснований, и твердо заявил об этом. Не нарушая дипломатического такта, Радищев дал понять французам, что хотя их военные корабли и находятся «под королевским флагом», но прибыли с коммерческой целью. Следовательно, они должны быть приравнены к обычным торговым судам. И к ним надлежит применить существующие таможенные установления, а в случае неподчинения придется произвести «чрезвычайный досмотр» судов. Что же касается Кронштадтской таможни, то она действовала исключительно мягко, поскольку до сих пор не применила к французам таможенных законов.

Получив тактичный, но категорический отпор, де ла Галисоньер тут же вытащил из кармана и передал Радищеву все необходимые документы.

Излагая в рапорте Воронцову результаты расследования, Радищев подчеркивал, что жалоба французов на действия таможенных властей — не что иное, как домогательство «изъять себя из постановленных для всех приходящих и отходящих российских и иностранных судов общих правил».

Кронштадтская миссия завершилась успешно, и Воронцов не преминул обратить на это внимание графа Безбородко. «Вы, я надеюсь, найдете, что г. Радищев с расторопностию исполнил ему препорученное»,— писал президент Коммерц-коллегии о своем подчиненном, которого он глубоко уважал за благородство поступков и мыслей. Воронцов ценил его деятельную энергию, огромный ум, знания; а за трезвый взгляд на жизнь называл «зрителем без очков».

ЧТО ЛУЧШЕ ПЕТЛИ...

...В Петербургском губернском правлении идут разговоры о крепостном князей Голицыных Николае Смирнове.

Смирнов рос в имении Голицыных, которым управлял его отец. Отец был крепостным, но имел средства, чтобы учить сына. Николай дома изучал русский, французский и итальянский языки, позже добился разрешения посещать лекции в Московском университете. Он занимался также частным образом рисованием, живописью, теорией архитектуры, математикой.

Отец Смирнова неоднократно просил у опекунов голицынских имений (сами молодые князья Голицыны находились за границей) дать вольную его сыну, но помещики не хотели лишиться грамотного дворового. Его отправили в деревню вести конторские дела.

Однако у этого молодого человека было такое неодолимое стремление к знаниям, такое отвращение к рабскому состоянию, что он решил бежать за рубеж. Побег не удался. Смирнова поймали, судили, приговорили к жестокому наказанию. Судьба его вызвала большие толки в столице. Как член Казенной палаты знал об этом деле и Радищев. Каким-то образом о Смирнове стало известно императрице. По ее указанию его дело затребовал Сенат. Смирнову приказали написать на имя государыни покаянное письмо. Он так и сделал. В письме он сообщал, что «почел бы себе за высочайшее счастье» быть отданным в солдаты.

Екатерина II изъявила монаршую «милость». Смирнова отдали в солдаты и отправили в Тобольск, а князьям Голицыным зачли одного рекрута.

Трагическая судьба крепостного интеллигента не была забыта. Вполне возможно, что именно ее имел

Пашущий крестьянин.
Акварель Д. Аткинсона. Конец XVIII в.

в виду Радищев, когда описывал рекрутский набор в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В главе «Городня» Путешественник рисует потрясающую картину проводов рекрутов. Слезы, причитания, горе... Новобранцы навсегда прощаются с родными: солдатская служба была пожизненной. Среди них Путешественник видит рекрута, на лице которого нет печали. Он бодр, смотрит смело и весело. Вот его история. Родился он в семье крепостного, который был «дядькой» молодого барина. Учился. Надеялся получить вольную, но его сделали лакеем. Он впал в немилость, подвергался издевательствам, унижениям, терпел наказания. Господам, однако, не удалось сломить его дух, и они решили отдать крепостного в солдаты. Такое наказание он почел за благо, ибо рекрутчина для него милее вечного холопства.

«Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякий другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли».

Людей, подобных этому рекруту, было немного, но они были. В них Радищев видел будущее России, на них возлагал надежды.

Во многом биографии Николая Смирнова и рекрута из «Городни» сходны. Но рекрут — не копия реального Смирнова. Это яркий, потрясающий по своей силе образ крепостного свободолюбца. И все же в основе его конкретные факты. Ведь творческий метод автора «Путешествия», как он сам его определил, «повествование во истине».

...Жизнь давала все больше материалов для книги. На протяжении ряда лет Радищев занимался «делом» своего подчиненного — досмотрщика таможни Степана Андреева.

Андреев жил безбедно. Выходец из купцов, он получил на службе чин коллежского регистратора, затем губернского секретаря — т. е. стал дворянином. Скопив деньги, он приобрел в 1784 году дом в Московской части у Семеновского моста на Адмиралтейской улице, а потом заложил его.

На беду свою, когда-то Андреев поручился за гдовского откупщика Матвея Дружинина, оказавшегося мошенником. Деньги, которые казна должна была получить с Дружинина, суд постановил взыскать с Андреева. С нарушением всех законов закладная была ан-

нулирована, дом, принадлежавший Андрееву, продан за значительно меньшую сумму, чем он стоил в действительности,— всего за 11 950 рублей. При этом в казну было передано 5643 рубля, а остальные взял суд якобы для уплаты по векселям. Андреева обвиняли еще в «неповиновении начальству» и в том, что он в документах о закладе дома называл себя дворянином, будто бы не имея на это права.

К Радищеву как к юристу петербургские купцы обращались постоянно. Естественно, что он пришел на помощь своему подчиненному. По-видимому, при посредстве Воронцова на вопиющее беззаконие удалось обратить внимание губернских властей. Вице-губернатор П. И. Новосильцев вызвал для объяснений судью Языкова и членов Петербургского уездного суда. Обнаглевшие крючкотворы попросту не явились (впоследствии Языков объяснил «причину»: у него-де болела голова). Не пришли они и после повторного вызова.

Тогда уже губернатор П. П. Коновницын приказал заняться этим делом Уголовной палате. После долгих проволочек палата была вынуждена признать, что дело о доме Андреева велось неправильно, и вынесла «Осуждение суда, что не учинили описи проданного секретаря Андреева дому». За незаконную продажу дома Андреева палата постановила «взыскать пени с Языкова десять, а с прочих судей, которые то о продаже дома определение подписывали, по пяти рублей». Это постановление подписали те же, кто выносил решение об аннулировании закладной,— Михайла Пушкин, Иван Лефебер, Илья Котельников и другие.

Итак, за незаконную продажу дома по заведомо заниженной цене судьи «поплатились». Но и этот смехотворный штраф петербургский губернатор не мог с них получить почти полгода. В конце концов «справедливость» все же «восторжествовала». Но к этому

времени сам Андреев уже почти год сидел в тюрьме.

Пока тянулось дело с закладной, в доме Андреева произошло убийство одного из жильцов и одновременно другой человек, снимавший здесь квартиру, заявил, что его обокрали. На сей раз судьи, разобиженные строптивостью Андреева в предыдущем деле, не мешкали. Несмотря на то что ни пристав Московской части Павел Иванов, ни пристав уголовных дел Управы благочиния Исай Лефебер (брат Ивана Лефебера) следствия, по существу, не провели, Андреев был лишен чинов и дворянства и приговорен к вечной каторге на Нерчинских заводах.

И снова, как пишет Павел Радищев, в дело вмешался отец. С его помощью Андреев составил и подал жалобу в Сенат. Но она оказалась бесполезной: Сенат и императрица утвердили приговор Уголовной палаты.

...Андреев давным-давно уже гремел кандалами на дороге в Сибирь, а Радищев все пытался добиться справедливости. Во второй половине 1789 года — начале 1790 года Уголовная палата на нескольких заседаниях рассматривала дело о полицейских чиновниках, которые вели следствие об убийстве и краже в доме Андреева. Исай Лефебер доказывал, что он к следствию вообще отношения не имел. Его оправдали. Однако приставу Московской части выкрутиться не удалось: Уголовная палата была вынуждена скрепя сердце Павла Иванова и его секретаря «от должности отрешить». Так вторично «восторжествовала справедливость» в российском суде!

Впрочем, на судьбу самого Андреева осуждение полицейских чиновников, которые вели его дело, никак не повлияло. Отношения же Радищева с Уголовной палатой и Управой благочиния были испорчены очень сильно.

История Степана Андреева дала Радищеву материал для драматического рассказа о безвинно гонимом человеке, которого встречает Путешественник в Спасской Полести. Подобно Андрееву, этот «несчастный», бывший купец, ставший дворянином, страдает из-за того, что когда-то поручился за мошенника-компаньона. Честь и семья его погибли, ему самому грозит тюрьма.

Однако для Радищева «дело» Андреева послужило отправной точкой, и взял писатель из него лишь часть. По-своему группируя, изменяя и типизируя реальные факты, он дополнял их вымышленными. Отбросив обвинение в убийстве (за которое Андреев и был приговорен к лишению чинов, дворянства и каторжным работам), писатель сделал «несчастного» не случайной жертвой неправильно проведенного следствия и последовавшей за этим судебной ошибки, а нарисовал типичный образ человека, страдающего от беззакония и неправосудия, царящих в Российской империи.

И с Николаем Смирновым, и со Степаном Андреевым Радищеву суждено встретиться в будущем. А пока, во второй половине 1780-х годов, эти два человека под пером писателя-революционера обретают бессмертие как художественно типизированные персонажи «Путешествия».

НА ПЕТРОВСКОМ ОСТРОВЕ

У крутого изгиба речки Петровки (ныне Ждановки) на Петровском острове, против Петербургской стороны, Казенная палата продавала под застройку земельный участок. Земля эта входила во владения вдовы придворного банкира барона Ивана Фридрихса. 28 августа 1787 года свояченица Радищева Елизавета Васильевна Рубановская подала в палату прошение

о том, чтобы этот участок был продан ей в «вечное и потомственное владение».

Палата удовлетворила ее просьбу. А вскоре Радищев откупил у «Фридрихсовой вдовы» смежную землю с мызою и службами. Общий участок получился просторный. На нем вдоль речки шел земляной вал, были лес, сенные покосы и пять прудов. Новый владелец построил здесь двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте. Рядом находились людская изба, конюшня, сарай, баня, погреб. Комнаты в доме были небольшие, за исключением гостиной, над которой в верхнем этаже помещалась галерея. (Сейчас на этом месте находятся дома № 1—7/2 по Петровскому проспекту.)

Каждое лето теперь семья Радищева и его свояченицы проводили на Петровском острове. За детьми самозабвенно следила Елизавета Васильевна. Помогала ей в домашних делах сестра Дарья. Сюда со службы под вечер приезжал Радищев. Моста через Малую Невку в те годы не было, и экипажи перевозили на плоту, «нарочно для того устроенному». Кроме того, можно было воспользоваться лодкой. «Верочка, солдатская дочка, перевозила за грош человека».

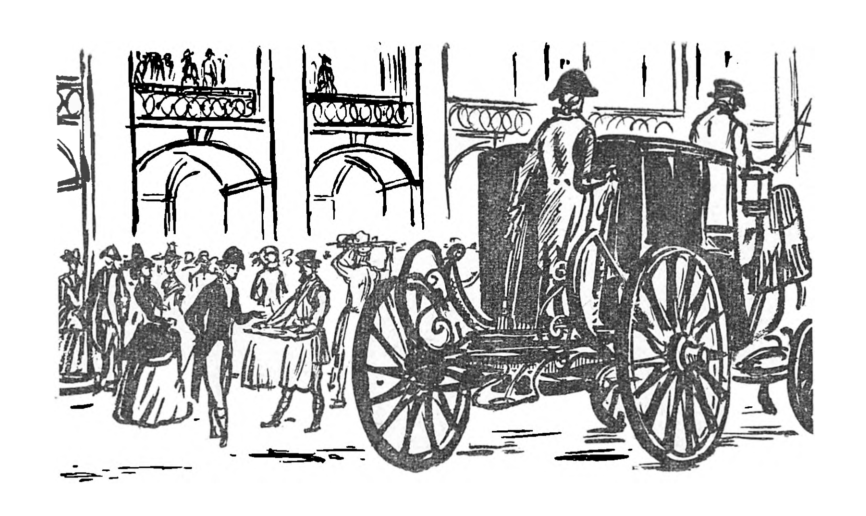
Петровский остров являлся излюбленным местом отдыха состоятельных петербуржцев. Предприятий здесь не было, за исключением заводика «для беления воску». Дачные постройки находились далеко одна от другой. В лесочках через ручьи и протоки перекинуты были мостики. Вдоль острова пролегала большая аллея (ныне Петровский проспект), в конце которой стоял летний дворец великого князя Павла Петровича. Близ него располагался лагерь Греческого кадетского корпуса (Корпуса чужестранных единоверцев).

Радищевы очень любили прогулки по острову, вечерние катания на шлюпке, которую нанимали. Неда-

ром о жизни здесь с удовольствием вспоминал более полувека спустя сын писателя Павел.

На даче отдыхал и младший брат писателя Иосиф, учившийся в Пажеском корпусе. Гостил здесь приезжавший из Архангельска Моисей Николаевич Радищев. Наезжал сюда из Петрозаводска сводный брат свояченић Александр Андреевич Ушаков, с которым писатель был в большой дружбе. Иногда вопреки воле хозяина вваливался полупьяный брат Петр, служивший в провиантмейстерской конторе. Бывали сослуживцы Радищева (например, прокурор Коммерц-коллегии Николай Кацарев) и подруги Елизаветы Васильевны по Смольному институту.

Здесь писатель работал над «Путешествием» в 1788 году, дописывал и переделывал книгу летом 1789 года.

ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА...

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ СЛОВЕСНЫХ НАУК

«...Любить паче себя свое Отечество, быть сострадательным к несчастной участи ближнего своего и прилагать всевозможное попечение о просвещении разума своего полезными для человечества познаниями...» Эти слова взяты из документа под заглавием: «Главные положения Общества друзей словесных наук».

Радищев был связан с этим обществом, но с какого года и в какой степени — неизвестно.

Само же общество существовало с 1784 года. Его образовали воспитанники Московского университета — участники Собрания университетских питомцев. Организатором собрания, которое возникло за три года до учреждения Общества друзей словесных наук, был

видный масон профессор И. Е. Шварц. Руководящую роль в собрании играл Н. И. Новиков.

В уставе общества сказано, что оно и московское Собрание университетских питомцев имеют единую цель, к которой идут «соединенными силами», и представляют собой по сути дела лишь «две части одного общества, разделенные токмо местом». Членам их вменялось в обязанность «иметь между собой связь». На собраниях общества обсуждались литературные и философско-нравственные труды его участников, читались переводы иностранных авторов. Члены общества знакомили товарищей со своими сочинениями. Затем рукописи, одобренные общим собранием, рекомендовались к печати и передавались для публикации казначею. В конце 1780-х годов обязанности казначея исполнял знакомый Радищеву Иоганн Карл фон Мейснер. Во второй половине 1786 года он приехал из Пруссии в Петербург и открыл торговлю книгами «в будке» при Бирже, рядом с таможней, а в феврале 1788 года был официально записан в санкт-петербургские «иностранные гости», т. е. купцы.

Устав общества рекомендовал «друзьям словесных наук» участвовать в изданиях московского Собрания университетских питомцев. Москвичи в 1784—1785 годах могли печататься в журнале «Покоящийся трудолюбец». Петербуржцы долгое время не имели своего печатного органа. Только в 1789 году им удалось приступить к изданию журнала «Беседующий гражданин».

Из содержания журнала видно, что позиции его редакторов и авторов, их общественно-политические и философские взгляды не отличались единством. В журнале немало статей религиозно-нравственного характера, пронизанных масонскими убеждениями. Другие материалы настолько оппозиционны, что иные

исследователи приписывают некоторые из них Радищеву (впрочем, неосновательно).

В Обществе друзей словесных наук и в журнале, издаваемом им, участвовали люди, хотя и стоявшие на разных позициях, но объединенные любовью к родине и поисками истины. Этим можно объяснить, например, публикацию в «Беседующем гражданине» такого обличительного, смелого по содержанию и резкого по форме стихотворения, как «Рондо» Сергея Тучкова.

О времена! О нравы!
Несчастная страна!
Честь, истины уставы
Суть праздны имена,—

писал автор о екатерининской эпохе, которую льстивые поэты называли «веком Астреи» — богини любомудрия и справедливости. В «Рондо» же утверждается, что

Златый скончался век.
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрея удалилась,
Неправда водворилась.
Всяк чтит ее уставы,
О времена! О нравы!

Поэт С. Пестов, пытаясь выяснить, чем отличаются начальники от подчиненных, приходил к следующим едким выводам:

Когда начальники в пиру где подопьют,
Не пьяными тогда — веселыми зовут.
Коль на кого они сердиты, злы, брюзгливы,
Тогда все говорят: они в том справедливы.
Когда природа их обидела умом,
Не смеет и тогда никто сказать о том...

Появление в «Беседующем гражданине» такого рода произведений нельзя объяснить влиянием Радищева. Во-первых, неясно, когда он вступил в Общество друзей словесных наук. Во-вторых, русской поэзии конца 1780-х годов предшествовал полувековой опыт отечественной сатиры, она опиралась на обличительные произведения Державина («Властителям и судиям» и др.), на творчество Фонвизина и Капниста, на республиканскую по духу трагедию Княжнина «Вадим Новгородский».

Общество друзей основывалось на демократических принципах. Его устав не допускал какого-либо «преимущества между членами». Лишь «доброе сердце, усердие к пользе отечества и трудолюбие» могли служить «блистательным знаком отличия». Устав требовал, чтобы члены общества поочередно выступали с речами, которые должны были вливать «в чувства сотрудников благородные и достойные человека мысли, также и усердие к собранию».

Как свидетельствует С. А. Тучков в своих записках, благодаря которым стало известно об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук, писатель прочел на собрании «Беседу о том, что есть сын Отечества».

Стремясь высказать «благородные и достойные человека мысли» и внушить любовь к родной стране, автор начинает «Беседу» с утверждения: «Не все, рожденные в Отечестве, достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем».

Предупредив, что он имеет в виду не крепостных, коварством и насилием лишенных гражданских прав, Радищев посвящает им самые сочувственные, самые горячие строки. Тяжкий труд крестьян бессмыслен,

ибо он приносит пользу не государству, а тунеядцам. Избавление от страданий — только смерть. Впрочем, замечает писатель, иногда самая тяжесть угнетения заставляет крестьян «проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца».

Крестьяне «не суть члены государства, они... не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот». А их мучители тоже не сыны отечества. «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!» — восклицает Радищев, показав, что ни раб, ни мучитель не являются сынами отечества. Но так как писатель предупредил, что он ведет речь не о крестьянах, то слово «раб» относится к тем, кто мирится с произволом и угнетением.

Истинному человеку и патриоту присущи честолюбие, благонравие, благородство. Используя традиционную терминологию, Радищев переосмысливает ее. Честолюбием он называет желание заслужить уважение людей, понимающих, что в основе человеческих отношений должна лежать любовь, а не насилие. Благонравие — это мужественное преодоление трудностей, помощь несчастным, готовность жертвовать жизнью ради блага отечества и сограждан. Благородство — человеколюбие, служение соотечественникам «по законам естества и народоправления».

Радищев, казалось бы, не осуждает политический строй России. В его «Беседе» даже есть выражение «сын Отечества и монархии». Но так, видимо, нужно было написать из цензурных соображений. «Сын Отечества» жаждет содействовать взаимной любви сограждан, готов отдать жизнь ради соблюдения законов естественных и гражданских. Вроде бы все невинно. Но если сопоставить заключительную часть «Беседы» с первой, где говорится о порабощении миллионов русских людей, то становится ясно, что взаимной любви

соотечественников нет, ибо существующие законы противоречат законам естественным, а истинный сын отечества и друг человечества никогда не смирится с порядком, при котором большая часть сограждан превращена в «мертвые трупы, тяглый скот».

Члены Общества друзей словесных наук, как вспоминал Сергей Тучков, хотя одобрили «Беседу о том, что есть сын Отечества», «но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания».

Статья Радищева опубликована в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» за 1789 год без подписи автора.

Журнал со статьей распространялся беспрепятственно. Репрессий не последовало. По словам того же Тучкова, лишь после появления «Путешествия из Петербурга в Москву» императрица затребовала списки членов всех вольных обществ, и многие члены Общества друзей словесных наук «по разным видам и обстоятельствам» лишились должностей и выехали из Петербурга.

ВСЛЕД ЗА КНИГОЛЮБОМ

...В галереях Гостиного двора шла бойкая торговля. Шумно, людно, весело. Огромное здание, возведенное по проекту архитектора Валлен-Деламота на углу Невского и Садовой улицы, лишенное вычурных форм и одновременно величественное, привлекало не только посетителей «магазейнов». Двухъярусные аркады, торжественные портики над угловыми входами, огром-

ная протяженность Гостиного двора, стороны которого образуют неправильный четырехугольник,— все это было новым для архитектуры Петербурга и необычным для торговых сооружений.

В 1784 году на углу Невского и Думской улицы (ныне Невский проспект, 31—33) архитектор Кваренги начал постройку здания «Серебряных рядов». Арки его первого этажа в XVIII веке были открытыми. Здесь продавались изделия из серебра. Ряды примыкали к Гильдейскому дому, где заседала городская дума.

Так образовался торговый центр столицы, в который уже в 1790-х годах вошел и малый Гостиный двор, постройка которого осуществлена также по проекту Кваренги (ныне улица Ломоносова, 2).

На галереях обоих этажей главного Гостиного двора располагались лавки. Во дворе находились склады и конторы. В центре его был пруд, вырытый на случай пожара. Этой же цели служил большой колодец против южных ворот Гостиного двора.

Стороны его назывались линиями. Вдоль Невского шла Суконная линия. По Садовой улице — Зеркальная. На Чернышев переулок (улица Ломоносова) выходили аркады Малой Суровской линии. Нынешняя Перинная линия (против Думской улицы) во времена Радищева называлась Большой Суровской.

Линии не были строго специализированы для торговли товарами какого-либо одного вида. В Суконной линии, например, продавали не только шерстяные ткани и верхнее платье. В центре ее, по обеим сторонам ворот, выходивших на Невский, в лавках № 15 и 16 можно было купить книги. Книги продавались и в лавке № 9 той же линии, расположенной чуть ближе к Думе.

Радищев часто посещал книжные лавки. Приходил он и в Суконную линию, где в лавке № 15 торговал

печатной продукцией купец Иван Глазунов. Его старшие братья Матвей и Василий вели книжную торговлю в Москве.

Просмотрев литературные новинки в лавке Глазунова, выбрав кое-что из них, Радищев заходил в лавку № 16. В 1788 году она принадлежала известному тогда книгопродавцу Клостерману, давнишнему приятелю и компаньону Фонвизина. Радищев уже более десяти лет знал этого предприимчивого распространителя литературы.

В гостинодворской лавке Клостермана Радищев задерживался порой надолго. Ведь здесь всем желающим предоставлялась возможность познакомиться с произведениями Фонвизина, подготовленными для полного собрания сочинений. Управа благочиния не разрешала это издание. Но книгопродавец и автор попытались обойти запрет. В объявлении, напечатанном в столичных «Ведомостях», Фонвизин приглашал публику прийти в лавку Клостермана, где можно «рассматривать как напечатанные поныне листы, так и самые рукописи одну по другой для удовлетворения своего любопытства и удостоверения, что показанные книги (предназначенные для собрания сочинений.— *Авт.*) точно существуют».

Любознательных нашлось, очевидно, немало. Об этом свидетельствуют переписанные ими и распространявшиеся затем в рукописях (даже в начале XIX века) некоторые сатирические статьи из запрещенного полицией журнала Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум». Они также должны были войти в его собрание сочинений.

Знал неизданные произведения автора «Недоросля» и Радищев, сославшийся в «Путешествии» (глава «Завидово») на его «Всеобщую придворную грамматику».

В 1789 году лавками № 15 и 16 уже владел тесть Матвея Глазунова известный книгопродавец Тимофей Полежаев. Жил он в Москве, а в Петербурге его дела вел Иван Глазунов.

Пройдя по Суконной линии до угла Гостиного двора, Радищев пересекал затем Садовую улицу и заходил в лавку № 21 купца Ф. Артамонова. Она находилась против Зеркальной линии, на территории служб Аничкова дворца. Здесь можно было приобрести издания Новикова, которые купец привозил из Москвы.

В лавке № 20, также размещавшейся в служебных помещениях Аничкова дворца (Садовая улица, участок домов № 22 и 24), с 1788 года вел торговлю Иван Глазунов, впоследствии ставший владельцем и лавки № 21. В расположенной рядом лавке № 19 с 1790 года продавал книги Василий Сопиков.

Оба эти человека остались в истории русской культуры.

Глазунов был не только книгопродавцом. В 1790-е годы он занялся издательской деятельностью, его дело продолжили дети и внуки. В. С. Сопиков известен как создатель первой библиографии русских книг. Многие годы он описывал попадавшие в его руки издания, собирал реестры, «книгопродавческие росписи», каталоги типографий, отыскивал редкие издания, старинные книги и рукописи. К составленному им пятитомному «Опыту российской библиографии» до сих пор обращаются историки русской литературы.

О Глазунове и Сопикове упоминает Радищев в «Памятнике дактило-хореическому витязю», написанном в 1801 году. В их лавках «в телячьих, златом и разными шарами испещренных ризах хранятся творения Ч..., Лирическое (в целый том) Послание Н..., Земледелие Р..., Поваренный словарь, Стихотворения К... (между которыми прекрасного перевода его

А-ы печатать видно не дозволено), Тилимахида, Иерихон К...ча и пр. и пр.».

Многочисленные сочинения Чулкова и сборник Кондратовича лежали на полках с давних времен. Произведения Николева, Рознотовского, Карабанова, «Словарь поваренный» Левшина изданы после ссылки Радищева. Можно лишь удивляться тому, с какой быстротой писатель сумел сориентироваться в книжном море и даже обратил внимание на то, что изданный ранее перевод «Альзиры» Вольтера не вошел в собрание сочинений Карабанова 1801 года. А ведь Радищев был оторван от культурной жизни столицы одиннадцать лет. Чтобы оценить книжные новинки, заметить, чем отличается одно издание от другого, нужны были, помимо таланта, знания и опыт завзятого книголюба.

Но вернемся в 1780-е годы, когда одним из центров книжной торговли в Петербурге был Васильевский остров.

После службы Радищев не раз заходил к П. Меркулову и Мейснеру, которые торговали «в будке» у Биржи.

Если ничего интересного у Мейснера Радищев не находил, он направлялся к лютеранской церкви св. Екатерины, построенной архитектором Фельтеном на углу Большого проспекта и 1-й линии в 1768—1771 годах. В одном из близлежащих домов пастор Грот продавал иностранные книги. Вероятно, у него и приобрел Радищев наделавшие много шума в Европе педагогические сочинения «славного» Базедова — немецкого профессора.

Отсюда путь книголюба шел к Седьмой линии. На углу этой линии и набережной (ныне набережная Лейтенанта Шмидта, 1) находились типография и книжная лавка Академии наук.

Правда, с 1789 года любителям ученых книг и журналов уже не нужно было ездить на Седьмую линию. Издательство, типография и лавка разместились в новом здании Академии наук, возведенном по проекту Кваренги между Кунсткамерой и Двенадцатью коллегиями (Университетская набережная, 5). При Академии имелась библиотека, но доступ в нее был ограничен, а на дом книги выдавались только академикам.

Могли интересовать Радищева издания Сухопутного и Морского кадетских корпусов. Книгами Сухопутного корпуса торговал переплетчик Самуил Шель, живший по Кадетской (ныне Съездовской) линии в деревянном доме неподалеку от корпуса. Издания Морского кадетского корпуса можно было купить в типографии корпуса «в 12-й линии на берегу Невы-реки».

Перейдя по плашкоутному мосту через Неву, миновав Сенатскую площадь и облицованный мрамором остов недостроенного Исаакиевского собора, Радищев направлялся на Большую Морскую улицу (ныне улица Герцена). В самом ее начале (на месте арки Главного штаба) стоял скромный «в пять покоев» собственный дом издателя и переплетчика К. В. Миллера, в котором была книжная лавка. Любитель литературы не мог миновать ее: Миллер предлагал покупателям произведения многих европейских авторов (на языке оригинала и в переводах) и почти всех русских писателей.

Радищев знал Миллера еще с начала 70-х годов. В его лавке, которая находилась тогда в доме купца Трифона Познякова на Луговой Миллионной (также примерно на месте арки Главного штаба), продавались издания новиковского «Общества, старающегося о напечатании книг». Здесь можно было купить переведенные Радищевым «Размышления о греческой истории» Мабли и «Офицерские упражнения».

Из лавки Миллера такой книголюб, как Радищев, шел на Невский проспект. За Зеленым мостом он поворачивал на набережную Мойки. В доме при Реформатской церкви (ныне примерно участок дома № 42) типограф Иоганн Шнор держал книжную лавку. Сперва он занимался только книготорговлей, с 1773 года, когда получил в аренду типографию Артиллерийского корпуса, стал издателем. В 1780 году он уже имел собственную типографию. В конце 80-х годов у Шнора либо снимал в аренду лавку Мейснер, покинувший «будку» у Биржи, либо служил у него приказчиком. Здесь в 1788 году он принимал подписку на журнал «Беседующий гражданин». Спустя год Мейснер ушел от Шнора и поступил, возможно не без содействия Радищева, досмотрщиком в Петербургскую таможню.

У Зеленого моста, «в доме Неймана», голландский купец Этьен Леруа торговал книгами на французском языке. Другие иностранные купцы продавали литературу на английском, итальянском, польском, испанском, немецком и французском языках. Покупателей они приглашали то в дом барона Аша на Новой Исаакиевской улице (ныне улица Гоголя, участок дома № 18), то на Невский «к Строганову дому», то к Католическому собору, построенному в 1783 году.

...И вот снова Садовая улица. В лавке № 22, против Зеркальной линии Гостиного двора, много посетителей. Здесь большой выбор гравюр, портретов, ландкарт и, конечно же, книг и журналов. Желающим книгопродавец и владелец типографии Матвей Овчинников мог предложить роман Комарова «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавны-

ми его песнями; второго французского мошенника Картуша и его товарищей».

Этот популярный роман, выдержавший пятнадцать изданий, был известен Радищеву.

Помимо аналогичных произведений, рассчитанных на невзыскательного читателя, у Овчинникова продавались сочинения Вольтера, переведенные поклонником французских просветителей И. Г. Рахманиновым, «Рассуждения о политической экономии» Руссо, «Рассуждение о национальном любочестии» Циммермана в переводе Фонвизина и другие книги зарубежных философов, писателей, публицистов. Некоторые из них Овчинников издавал «на свой кошт» еще до того, как завел собственную типографию. Вряд ли это приносило ему большой доход. Но он заинтересован был не только в получении прибыли. И не ради денег отпечатал он и продавал в своей лавке книгу немецкого академика Формея «Сокращенное предложение королевского плана о поправлении правосудия», переведенную смелым вольнодумцем и убежденным демократом Федором Кречетовым. В конце этой книги издатель поместил список сочинений Кречетова, готовящихся к публикации, и приглашение ознакомиться с ними в рукописях. Находились эти рукописи в лавке Овчинникова. Там их и читали...

КРУЖОК КРЕЧЕТОВА

С бывшим сослуживцем Радищева по Финляндской дивизии Федором Васильевичем Кречетовым Матвей Овчинников мог познакомиться у секунд-майора И. В. Логинова, где Кречетов служил писарем. В доме Логинова на Большом проспекте (ныне участок дома на проспекте Огородникова, 26/2) размещалась типография Овчинникова.

Уволившись из армии, Кречетов служил библиотекарем у князя Трубецкого (особняк которого находился недалеко от дома Радищева). Выходец «из церковников», писец, приказный (мелкий чиновник), унтер-офицер в должности аудитора Тобольского полка, лишь при отставке получивший чин поручика, Кречетов хорошо знал пресловутое российское крючкотворство. Путь к благоденствию России, русского народа, решил он, лежит через образование. Необходима всеобщая грамотность, и Кречетов начал сочинять и рассылать на имя императрицы, в Сенат и Синод обширные проекты реорганизации образования.

В этих проектах Кречетов ратовал за создание широкой сети школ для народа, и не только общеобразовательных. В его планах важное место отводилось созданию юридических и коммерческих училищ. Посредством общего и юридического образования (юриспруденции надо учить всех, чтобы чиновники и судейские крючкотворы не обманывали простой люд) можно будет поднять народ до такого уровня самосознания, что «государи убоятся ему делать противное» и станут исполнять «принятые народом к общей пользе решения». Федор Кречетов верил, что такими мерами можно покончить с «выдуманной для удержания власти тиранией».

Для осуществления своих планов Кречетов искал единомышленников. И вряд ли он не попытался заинтересовать ими Радищева, хотя прямых доказательств этого мы не имеем. Страстные книголюбы Радищев и Кречетов, жившие по соседству, встречались не только в домашней обстановке, но и в книжных лавках, и прежде всего в лавке Овчинникова, помогавшего Кречетову в распространении его идей.

В 1785 году Кречетов организовал «Всенародно-вольно к благодействованию составляемое общество»,

в которое вошло около сорока человек — дворян и разночинцев, русских и иностранцев, мужчин и женщин. Общество намеревалось выпускать свой журнал «Не всио и не ничево» (название исходит от нравоучительной повести «Все или ничего», распространявшейся в начале 1760-х годов). Было подготовлено несколько номеров этого периодического издания, содержавших статьи о целях общества и несколько литературных произведений. Написаны они витиеватым, трудным для понимания языком, с обильным употреблением церковнославянских слов и выражений. Опубликован только первый лист журнала, в котором пространно излагались программа и задачи кречетовского общества.

Федор Кречетов был человеком необычным, смелым и увлеченным. Отсутствие образования он восполнял чтением книг, самостоятельно изучил несколько языков. Его работы обнаруживают знание и светской, и церковной литературы, которую он знал с детства. На заседаниях общества, среди знакомых и незнакомых людей он горячо и открыто высказывал свои мысли. Требовал свободы слова и гласности суда, критиковал духовенство, говорил о необходимости законодательных реформ и отмены цензуры. Неуважительно отзывался об императрице, которая давно забыла о своем либеральном «Наказе» и боится, «чтоб из него чего страшного не вышло».

Но главным в его страстных речах, в письмах, которые он адресовал Екатерине II и царедворцам, было стремление убедить в насущной потребности всеобщей грамотности. Свои доводы он сопровождал проектами и планами осуществления этого важного дела.

Предложения его, однако, отвергались, хотя нельзя было назвать их несвоевременными. Именно в 1780-е годы в России начали создавать школы для широких

слоев населения. В Петербурге было основано одно Главное (четырехклассное) училище. Находилось оно возле Казанского собора. Открыли также тринадцать «малых» (двухклассных) школ. Столько же школ было заведено и в уездных городах и селениях. Часть училищ организовали на средства доброхотов, среди которых выделялись такие толстосумы, как откупщик Трифон Позняков. Жертвовала свои средства и интеллигенция. Небогатый старый художник А. П. Антропов подарил дом для училища в Рождественской части (ныне район Советских улиц).

Кречетов знал об этих школах. И когда, указывая на них, говорили ему, что со своими планами он стучится в открытые ворота, вольнодумец отвечал: «Это только мажет по губам государыня». Он был прав. Школ имелось мало, учителей для них не хватало.

Училище, которое готовило учителей для двухклассных школ, размещалось во втором этаже бывшего щукинского дома, выходившего на Садовую улицу и Чернышев переулок (улица Ломоносова). Теперь это часть Апраксина двора. В первом этаже находились шляпные, чулочные и сапожные лавки. Во дворе и рядом с домом шла бойкая торговля в птичьем, железном, охотном, свином, холщовом и зеленном рядах... Споры. Брань. Кряканье уток. Визг поросят. Собачий лай. Вот при таком «звуковом сопровождении» черпали знания будущие учителя.

«Всенародно-вольно к благодействованию составляемое общество» для целей просвещения намеревалось печатать полезные книги. Подробный список намеченных к изданию книг и своих трудов Кречетов опубликовал в типографии Овчинникова под заглавием «Открытие нового издания, души и сердца пользующего. О всех и за вся, и о всем и ко всем; или Российский патриот и патриотизм». Вместе с этим проспектом был

сброшюрован первый лист журнала «Не всио и не ничево» и восемь листов чистой бумаги, на которых должны были расписаться подписчики.

Подписчиков не нашлось. Но митрополиту Гаврилу показались подозрительными в светском издании слова «О всех и за вся», употребляемые при богослужении. Началось следствие. Кречетову запретили наполнять сочинения текстами из священного писания, которое он «худо разумеет», и писать о масонах.

Потребовали к ответу и типографа за то, что напечатал проспекты без разрешения Управы благочиния. Овчинников пытался оправдаться тем, что сделал это, так как не считал проспект книгой, хотя знал, что объявления всегда просматривались полицией.

Об отношении Радищева к Кречетову и его деятельности свидетельствует «Путешествие». В образе семинариста, о котором рассказывается в главе «Подберезье», отражены некоторые черты характера и биографии создателя «Всенародно-вольного общества». Писатель рисует колоритный облик незаурядного человека, подчеркивает «неробкий взгляд» семинариста, его страстную тягу к знаниям. Основной источник образованности семинариста — чтение. Книги он брал из библиотеки какого-то знакомого. Радищев излагает его рассуждения о необходимости перестройки системы образования и распространения юридических знаний. Семинарист увлекается книгой английского юриста Блэкстона, говорит о масонах. Все это, а также отмеченная Путешественником сложность его языка, путаница мыслей характерно для Кречетова. Правда, он не был членом масонской ложи, но пытался создать какое-то свое «открытое масонство». Что он под этим подразумевал, можно было толковать как угодно, так как Кречетов изъяснялся весьма путаным языком.

В одном, однако, семинарист из «Подберезья» от-

личается от Кречетова: он молод, а Кречетову было около пятидесяти. И это не случайно, как не случайна масонская направленность мыслей семинариста, зафиксированных в тетради, которую подобрал Путешественник. В Обществе друзей словесных наук Радищев встретил молодых людей взгляды которых сформировались под воздействием московских масонов. Писателя крайне беспокоило распространение религиозно-мистических настроений в русском обществе и особенно среди молодежи. Поэтому Радищев с большим сочувствием относится к критическим высказываниям персонажа по поводу официального образования (где использованы доводы именно Кречетова), но убийственно саркастически высмеивает религиозные «бредоумствования» масонов.

Как и в других случаях, семинарист в «Подберезье» — не точная копия одного реального человека. Автор создавал художественный образ, в котором слиты воедино черты религиозного правдоискателя, усвоившего некоторые идеи просветителей, и масона. И все же многое в этом образе от Ф. В. Кречетова.

Позднее, в 1793 году, Кречетова арестовали по доносу дворового Малевинского. Его обвинили в стремлении свергнуть самодержавие и заключили в секретный Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Затем перевели в Шлиссельбургскую крепость с предписанием не допускать его общения ни с кем и не давать возможности писать. В этом «наикрепчайшем» заключении он просидел с 1793 по 1801 год.

Из крепости Кречётов вышел больным и нищим, но своим идеям не изменил. Он начал осаждать министров Александра I проектами реорганизации образования. Тогда несломленного вольнодумца сослали в Пермь. Но и оттуда он посылал проекты до последних дней жизни.

КАНУН

ЗАПИСКА О ПОДАТЯХ

«О вы, гордящиеся наукою вашею в способах обогатить земледелателя! Вы, мнящие... что можно опустелые жилы питательного сока наполнить вместо благодетельного мучного раствора тем, что назначил скоту своему в снеде! Устыдитесь своего изобретения, возгнушайтесь, когда костистая лапа глада тягчит рамена земледельца, помышлять о прибытке».

Так писал Радищев в «Записке о податях Петербургской губернии». Он имел в виду «сердобольное» начальство, которое в неурожайные годы рекомендовало земледельцам печь хлеб из трав, корней или молотых желудей.

Над «Запиской о податях» Радищев работал в конце 1780-х годов. Этот труд обычно связывают

с финансовыми проектами правительства. Еще в 1783 году Секретная комиссия в составе А. А. Вяземского, А. Р. Воронцова, А. А. Безбородко и А. П. Шувалова предложила увеличить подать казенных крестьян с двух до трех рублей в год,— нужны были деньги на содержание армии, на возрастающие расходы царского двора и прихоти фаворитов.

Но казна все равно не сводила концы с концами. А поэтому через два года Вяземский внес проект, предусматривающий новое увеличение подушного налога. Другие члены комиссии, однако, побоялись принять это простое, но чреватое последствиями решение. В связи с изысканием дополнительных средств Воронцов и предложил Радищеву рассмотреть вопрос о податях, получаемых в Петербургской губернии.

Писатель обследовал села ряда уездов. Изучал статистические отчеты, подоходные ведомости и множество других документов, после чего приступил к составлению «Записки». Эти материалы он использовал также в другом своем труде — «Описание Петербургской губернии» [1].

Радищев подчеркивал, что в «Записке» речь идет только о казенных крестьянах, ибо тяжесть налогов, взимаемых с помещичьих крестьян, «исчислить не можно». Ее величина зависит от «корыстолюбия и бескорыстия» бар, а по мере замены оброка барщиной жребий земледельца становится все тягостнее. Размер оброка и барщины определяют помещики. Если во многих плодородных губерниях крестьянин трудится три дня на себя, три — на господина, то в Петербургской помещики заставляют крестьян работать на себя все шесть дней в неделю.

[1] Названия этих двух работ даны публикаторами.

В целом налоги в Петербургской губернии выше, чем в других губерниях. Однако «близкое положение столицы и первого торгового города в России доставляет великие выгоды и сельским жителям. Земледелие, а паче огородное, рыбные ловли в летние времена, извоз зимою — суть промысел ближайших к Петербургу селений и для того оные гораздо зажиточнее отдаленных».

Какие же уезды автор относит к близлежащим? Софийский и Санкт-Петербургский, а также имеющие водное сообщение со столицей Шлиссельбургский и Ладожский. Ораниенбаумский, Рождественский, Ямбургский и Нарвский уезды только «отчасти» пользуются преимуществом своего географического положения. «Гдовский и Лугский совсем оным не пользуются в рассуждении отдаления своего».

Если учесть, что в последних двух уездах душ больше, чем в четырех благополучных, картина получается отнюдь не радостная. К такому выводу приходит Радищев.

Одни подати он считает закономерными, другие — противоречащими здравому смыслу. К несправедливым он относит, в частности, возложение на жителей повинности по починке дорог и мостовых: «Тот, кто более мостовую портит, тот паче другого, кажется, и чинить ее должен».

Писатель убежден, что равенство при определении величины налога недопустимо. Налог должен быть прогрессивным: тот, кто большую получает прибыль, обязан платить больший налог. Несправедлив, по его мнению, также уравнительный подход при оплате ночных сторожей в городах и починке мостовых: «Дом на тридцати саженях и дом в одно жилье, поземный дом, на двух саженях построенный, равно обязаны давать человека».

Чтобы лучше понять его мысль, возьмем план домовладений современного Радищеву Петербурга и, не останавливая внимания на центральных кварталах, взглянем на один из уголков Коломны.

Участок купчихи Тисиной простирался по Офицерской улице от Английского проспекта (ныне проспект Маклина) до реки Пряжки и уходил в глубь квартала. Ровно столько же земли занимали шестнадцать (!) участков, примыкавших к тисинскому со стороны Хлебной слободки (от Мойки). Здесь находились дома плотников, столяров, канатных подмастерий, вдов адмиралтейских рабочих. Эти бедняки должны были оплачивать шестнадцать сторожей, а купчиха — одного. Правда, чинить мостовую каждому из бедняков приходилось на меньшем участке, но как могли они вообще содержать в порядке незамощенную набережную реки Пряжки, которая каждую осень выходила из берегов, заливала дворы и хибарки?

Так даже в кратких замечаниях Радищев указывает на вопиющую несправедливость. Более резко он пишет о проблемах, которые считает важнейшими.

Самая обременительная повинность, по мнению Радищева,— рекрутский набор «по числу душ», который «нарушает всякую в налоге препорцию». Он говорит о горестной судьбе людей, вынужденных по воле жребия или барской прихоти разлучаться с семьями, доказывает вред рекрутчины для «размножения народа», высчитывает, сколько рабочих рук теряет государство, сколько десятков тысяч детей остаются нерожденными (рекрут брался в армию бессрочно; только в 1793 году был установлен срок солдатской службы в двадцать пять лет) и восклицает: «Какое опустошение!»

Вопрос о рекрутчине (применительно к Петербургу) возник только в 1788 году, когда в связи с русско-

шведской войной был объявлен рекрутский набор, от которого раньше Петербургская губерния была избавлена. Однако Радищев умышленно говорил не о войне, а о потерях государства в мирное время. При этом писатель одобрительно относился к набору всякого «вымета общества» в самом Петербурге, но отрыв крестьян от земли считал пагубным для страны.

Деревни опустошаются не только из-за рекрутских наборов. Крестьяне покидают их в поисках заработков. Некоторые «живут целые годы отсутственны от домов своих».

Реальным средством борьбы с массовым уходом крестьян в города и нищетой в неурожайные годы Радищев считает организацию местных промыслов, которые давали бы заработок осенью и зимою. «Дайте ему (земледельцу. — *Авт.*) работу, но с работою и плату! Тогда он иметь будет пищу, тогда дом его согреется, тогда птенцы его не погибнут от наготы или худыя пищи». Нужно заводить промыслы и фабрики по уездам, «где могли работать все те, которые не нашли бы работы в отдалении или бы от дому удалиться не хотели».

Пока Радищев изучал вопрос о путях увеличения государственного дохода, работал над «Запиской о податях», Секретная комиссия нашла «выход» из трудного положения: она решила дополнительно выпустить большое количество бумажных денег.

К такому способу пополнения казны Радищев отнесся резко отрицательно. Он считал это замаскированным ограблением народа, отягощающим его гнет. Ведь жизнь постоянно дорожала, деньги обесценивались. В 1780 году ассигнации шли по курсу девяносто девять копеек серебром за рубль, а к концу столетия бумажный рубль стоил лишь шестьдесят шесть копеек. Кроме того, одновременное хождение золотых, се-

ребряных, медных и бумажных денег приводило к путанице. При обмене медных или бумажных денег на серебро взимался промен, или лаж. Это давало большие возможности для жульнических махинаций: менялы, губернские казначеи утаивали от государства эту приплату.

«Государь, который деньги делает, есть вор общественный, если не вор, то насильствователь. Доход государственный да будет участок из прибытков земных»,— с гневом писал Радищев, подчеркивая, что «первые ассигнации» представляли собой «ходячую монету», имели реальное обеспечение, «а нынешние излишни».

Одного этого утверждения было достаточно, чтобы «Записка о податях» не понравилась Воронцову. Другим и показывать ее нельзя было. Так и осталась она незаконченной.

Не завершил Радищев и «Описание Петербургской губернии». Он работал над ним медленно: составил подробный проспект этого труда, несколько раз менял его редакцию. «Описание» является лучшим свидетельством того, что Радищев познавал жизнь отнюдь не по книгам. Писатель хорошо знал жизнь народную, видел глубже и дальше, чем кто-либо из его современников. Он говорил о примитивных сельскохозяйственных орудиях, которыми крестьяне обрабатывают пашню, о состоянии земель Петербургской губернии, плодородный слой которых очень невелик. Отмечал и тот факт, что на удобренных помещичьих полях урожаи более высокие, чем на бедных крестьянских наделах. Чересполосица, различное материальное положение жителей разных уездов — ничто не укрылось от глаза писателя, мысль которого постоянно возвращалась к безысходности положения крепостных крестьян.

С августа 1787 года Россия была втянута в войну с Турцией, а в 1788 году на русскую территорию вторглись шведские войска. Король Густав III потребовал, чтобы Швеции были возвращены земли, отобранные у нее во времена Петра I, а Турции отдан Крым.

На театр военных действий двинулись полки, расквартированные в Петербурге. Армия усиленно пополнялась новобранцами. Один за другим проводились рекрутские наборы. Бои развернулись недалеко от столицы. Морские баталии завязывались в Финском заливе. Жители пригородных селений создавали гребные флотилии, которые отважно дрались с вражескими воинскими судами. В память об этом в деревнях ставились каменные обелиски. Один из них сохранился доныне. Он находится на проспекте Села Рыбацкого, против дома № 6.

Как только началась война, Радищев, по свидетельству одного из сыновей, получил задание арестовать и описать все шведские купеческие корабли и обыскать петербургские лавки и магазины: в это время усилилась спекуляция заграничными товарами, которые тайными путями попадали на рынок. Как выяснилось, большинство их шло через западную границу и находившиеся там таможни. Чтобы положить конец этому, Радищев составил проект указа, который был утвержден Сенатом. На основании указа повсеместно по два раза в год следовало проводить ревизию лавок, гостиных дворов, торговых складов с целью выявления контрабандных товаров.

В Петербурге и Москве проверку проводили опытные служащие Петербургской таможни. Привлекались и посторонние лица как «доносители». За обнаруженные контрабандные товары доносителям полагалось вознаграждение — определенный процент от стоимости выявленных товаров.

Одним из доносителей оказался приказчик Герасим Козьмич Зотов. За активную помощь таможне он получил семь тысяч рублей. Эти деньги и дали ему возможность записаться «в санкт-петербургские иногородние гости с капиталом по третьей гильдии», а позднее стать компаньоном Полежаева. Герасим Зотов вскоре понадобится Радищеву для распространения книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

ПОВЕСТЬ О ПРАВЕ НА БУНТ

«Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, воспоминаешь иногда о днях юности своея...» Одна за другой появляются строки обращения к Алексею Михайловичу Кутузову. Радищев решил предпослать это обращение к другу воспоминаниям о годах учения в Лейпциге. Небольшую книгу он назвал «Житие Федора Васильевича Ушакова». К «Житию» были приложены некоторые сочинения Ушакова.

Творческая история этого произведения неизвестна. Рукопись его не сохранилась. Нет и документальных материалов, которые позволили бы выяснить, как создавалось «Житие».

«Осьмнадцать лет уже свершилося, как мы лишилися Федора Васильевича»,— пишет Радищев. Это указание позволяет установить дату работы над книгой об Ушакове — 1788 год (Ушаков умер 7 июня 1770 года).

«Житие» множеством нитей связано с «Путешествием из Петербурга в Москву». Это была не только книга воспоминаний о годах юности, не только биография удивительного человека, которого автор называет своим учителем «в твердости».

Рассказывая о студенческой поре, о годах учения в Лейпциге, Радищеву было важно показать условия,

неизбежно вызывающие бунт. Его воспоминания о прошлом насыщены революционными мыслями. Книга пронизана стремлением к свободе. Каждая ее страница дышит ненавистью к угнетателям, к несправедливости. Негодование юношей пробудил голод. А майор Бокум не желал ничего слышать. Радищев делает из этого многозначительный вывод: «Единое напоминовение справедливости произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно». А почему? Потому, что «пример самовластия государя... побуждает каждого начальника мыслить, что... он такой же властитель частно, как тот в общем». Несколько раз и в различной форме Радищев высказывает в «Житии» мысль о том, что жестокость начальства, его грубость по отношению к подчиненным могут стать причиной их открытого неповиновения: «Не знал наш путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненных требование и что высшая власть сокрушалася иногда от безвременной упругости и безрассудной строгости». Эти слова являются грозным предупреждением, конечно, не Бокуму. Каждый вдумчиво читающий их понимал, что они направлены против самодержавия.

Насилие, тупое самоуправство обострило конфликт и еще более объединило молодых людей: начались «сходбища, частые советования, предприятия и все, что при заговорах бывает».

Так книга воспоминаний о рано умершем товарище становилась революционным документом, своеобразной агитационной брошюрой, раскрывающей причины бунта и пути подготовки к нему. Голод и насилие — первопричины ненависти угнетенных к угнетателям. Сказать это накануне издания «Путешествия» для Радищева было особенно важно.

ЖИТІЕ

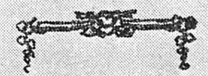
ѲЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА

УШАКОВА,

съ

приобщеніемъ нѣкоторыхъ его

сочиненій.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

въ Императорской Типографіи

1789 года.

Титульный лист книги А. Н. Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова».

В «Житии» автор воссоздает яркий портрет молодого человека, верного товарища и мудрого друга, своим мужественным поведением в самых трудных жизненных обстоятельствах показывающего пример другим. Яростный ненавистник самовластия, Ушаков — человек на редкость целеустремленный, преданный науке, хотя и не лишенный слабостей.

Индивидуализированы в «Житии» и персонажи враждебного студентам лагеря. Глупый и невежественный, но добродушный отец Павел только смешон. Бокум страшен уверенностью в своей безнаказанности. Показывая бахвальство и глупость майора, Радищев хочет не смягчить образ, а смехом и презрением уменьшить страх перед этим воплощением грубой силы самовластия.

Вторую часть книги составляют философские статьи, которые, по словам Радищева, принадлежат Ушакову. Во всяком случае, перевел и отредактировал их автор «Жития», и целый ряд положений органически входит в систему его взглядов: мысль о преимуществе республиканского правления перед монархическим, рассуждения о влиянии среды на человека, о том, что «люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся», и многое другое.

К концу 1788 года были созданы все главные произведения Радищева — «Путешествие», «Житие Федора Васильевича Ушакова» и другие, о которых уже говорилось. Наступала пора их издания, непосредственного воздействия на читающую публику.

Радищев решился. В 1789 году появилось «Житие Федора Васильевича Ушакова» — изящное издание, напечатанное в двенадцатую долю листа. Выпустила его типография Иоганна Вейтбрехта, которая называлась «Императорской», потому что в ней печатались заказы Кабинета императрицы и Коллегии иностран-

ных дел. Типография находилась в собственном доме ее владельца, на углу набережной Мойки и Нового переулка (ныне набережная Мойки, участок дома № 66/2).

А как же читатели? Были ли их отклики?

Кутузов, которому Радищев посвятил «Житие», получил книгу в Берлине, куда он уехал еще в 1787 году по делам масонов. Зная, что его письма просматриваются полицией, он уже после ареста Радищева неодобрительно писал о «Житии Ушакова»: «Книга наделала много шуму. Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу все умолкло».

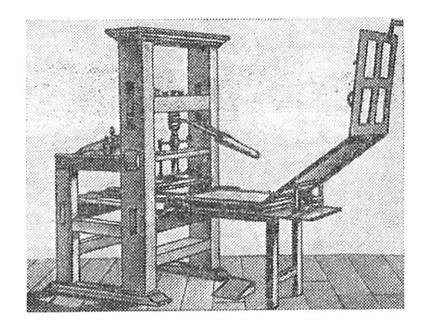
Е. Р. Дашкова в «Записках» рассказывает, будто бы в 1789 году она сказала брату, что «его протеже страдает писательским зудом, хотя ни его стиль, ни мысли не разработаны, и что в его брошюре встречаются даже выражения и мысли, опасные по тому времени». А Воронцов якобы нашел, что сестра слишком строго судит книгу, но счел ее бесполезной, так как «Ушаков не сделал и не высказал ничего замечательного».

Насколько правдивы эти свидетельства, появившиеся уже после того, как над Радищевым разразилась гроза, судить трудно. Во всяком случае, какие-то толки о смелой книге могли быть.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

Рукопись «Путешествия» уже переписана набело. Много дней потратил на это дело Александр Алексеевич Царевский.

Радищев присматривался к нему еще с 1785 года, с того времени, когда решил пригласить домашним

Печатный станок XVIII в.

учителем для своих детей. Царевский преподавал во Владимирском народном училище, которое находилось неподалеку от Владимирской церкви и нынешнего Кузнечного рынка. Предложение Радищева молодой учитель принял и стал обучать его старших сыновей истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике. В 1787 году Радищев помог ему перейти на службу в таможню — надзирателем при страже.

...Листы рукописи аккуратно подобраны и пронумерованы. Теперь надо провести книгу через цензуру.

Незадолго до этого в таможню — опять-таки с помощью Радищева — определился досмотрщиком уже знакомый нам книгопродавец Иоганн фон Мейснер. Ему и поручил писатель в конце 1788 года отнести рукопись в Управу благочиния, которой вменялось в обязанность цензуровать печатные издания.

«Долгое время спустя...— писал Радищев в показаниях, данных в Петропавловской крепости,— книгу мою Мейснер возвратил за подписанием обер-полицеймейстера Рылеева. Неизвестно мне, сказывал ли Мейснер о сочинителе книги; но мне он сказывал, что о имени моем не объявил».

Разрешение печатать «Путешествие из Петербурга в Москву» было дано 22 июля 1789 года. Фамилию автора рукописи Мейснер действительно не назвал, ибо так хотел сам Радищев.

Сознавая, что издать книгу в чьей бы то ни было типографии невозможно, Радищев решил напечатать книгу сам, у себя дома. Для этого он воспользовался правом, предоставленным указом 1783 года, разрешавшим создавать типографии где и кому угодно.

С помощью Мейснера писатель приобрел печатный станок и шрифты у издателя Шнора (Мейснер прежде служил у Шнора книгопродавцом). Свободных денег у него не нашлось, и типографское оснащение пришлось купить в долг. Кассы с литерами и тискальный станок разместили на втором этаже дома на Грязной улице.

Набирать книгу писатель доверил досмотрщику Ефиму Богомолову. До 1785 года Богомолов, как явствует из его показаний на допросе по делу Радищева, «находился в Академии наук наборным учеником», откуда «по прошению ево с данным аттестатом уволен» и определен в таможню. Не Радищев ли, исподволь подбиравший людей, уговорил его перейти служить в таможню?

В 1789 году в таможне появился еще один человек, знавший типографское дело,— досмотрщик Пугин. Печатник по профессии, он вместе с дворовыми людьми Радищева — Петром Козловым и Давыдом Фроловым — должен был «тискать» книгу.

Но прежде чем издать «Путешествие», Радищев решил на пробу отпечатать в собственной типографии небольшое по объему произведение — «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске». Управа благочиния дала разрешение на эту публикацию. Богомолов начал набирать и верстать текст.

А Радищев снова и снова возвращался к «Путешествию»: многое в рукописи, подписанной цензором, уже не удовлетворяло его. Работа над «Житием Ушакова» привела к мысли, что необходимо расширить

некоторые главы и разделы, переделать композицию книги, исправить стиль ее отдельных частей, ввести ряд более простых по слогу юмористических, бытовых и сатирических реплик, сценок, эпизодов.

Не рассматривая все внесенные после визы цензора исправления, отметим основные. Радищев ввел в главу «Спасская Полесть» рассказ о наместнике — любителе устриц, о плутнях казначея, а в главу «Зайцово» — диалог госпожи Ш. с приятельницей о браке с бароном Дурындиным. Глава «Подберезье» целиком написана заново, а в главе «Новгород» — рассказ о гнусной семейке купца Карпа Дементьича. Главу «Торжок» он дополнил «Кратким повествованием о происхождении цензуры». Помимо этих и сотен мелких изменений Радищев дополнил текст посвящением А. М. К. (Алексею Михайловичу Кутузову), в котором сказал о причинах, побудивших его написать книгу, заявил об открыто агитационной цели произведения.

Изменил он и концовку. В первоначальном варианте глава «Черная грязь» завершалась встречей Путешественника с отчаявшимся человеком, который кончил жизнь самоубийством. Этот мрачный финал заменен «Словом о Ломоносове», разрешение на печатание которого подписал тот же обер-полицеймейстер Никита Рылеев 25 сентября 1789 года.

Долго писатель не мог решить, как печатать оду «Вольность» и включать ли в текст песнословие «Творение мира». Но после того как в конце книги было поставлено «Слово о Ломоносове» — этот гимн человеческой мысли и воле,— Радищев без особых колебаний изъял из «Путешествия» связанное с Библией «Творение мира».

Ода «Вольность» была дорога поэту. Но оставить ее полностью в книге он не мог по соображениям художественным — пятьсот сорок строк разрывали текст.

Кроме того, 45, 46, 47-я строфы, в которых славилась Америка как страна свободы, противоречили истине. Время показало Радищеву, что борьба народа Америки в итоге привела к благоденствию тысяч бывших европейцев и обрекла на порабощение миллионы индейцев и негров.

«И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разновидными. Назовем блаженною страною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения!»

Понятно, что, охарактеризовав так страну плантаторов, Радищев не мог оставить в «Путешествии» те строфы «Вольности», где славился вождь «непорабощенных воинов» Вашингтон и ликующая страна, показавшая миру пример свободы. Связанные же с этими строфами «прорицания о будущем жребии отечества» поэт кратко пересказал. Соображения эстетические побудили к дополнительным сокращениям оды.

...В начале осени 1789 года старый Герман Даль отбыл в Ригу «для поправления здоровья и обозрения работы таможенных учреждений». В октябре он умер. Руководство таможней полностью легло на Радищева.

Война требовала самого бдительного надзора за торговыми операциями, и Радищев сумел обеспечить его. Поэтому Сенат своим указом утвердил бывшего помощника Даля советником таможенных дел Петербургской казенной палаты. Рапорт о представлении Радищева к этой должности подписал граф Брюс, с 1786 года являвшийся петербургским главнокомандующим.

Книга по-прежнему занимала все мысли писателя, все время, свободное от служебных обязанностей.

...«Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» вышло из печати в начале 1790 года. Имени автора на нем не было указано... Нетрудно представить, с каким радостным волнением листал Радищев маленькую книжечку всего в четырнадцать страниц.

Первый опыт удался, и в конце декабря 1789 года или в начале января 1790 года Боголюбов начал набирать «Путешествие». Корректуру правил сам Радищев. Одновременно он продолжал дорабатывать текст. Кто знает, какие великие планы тревожили душу писателя, с какой надеждой читал он корректуру своей книги, звавшей к революции!

...С огромным сочувствием и интересом следил Радищев за грозными событиями, потрясавшими Францию. Летом мятежный народ разметал камни Бастилии. С оружием в руках, под знаменами свободы выходил он на парижские улицы. Толпы голодных собирались у стен замков, грозя феодалам виселицами. Заря новых времен занималась на берегах Сены, пугая европейских монархов.

В феврале 1790 года русские газеты сообщили о разгроме типографии Марата, учиненном месяц назад. В апреле пришло известие о том, что преемник Иосифа II возобновил в Австрии цензуру. Эти сведения заставили Радищева пересмотреть соответствующие места книги и внести дополнения в уже набиравшийся текст и в рукопись, не предназначавшуюся для печати, в которой сохранен текст «Вольности» и «Творения мира».

Были ли единомышленники у Радищева, причастные к истории книги? На следствии писатель никого из них не назвал. Известны лишь несколько человек, близких к Радищеву. Литературовед А. И. Старцев на-

зывает среди них Моисея Николаевича — любимого брата Радищева и друга писателя Александра Андреевича Ушакова.

В январе 1790 года Ушаков приезжал в Петербург и остановился, как всегда, у своих сводных сестер Рубановских на Грязной улице.

В то же время находился в столице и Петр Челищев. Он жил у двоюродного брата, дом которого стоял недалеко от дома Радищева.

25 января приехал на две недели в Петербург Михаил Ушаков. Он не мог не побывать у Радищева хотя бы уж потому, что тот недавно выпустил книгу, посвященную его старшему брату. Кстати, в этой книге говорилось и о юности самого Михаила Ушакова, который одновременно с Радищевым учился в Лейпциге.

Случаен ли этот своеобразный съезд друзей Радищева незадолго до выхода в свет «Путешествия»? Трудно допустить, чтобы писатель не обсуждал с ними волновавшие его темы, чтобы их мысли, служебный и жизненный опыт не нашли отражения в «Путешествии».

Давно выяснено, что рассказчик Ч., поведавший в главе «Чудово» о бездушном систербекском начальнике,— это Челищев. Радищев мог остерегаться вспыльчивости и горячности, свойственных другу юности. Но он всегда тщательно оберегал Челищева. Даже в «Житии Ушакова» он не назвал его имени, не желая напоминать, что Челищев был одним из зачинщиков бунта против Бокума. А ведь его вместе с Федором Ушаковым и Насакиным императрица приказывала выслать из Лейпцига как организатора беспорядков.

Предполагают также, что в образе честного судьи Крестьянкина в главе «Зайцово» отражены некоторые факты биографии Александра Ушакова.

Скорее всего, именно среди этих близких писателю людей и были те, кто рискнул увезти в разные места страны рукописи различных редакций «Путешествия». Копии этих рукописей время от времени обнаруживаются и, надо надеяться, еще будут появляться.

...Давно отпечатаны первые листы «Путешествия». Набраны заключительные. На последней странице Радищев поместил слова: «С дозволения Управы благочиния». По давно заведенному порядку эта помета должна была стоять на титульном листе книги, но Радищев сознательно убрал ее оттуда, чтобы обратить внимание читателей на недозволенный характер сочинения.

...В мае и июне 1790 года военные действия против шведов развернулись у Выборга и Красной Горки. Близкая опасность заставила правительство пойти на рискованный шаг. Оно поручило петербургскому полицеймейстеру сформировать для защиты столицы «городовой батальон», в который разрешалось набирать даже беглых крепостных.

Павел Радищев писал, что его отцу принадлежал замысел организации ополчения. Документов, подтверждающих эти слова, нет. Но они едва ли беспочвенны. Семилетний мальчик, видимо, запомнил какие-то разговоры, которые велись в доме. Во всяком случае, мысль о вооружении демократических слоев населения могла привлекать Радищева.

В мае завершалось печатание «Путешествия». Как бы тревожно ни было на сердце писателя, он закончил свою книгу, как и большинство ее глав,— шуткой:

«Но, любезный читатель, я с тобою закалякался... Вот уже Всесвятское... Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь прости.— Ямщик, погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!!...».

„Я ЗРЮ СКВОЗЬ ЦЕЛОЕ СТОЛЕТИЕ‘

«Путешествие из Петербурга в Москву» вобрало в себя и юношеские впечатления Радищева, и опыт жизни в Лейпциге, службы в Сенате, в Финляндской дивизии, в Коммерц-коллегии, картины русской деревни, дорог, городов. В ней итог размышлений над увиденным и прочитанным, боль сердца, чуткого к чужому страданию, ответ противникам, спор с друзьями.

Еще в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» Радищев пришел к выводу, что не может быть освобождения народа «сверху». В «Вольности» он сказал о неизбежности революционного взрыва в обществе, построенном на притеснении. В «Житии Ушакова» подчеркнул, что насилие вызывает объединение угнетаемых.

«Путешествие» открывается эпиграфом: «Чудище обло, озорно, огромно стозевно и лаяй». Эта строка из «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского, усиленная и подправленная Радищевым, характеризует самодержавие и крепостничество. Образ стозевного чудища проходит через все «Путешествие». Ему противопоставлен народ. Таков контраст двух Россий, к несчастью, еще не отделимых друг от друга: России народной, за которой будущее, и России угнетателей, пока очень сильной, но обреченной.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала». Так сказано в посвящении А. М. Кутузову. Боль за человечество могла бы привести в отчаяние, если бы искоренение зла не зависело от людей же: «Веселие неизреченное! я почувствовал, что возможно каждому соучастником быть во благодействии себе подобных». Открыть глаза людям, возбудить в них ненависть к злу и желание творить добро, воспитать борцов за освобождение народа — задача книги. Путь — познание истины.

Тема и цель книги определили жанр: путевые записки позволили ввести такое количество эпизодов, образов, рассуждений, часть которых была бы лишней в произведении с повествовательной фабулой. Отказавшись от поисков фабулы, условно скрепляющей главы, мы увидим внутреннюю логику, сюжетную слаженность произведения.

«Выезд». Раздумья человека, простившегося с близкими. Тяжелый сон. К счастью, рытвина, в которую попала кибитка, заставила пробудиться. Много таких «отрезвляющих рытвин» будет на дороге, не ставшей лучшей с тех пор, как юный паж впервые ехал по ней в Петербург.

Первая станция — София. Разбуженный почтовый комиссар, увидев, что перед ним не особо важная

ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно,
и лаяй.“

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

персона, переворачивается на другой бок. С иронией Путешественник замечает, что за двугривенный лошади нашлись.

Почтовый стан позади. Ямщик затянул песню. Скорбная мелодия несется над дорогой. С этой песней уже на первые страницы «Путешествия» вторгается народ, чтобы стать основным героем книги. Размышления о национальном характере, убежденность, что судьбу России будет решать бурлак, т. е. сам народ, показывают, что Путешественник немало думал о кардинальных вопросах русской жизни задолго до выезда.

Ироническая интонация возрождается в главе «Тосна» и в замечании о дороге, забросанной землей на время проезда государыни и от того еще более грязной после дождей, и в рассказе о стряпчем, который составляет желающим родословные. Жалок попрошайка, готовый за мзду произвести любого в потомки Мономаха. Но возрождению «хвастовства древния породы» способствовал не он, а правительство — введением родословных книг. Так дети казака Розума — Разумовские оказались потомками польской знатной фамилии, купцы Лазаревы повели род от армянских царей и т. д. А товарищ Радищева по Пажескому корпусу почтенный камергер М. Г. Спиридов много лет затратил на составление «Родословного российского словаря» и рассуждал о значении «породы» почти как тосненский стряпчий.

Над хвастовством «породой» можно смеяться. Положение народа вызывает гнев. В главе «Любани» Путешественник разговорился с крестьянином, который работает и в воскресенье. Он пашет на двух лошадях, попеременно давая отдых то одной, то другой, но не себе! Пахарь откровенно признается, что на помещика, который заставляет его шесть дней в неделю отбывать

453

красота суть только слѣдствiя. Вотъ какъ понимаю я дѣйствiе великiя души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствiе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россiйской словесности, Ломоносовъ есть перьвый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, оно нелицемѣрно.

Но любезной читатель я съ тобою закалякался.... Вотъ уже Всесвятское.... Если я тебѣ ненаскучилъ, то подожди мѣня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости -- Ямщикъ погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!!....

Съ дозволенiя Управы Благочинiя.

Последняя страница книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

барщину, он трудится с меньшим рвением. Наглядно показывая невыгодность подневольного труда, Радищев устами Путешественника произносит гневные слова: «Крестьянин в законе мертв». Государство обращает на него внимание лишь тогда, когда он совершает преступление. «Сия мысль всю кровь во мне воспалила.— Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение». Этот политический вывод относится не только к жестоким помещикам, но и к правительству.

В «Чудове» указывается на связь между жестокостью законов и бессердечием их исполнителей. Приятель Путешественника Ч. рассказывает возмутительную историю о систербекском (сестрорецком) начальнике, который заявил, что в его обязанности не входит спасать тонущих в море. Возмущенный Ч. поведал эту историю в Петербурге. «Но в должности ему не предписано вас спасать»,— сказал «некто», видимо важная персона. Этот ответ, это равнодушие страшнее жестокости систербекского начальника. Каковы же законы, какова нравственная атмосфера, убивающие в чиновнике естественное для нормального человека желание помочь попавшим в беду?

Может быть, это случайность? Ведь «малые и частные неустройства в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды».

«Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось»,— гневно отвечает Ч., решивший навсегда покинуть город, «жилище тигров».

«Спасская Полесть» объясняет обусловленность «частных неустройств» самой сутью государственной системы.

Глава состоит из трех как бы самостоятельных, а на самом деле не отделимых друг от друга частей. Первая имеет комедийный характер. Ночью Путешественник слышит разговор приказного с женой, которой не спится, о наместнике, т. е. генерал-губернаторе, правителе нескольких губерний. Смолоду тот «таскался по чужим землям» и полюбил устрицы. «Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался... А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба...» И посылает «унизанный орденами» гонцов за тридевять земель с «важными донесениями» к «господину Корзинкину, почтенному лавошнику в С.-Петербурге, в Большой Морской». Привозит курьер устриц и за «усердие по службе» получает чины и награды.

Адрес купца Андрея Корзинкина точен (ныне улица Герцена, участок дома № 28). Образ наместника типичен. Капризами он похож на Потемкина, но тот «по чужим землям» не «таскался» смолоду. Да и какая разница, идет ли речь о нем или о Тутолмине, Сиверсе, Кречетникове, если разделенная на пятьдесят губерний Россия была отдана в руки пятнадцати — восемнадцати наместников. Комическая история повествовала о горькой правде — о неограниченности произвола и казнокрадства в среде крупнейших вельмож.

От вельмож не отстают подчиненные. В темных делах замешан губернский казначей, да и сам ретивый обличитель, как ясно из слов его жены, не чист на руку.

Плохо честному человеку там, где хорошо плутам. За комедией следует драматический рассказ встреченного Путешественником человека, честь и семью которого убили жулики, устаревшие законы и бессердеч-

ные исполнители их. Прототипом «несчастного» послужил секретарь таможни Степан Андреев.

«Возможно ли,— говорил я сам себе,— чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости?»

Ответом на эти размышления является «сон» Путешественника. Кое-кто, оценивая содержание «сна», говорит о либеральных иллюзиях самого Радищева, другие исследователи считают либералом Путешественника. Но именно этот раздел вызвал особое негодование Екатерины II.

Риторический вопрос сильнее обнаруживает иллюзорность надежд на самодержца, даже если он мягкосердечен и искренне хочет быть беспристрастным.

В «сне» материализуется эпиграф из «Тилемахиды», избранный Радищевым. Телемак попадал в ад, где злые цари сначала видели свой лик в зеркале Лести, а затем в зеркале Истины. Последнее показывало, что они хуже, чем самые страшные чудовища, хуже, чем ужасный пес Кербер — «чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и лаей» [1].

И в «Спасской Полести» монарх видит себя сначала в зеркале лести. Лавровый венец, победоносный меч, скипетр, лежащий на снопах, символ правосудия — весы, на чашах которых лежат книги с надписью «Закон милосердия» и «Закон совести», говорят о величии и справедливости царя. Эта обстановка довольно точно воспроизводит зал заседаний Сената.

Уже эта часть пронизана жестокой иронией и сарказмом, которые предвосхищают памфлеты Салтыкова-Щедрина. Царь зевнул — и на лицах окружающих появились скорбь и уныние. Царь чихнул, губы растяну-

---

[1] Т. е. с тризевной пастью. Радищев чуть изменил и усилил образ: «Чудище... стозевно и лаяй» (лающее).

лись в подобии улыбки — и «развеялся вид печали на лицах». Отовсюду возносились восклицания: «Да здравствует наш великий государь!» Отовсюду слышны похвалы монарху, который укрепил военное могущество страны, расширил торговлю, умножил государственные доходы, добился расцвета наук и искусств, избавил от смерти тысячи младенцев.

В репликах придворных повторены в прозе отрывки льстивых од и панегириков. Эта грубейшая лесть приятна монарху, и он теряет способность отличать правду от лжи. При Екатерине действительно были заведены богадельни, но «призираемые» побирались, ибо на две копейки в день, отпускавшиеся на каждого, нельзя было прожить, а половина скудных средств к тому же раскрадывалась. Были и воспитательные дома, где младенцы погибали сотнями, ибо средства расхищались.

Но монарх верит в собственную непогрешимость и отдает повеления — завоевывать новые земли, открывать неведомые страны, созидать великолепные здания, выпустить на свободу заключенных.

Освещенный светом истины монарх и окружающие его ужасны. «Одежды мои, столь блестящие, казалися замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлися того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота... Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного досто-

инства не храбрости были уделом, но подлого раболепия...»

Екатерина не ошиблась, увидев в авторе «Путешествия» врага самодержавия вообще и своего лично. Как нельзя было в военачальнике не узнать Потемкина, так нельзя было не узнать в монархе и Екатерину II. Радищев говорит о ее завоевательных планах, о широко известном сластолюбии. Он осмеивает то, чем она особенно гордилась: мягкосердие, декларированное уже в манифестах 1762 года и десятках позднейших указов, организацию воспитательных домов и богаделен, прощение «впадших в преступление», строительство новых зданий, основание новых городов, либеральную фразеологию — все эти «человечные» черты, которые она так старательно подчеркивала с первых дней царствования.

«Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом».

Екатерина узнала себя и не могла не разгневаться. Она допускала произведения, обличавшие «дурных» монархов, тиранов, потому что не принимала их на свой счет. Когда московский главнокомандующий в 1786 году запретил тираноборческую трагедию Н. П. Николева «Сорена и Замир», Екатерина написала, что шум поднят зря: «В трагедии говорится о тиранах, а Екатерину вы называете матерью».

Но в «Путешествии» речь шла о ней, Екатерине II, более того — о ней как правителе, субъективно вроде бы желающем творить добро, а на деле творящем зло. Радищев неопровержимо доказал, что единоличная власть, какое бы обличие она ни принимала, ничего, кроме зла, принести не может. Вот это-то и было для Екатерины страшно, что в «сне» изображен не тиран, а «просвещенный монарх». Этого она не могла прос-

тить Радищеву, как не простила позднее Я. Б. Княжнину, который в трагедии «Вадим Новгородский» изобразил восстание республиканцев против «доброго», «хорошего» князя Рюрика.

В «Путешествии» прозревший монарх видит, что почести «всегда доставалися в удел недостойным», и зовет для совета мудрого старца, живущего «в заросшей мхом хижине». Прояснившееся сознание заставляет его ужаснуться перед обширностью своих обязанностей. «Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего» и... Путешественник проснулся.

И не мог не проснуться, ибо далее нужно было бы представить царствование идеального монарха, а «Спасская Полесть» снимает иллюзии по поводу «доброго», «просвещенного» монарха. Радищев спорит с Новиковым и Фонвизиным, которые возлагали надежды на великого князя Павла, опровергает мнение Руссо и Монтескье, полагавших, что в странах с большой территорией возможно только монархическое правление, а заодно и «Наказ» Екатерины II, где повторялась та же мысль.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о либеральных иллюзиях Радищева в связи со «Спасской Полестью», как это делают буржуазные исследователи. В этой главе показано зло, которое несет неограниченная власть, хотя бы она принадлежала монарху, субъективно желающему добра.

Опровержение всех и всяческих иллюзий по поводу просвещенной монархии, сон в «Спасской Полести» — кульминация развития темы монархии. В дальнейших главах показано мертвящее влияние самодержавия на все области жизни и одновременно нарастает вторая важнейшая тема — тема протеста, народного гнева.

Трагический накал «Спасской Полести» разряжается в «Подберезье» насмешкой Путешественника над

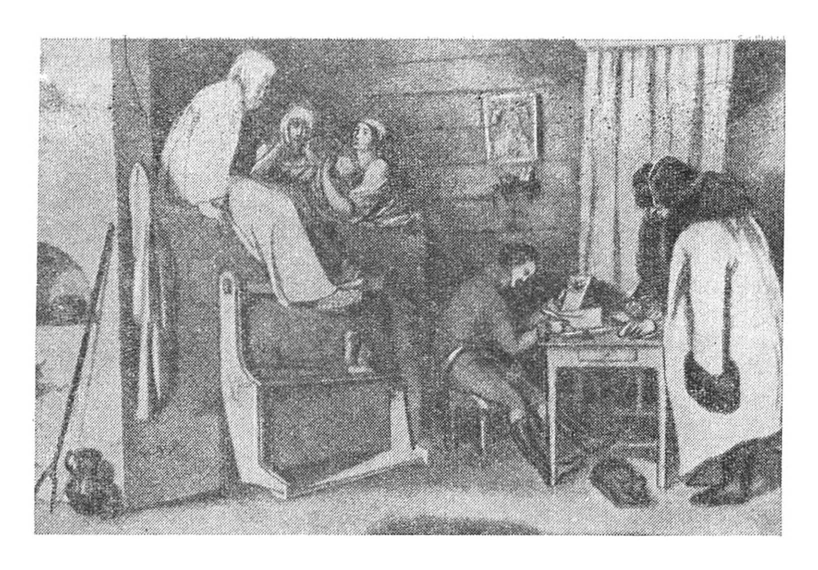
самим собой, воспоминаниями о няне — любительнице кофе. Встреченный семинарист говорит о недостатках образования в России. Оставленные им бумаги вызывают резко отрицательную оценку масонства и комическую пародию на масонскую обрядность.

Самодержавие держит народ в невежестве. Больше того, оно все мертвит, все унижает. Захолустной провинцией стал Новгород, когда-то могущественный город-республика. Ничего общего нет между былыми мужественными новгородцами и семейкой торгаша Карпа Дементьича. Внешне приветлив этот оборотистый жулик, ловко использующий путаницу законов. Мелкий купчишка стал именитым гражданином, т. е. приобрел капитал не менее пятидесяти тысяч и получил право подражать в образе жизни дворянам. Чтобы увеличить состояние, он переписал имение на жену, а себя объявил банкротом и выплатил кредиторам по три копейки за рубль. Так поступали и петербургские купцы.

Об аналогичной, но менее удачной для инициатора истории расскажет в середине XIX века А. Н. Островский в комедии «Свои люди — сочтемся».

Под стать Карпу Дементьичу его сынок, умеющий ловко обмерить покупателя. «Хороши» и жены их. Нарумяненная мать семейства вина не пьет, разве «полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки», благоволит к молодым приказчикам. Невестка, с насурьмленными бровями и зачерненными по купеческой моде зубами, сидит в обществе, потупя глаза, но в отсутствие мужа «от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину».

За бытовой сценой, за характерами, которые предвещают прозу Гоголя и драматургию Островского, стоят серьезные размышления о вексельном праве, о законах, помогающих плутам, губящих честных людей.

На почтовой станции.
Акварель неизвестного художника конца XVIII в.

Народ входит на первые страницы «Путешествия». Но посвященные ему главы чередуются с теми, в которых показаны чиновники, купцы, двор. Такая композиция позволяет яснее представить органическую связь крепостнического произвола со всей государственной системой.

Страшную своей обыденностью историю рассказывает встреченный в Зайцове приятель Путешественника судья Крестьянкин. Много лет жестокий помещик и его семья безнаказанно истязали крестьян. А когда выведенные из терпения крепостные убили изверга и его сыновей, то были приговорены к казни, несмотря на заступничество Крестьянкина. Так наглядно доказывается правда слов Путешественника, сказанных в Лю-

бани: «крестьянин в законе мертв» и «страшись, помещик жестокосердый...». Справедливыми оказываются и размышления о национальном характере народа: «Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву».

Первая ячейка гражданского общества — семья, и потому тема семьи одна из центральных в «Путешествии». Асессор — любящий отец — спокоен, когда дочери его от скуки увечат прядильщиц, сыновья насилуют крестьянок. Но он вскипает, узнав, что его сыну проломил голову жених, защищавший честь невесты. По-своему любит детей и асессорша, но корыстолюбие оказывается сильнее любви и скорби: боясь лишиться дарового труда, она выгораживает крестьян, убивших ее мужа и сыновей.

За драмой следует сочная комическая сценка. Госпожа Ш., в прошлом сводня, до шестидесяти двух лет обходилась без постоянного спутника жизни. Прикопив деньжат, она решила выйти замуж за семидесятивосьмилетнего барона Дурындина. «Любезный женишок» надеется на барыш, а невесте хочется, чтобы ее называли «ваше высокородие».

Уродливым семьям в «Зайцове» противостоит семья дворянина в главе «Крестьцы». Отец отправляет детей на службу и наставляет их. Юноши, в отличие от других дворян, умеют пахать, сеять, доить корову, готовить пищу, владеют топором и долотом. Они знают языки, образованны, любят музыку, живопись.

Крестицкий дворянин наставляет своих сыновей. Мораль, которую он проповедует, революционна в своей основе. Некоторых исследователей смущают слова: «Мщение!.. душа ваша мерзит его» — и совет соблюдать законы. Но дело в том, что Радищев всюду отрицает мелкую мстительность и признает лишь «человеколюбивое мщение», т. е. осмысленное наказание

за содеянное (казнь тирана). А слова «закон, каков ни худ, есть связь общества» дополняются признанием, что закон выше прихоти монарха. «И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему...» — говорится в этой главе. Перед законом все равны, и все обязаны соблюдать его. Однако неправедному закону нельзя подчиняться: «Но если бы закон или государь, или бы какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков». Это — мораль революционера. Это раздумья Радищева накануне издания «Путешествия».

Взгляды крестицкого дворянина противоположны господствующей морали. Исповедь невольного сыноубийцы в «Яжелбицах» возвращает к реальной действительности. К концовке этой главы, где на правительство возлагается ответственность за распространение проституции, примыкает глава «Валдаи». От господ, теряющих здоровье в объятиях валдайских и иных сирен, немного отстают их жены, доказывает автор в главе «Едрово».

Как контраст по отношению к распутным барыням выведен образ Анюты и ее семьи. Если у дворянок на лице румяна, на совести сажа, то Анюта прекрасна естественной красотой, нравственной чистотой, глубиной чувств. Такою воспитала ее мать, вдова ямщика. И ни мать Анюты, ни ее жених не принимают от Путешественника ста рублей, которые необходимы им. «Я не мог надивиться, нашед толико благородства в обра-

Поющие слепцы.
Акварель И. А. Ерменева. Вторая половина XVIII в.

зе мыслей у сельских жителей»,— говорит Путешественник, знающий, что любая генеральша приняла бы деньги на приданое своей дочери, хоть и давались бы они совсем не с такими чистыми намерениями.

Показав красоту и нравственность, живущие в народе, Радищев не скрывает и темных черт, порожденных законами. Земля дается только на мужскую душу, женят десятилетнего мальчика на двадцатилетней девушке, а в результате возникает снохачество. Да и судьбы девушек часто печальны. Анюта не крепостная, а сколько жизней таких же прекрасных девушек искалечено барской прихотью. «Но крестьянин в законе мертв,— сказали мы...— Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...»

О пугачевском восстании, о том, что тяга к свободе становится в народе все сильнее, говорится в главе «Хотилов», где приводится «Проект в будущем». Эта глава доныне вызывает споры. Одни исследователи считают «проект» изложением взглядов Фонвизина, другие — пародией на манифесты Екатерины II. Но Фонвизин проектов освобождения крестьян не создавал, а трактовка «проекта» как пародии отпадает в связи с серьезностью поднятых в нем вопросов. Что пародировали слова о братьях, томящихся «в тяжких узах рабства и неволи», или проклятие рабовладельческой Америке? Над чем смеялся Радищев, создавая такой проект освобождения крестьян, которому уступали многие проекты декабристов?

Сложность понимания проекта усугубляется тем, что читатель воспринимает его не от первого лица: Путешественник находит бумаги, написанные его приятелем, но от имени государственного деятеля будущих времен. В цензурной рукописи и ряде списков «Путешествия» о пугачевском восстании говорится как о событии «прошедшего столетия». В некоторых списках после «проекта» стоит дата: «Дано в... 18... года», т. е. в XIX столетии.

В печатном тексте этих прямых указаний нет, но ясно, что для правителя, от имени которого написан проект, время Екатерины II является прошлым. Прекратились захватнические войны, уничтожена путаница в законодательстве, улучшилась система воспитания и образования, укрепилась семья. Но благополучия в стране нет, ибо существует еще крепостное право. И человеколюбие и благоденствие государства требуют уничтожения рабства. Понимая, что дворянство будет возражать против немедленного освобождения крестьян, автор проекта от имени правителя намечает программу реформ, причем считает, что земля, кото-

рую обрабатывают крестьяне, является их собственностью и выкупать ее они не должны. Именно это отличает проект «Путешествия» от проектов многих декабристов.

Выражена ли в главе точка зрения самого Радищева или он излагал чьи-то взгляды? Ответить трудно. Думается, что в поисках путей освобождения крестьянства Радищев не исключал и такого поворота в судьбах России, который сделает возможным освобождение крестьян «сверху». Правда, концовкой главы «Медное» Радищев показывает иллюзорность этих надежд, но видеть в них отступление от революционных позиций нельзя: история России сложилась так, что первое вооруженное восстание против самодержавия в 1825 году осуществили люди, разделявшие идеи «гражданина будущих времен». И не случайно в одном из списков «Путешествия», сделанных в период подъема декабристского движения, читатель поставил пометку «внимание!» именно там, где излагаются пути освобождения крестьян. Прочитав главу, он дал ей общую оценку: «Замечательно». Другой приписал: «Соглашаюсь».

Солдат революции, Радищев шел в строю с новым поколением революционеров.

Раньше, чем продолжить чтение проектов, Путешественник рисует в «Вышнем Волочке» картину современной ему чудовищной эксплуатации крестьян и призывает к отмщению.

В «Выдропуске» помещен второй «Проект в будущем», в котором приводится «положение о уничтожении придворных чинов». Автор его обрушивается на кучку захребетников, богатство и сила которых рождены неограниченной властью монарха, своею волею раздающего не только чины, но и казну народную. Он доказывает неправомерность содержания «феатраль-

ных божков» — личных слуг монарха за счет государства.

В «Выдропуске» нашли отражение юношеские впечатления писателя, когда паж Радищев наблюдал, как истопники, горничные, парикмахеры, лакеи получали различные награды; наиболее ловкие становились чиновниками, потом дворянами и крупными предпринимателями, а любовники императрицы получали тысячи крепостных, чины и титулы. Эти картины возникли в сознании Радищева с особой остротой во время составления «Записки о податях», когда правительство искало дополнительные источники государственного дохода.

Вместе с тем «Выдропуск», как и «Хотилов», предварял проекты декабристов.

«Так называемый Двор не может иметь существования, признанного законами в земле благоустроенной»,— писал глава Северного тайного общества декабристов Н. М. Муравьев. Сторонник конституционной монархии, Муравьев считал, что государь должен получать жалованье и на свои средства содержать шталмейстеров и обер-шенков, которые должны быть лишены гражданских прав, будучи личными слугами государя, а не общества.

Дословные совпадения говорят о том, что Муравьев помнил о «Выдропуске». Даже если бы Радищев ограничился только «проектами», он был бы предшественником дворянских революционеров. Но он пошел дальше.

В главе «Торжок» дается краткая история цензуры. Попутно писатель в связи с этим называет множество монархов, именуемых просвещенными, и спрашивает: «Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» И конечно, у читателя возникает сомнение: может ли даже в далеком

будущем появиться правитель, способный издать что-нибудь похожее на «проекты в будущем»?

Иллюзия окончательно развеивается главой «Медное». Она открывается мелодией веселой плясовой песни, которая напоминает: народ жив, несмотря на все страдания. Но Радищев не позволяет отдохнуть ни читателю, ни Путешественнику, которого захватывает третья часть найденных бумаг. Она написана автором «проектов в будущем», но посвящена горькой картине настоящего — продаже крестьян с публичного торга. И именно эта глава кончается выводом: «...свободы... ожидать должно... от самой тяжести порабощения». «То есть надежду полагает на бунт от мужиков»,— записала Екатерина, читая «Путешествие».

Верой в народную революцию Радищев и отличается от декабристов.

Заставив автора «проектов» прийти к мысли, что наиболее действенным и вероятным путем освобождения крестьян является борьба самого народа, Радищев в оде «Вольность» обосновывает историческую неизбежность революции.

Включая в ту же главу («Тверь») рассуждения о поэзии и наделяя образ поэта чертами последовательного непримиримого революционера, Радищев развивал мысль об общественной роли литературы, намеченную в посвящении А. М. К. и в других главах.

Глава «Городня». Встреча с рекрутами. Типичная, особенно в годы войны. Они могли бы встретиться Путешественнику и раньше, но Радищеву этот эпизод необходим после «проектов в будущем» и «Медного».

История талантливого крепостного интеллигента, который был воспитан добрым помещиком, а после его смерти стал жертвой жестокости жены молодого барина, разрушает надежду на изменение существовавшей действительности с помощью просвещенных господ.

Завидово.

Лошади мои почти уже
были впряжены, и за сто верстъ
хотя отъ Москвы, ~~но~~ я помы-
шлялъ ~~уже~~, что мнѣ прiѣ-
хавъ ~~въ не~~ пристанище мое-
но будетъ, разсматривая,
что полезное и почтитель-
ное для меня быть можетъ
въѣхать на почтовой дворъ
въ ямской, или во Француз-
ской трактиръ; съ кото-
раго конца начать въ Мос-
квѣ мое пребыванiе, начатъ

Часть страницы из цензурной рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву», исправленная и зачеркнутая А. Н. Радищевым.

Как и в главе «Зайцово», Радищев полемизирует тут с передовыми людьми эпохи, в частности с Новиковым и Фонвизиным. Растлевающее влияние среды сильнее самого лучшего воспитания и родительского примера. За судьбу крепостных нельзя быть спокойным, пока существует крепостное право. Ее не изменит один добрый барин, как не изменил приговора суда благородный чиновник Крестьянкин в «Зайцове». Остальные сцены еще раз подчеркивают, что крестьяне «в законе мертвы» и только их собственная твердость способна уничтожить тиранию. Но крепостничество разлагает и самих крестьян, что показано на примере мужа молодой женщины в «Медном», который исполнял все прихоти барина и даже позволил ему надругаться над собственной женой. Подобные ему «рабы духом и состоянием» способны только на мстительный порыв, но, в конечном счете, они смирятся. Тем более велика будет роль таких свободолюбцев, как рекрут в «Городне». С ним находит общий язык Путешественник. К ним в значительной мере обращено «Путешествие». За ними будущее.

В противовес речам обвинителей Крестьянкина, которые толковали, что ослабление крепостничества приведет к гражданскому хаосу, Радищев говорит, что если бы крестьяне восстали и перебили господ и чиновников, Россия бы только выиграла. «Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны.— Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Этими словами Радищев мог бы закончить книгу. Но он возвращается к настоящему и подтверждает свою мысль контрастным противопоставлением благородных обликов слепого певца и крестьянки в «Кли-

Русская изба.
Акварель Д. Аткинсона. Конец XVIII в.

не» фигуре ничтожного пыльного «превосходительства» в «Завидове».

Убеждая, что людьми в полном смысле слова являются крестьяне, Радищев говорит об их положении в главе «Пешки»: «Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме».

Глава «Черная грязь» добавляет последний штрих. Отняв у крестьян все, кроме воздуха, стозевное чудище добирается до интимной жизни, принудительными браками попирая самые сокровенные чувства.

Концовка «Путешествия» оптимистична. «Слово о Ломоносове» говорит об одаренности русского наро-

да. Утверждение силы человеческого разума, печатного слова, убежденность, что человек может победить неблагоприятные обстоятельства, перекликаются с началом «Путешествия», окончательно разрешая вопрос о целесообразности борьбы со стозевным чудищем, которое столько раз заставляло впадать в отчаяние и читателя, и Путешественника, и встреченных им на пути лиц.

О последних следует сказать еще несколько слов. Самодержавно-крепостническая Россия представлена Радищевым так полно, что один Путешественник увидеть и передумать все это на протяжении недели, в течение которой он ехал из Петербурга в Москву, попросту не мог. Он сталкивается с действительностью сам, о многом узнает из рассказов. При этом образы «сочувственников» и единомышленников выступают в строгой последовательности.

Ч., рассказывающий о систербекском начальнике, усомнился в справедливости существующих порядков, когда жизнь ударила его самого. Семинарист возлагает надежды на просвещение. Крестьянкин уже борется за спасение «невинных убийц» асессора. Крестицкий дворянин воспитывает истинных сыновей отечества, способных стоять за правду, не боясь смерти. Меняются взгляды автора двух «проектов в будущем» и рассказа о продаже крестьян. За свободу слова борется противник цензуры, бросающий резкие упреки в адрес царей. Подлинно революционно настроен поэт — автор «Вольности» и «Слова о Ломоносове».

Трое из них — Ч., Крестьянкин, автор «проектов» — старые приятели Путешественника. Четверо — случайно встреченные на пути люди. Если прибавить к ним человеколюбивого барина, воспитавшего Ванюшу («Городня»), и «чувствительного друга», о котором говорится в «Вышнем Волочке», то оказывается, что

Путешественник со своими страстными проклятиями рабству не одинок. Каждый из этих десяти достоин называться Человеком. К ним можно прибавить одиннадцатого: как бы ни относился реальный Алексей Кутузов к идеям Радищева, но А. М. К., которому посвящено «Путешествие»,— друг и «сочувственник» автора и Путешественника.

Каждый из этих честных людей идет своим путем. Нетрудно заметить разницу в их взглядах. Ненавидя зло, они по-разному ищут путей его искоренения. Одни отказываются от борьбы (скорее всего, временно), другие мечтают о реформах или борются силой печатного слова, третьи зовут к революции. Объединяет их сострадание к народу. Угнетение не только вызывает стихийный отпор со стороны крестьян, но и воспитывает борцов из дворянства в той среде, подавляющее большинство которой составляют ненавистные автору рабы-мучители.

Главы, написанные от имени других людей, близки к тем, в которых говорит Путешественник, а потому они едины по тональности. В основной поток исповеди Путешественника вливаются взволнованные реплики, небольшие лирические монологи, и все это, объединяясь, превращается в единое, скорбное, но грозное целое. Те, кто произносит их, наделены чертами истинных сынов отечества. И это последнее так сильно, что исследователи часто не замечают, что рассказ о продаже крестьян принадлежит автору «проектов» и, следовательно, образ его дан в глубоком внутреннем развитии.

Беда в том, что даже сочувствующие крестьянам люди с трудом находят — или не находят вовсе — общего с ними языка: грань между господином и крепостным не стирается. Путешественник молча выслушивает слова крестьянина в Любанях: «Небось, ба-

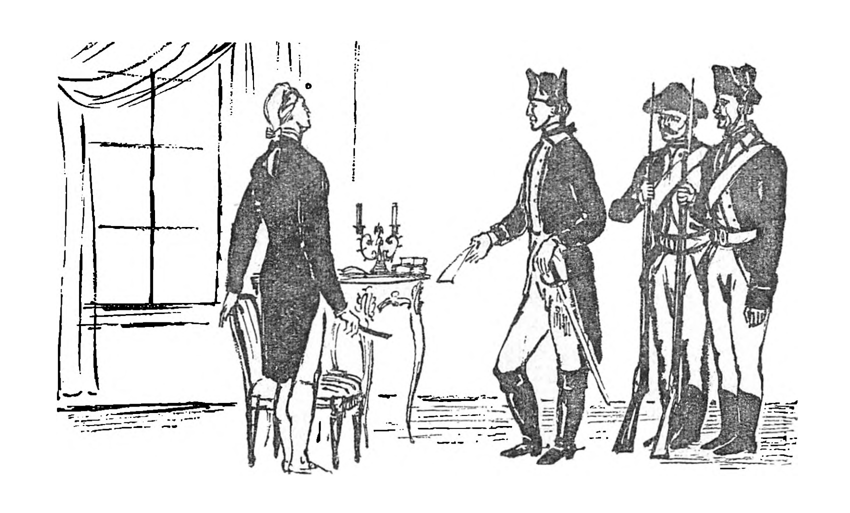
рин, не захочешь в мою кожу», и справедливые упреки женщины в Пешках, его присутствие тягостно семье Анюты.

Вскрытый и показанный Радищевым разрыв между крестьянами и сочувствующими им дворянами свидетельствует об исторической правде его творения. Однако Путешественник ищет сближения с народом — и в этом главное.

Картина жизни народа, томящегося в оковах, делает «Путешествие» самой трагической книгой XVIII века. Но рефрену: «Крестьянин в законе мертв» — сопутствует мысль: «Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву», вот почему появляется надежда: «Он жив, он жив будет, если того восхочет». Чтобы не повторилось бесплодное стихийное восстание, каким считает Радищев восстание Пугачева, крестьянам нужна помощь. Она зреет в людях, подобных рекруту в Городне.

Объятие Путешественника с этим крепостным интеллигентом многозначительно. Люди такого типа, по мнению писателя, и должны стать связующим звеном между стихийно борющимся народом и лучшими представителями дворянства. Они могут оказать помощь народу.

Ее могут оказать многие, ибо можно «всякому быть соучастником во благодействии себе подобных». Все это не снимает трагизма книги, но изменяет ее тональность, внося в «Путешествие» исторический оптимизм: «Я зрю сквозь целое столетие».

СУД НЕМИЛОСТИВЫЙ

АРЕСТ

Как сделать известной российскому читателю книгу, которой отданы самые заветные мысли, с которой связаны великие надежды? Кто будет продавать «Путешествие из Петербурга в Москву»? Мейснер от торговли отошел, и Радищев решил обратиться в хорошо знакомую ему лавку № 16 по Суконной линии Гостиного двора. Теперь торговал здесь Герасим Зотов, известный Радищеву по таможне как «доноситель»: весной 1790 года его взял компаньоном Тимофей Полежаев.

Где находилась лавка № 16, можно указать точно: в Суконной (теперь Невской) линии Гостиного двора, «выходя из ворот оного на правой руке». На месте

ворот сейчас — центральный вестибюль... Значит, это первое помещение от входа по направлению к Садовой улице. Напомним, что тут в 1788 году петербуржцы читали рукописи подготовленного для публикации, но так и не увидевшего свет собрания сочинений Фонвизина. Спустя полтора года отсюда уносили они «Путешествие из Петербурга в Москву».

«Путешествие» было отпечатано в количестве шестисот пятидесяти экземпляров. В лавку Зотова автор дал около пятидесяти. Несколько книг он подарил друзьям и знакомым.

Рекламных объявлений о продаже «Путешествия» не появилось, так как Управа благочиния запрещала помещать в газетах извещения о выходе книг, напечатанных в вольных типографиях, без особого «подписания члена оной Управы». Но о книге заговорили повсюду.

Издатель и опытный книготорговец Шнор, почуяв, что продажа сочинения, напечатанного в типографии Радищева, будет не в убыток, попросил у него в счет долга пятьдесят — сто экземпляров. Но до автора уже дошли какие-то слухи, и он ответил, что предназначенные для продажи экземпляры украдены. Отказал Радищев и Зотову, который с барышом продал все экземпляры и явился за новыми.

Несколько раньше слухи дошли и до полиции. Пристав Управы благочиния Исай Лефебер, недавно с трудом оправдавшийся от обвинения в нерадивости в связи с делом Андреева, всячески старался доказать свое усердие. Он сам пошел в лавку Зотова и обнаружил подозрительную книгу, на титуле которой отсутствовала надпись о дозволении Управы благочиния. Надпись, правда, была, но стояла она, вопреки установленному порядку, в конце книги. Лефебер купил два экземпляра «Путешествия». В Управе благочиния

книгу на сей раз прочли внимательно и перепугались. Срочно, 20 июня, навели справки о Зотове, который, как оказалось, «в штрафах и подозрениях не бывал». Знавшие его купцы «объявили, что он всегда был поведения хорошего и ни в каких подозрительных поступках никем не замечен».

Стали разбираться в шрифтах, по характерным признакам узнали литеры Шнора. 23 июня обер-полицеймейстер Никита Рылеев из допроса типографа выяснил, что к книге имеет отношение начальник столичной таможни Радищев.

В один из этих дней приобрел «Путешествие» двадцатилетний камер-паж императрицы, ее любимец Александр Балашов. Проныра и фискал, он с юных лет проявлял склонность к полицейской деятельности и на этом «поприще» сделал карьеру: стал обер-полицеймейстером, а затем и министром полиции. Видимо, он и передал государыне книгу Радищева.

Прочитав «Путешествие» до середины главы «Чудово», Екатерина II всполошилась. Утром 26 июня она стала выяснять у придворных, кто сочинитель зловредной книги. Статс-секретарь императрицы Александр Храповицкий после высочайшей аудиенции записал в дневнике: «Говорено о книге «Путешествие от Петербурга до Москвы». Тут рассевание заразы французской: отвращение от начальства; автор мартинист; я прочла 30 стр...»

Ничего не узнав о сочинителе, императрица велела послать за начальником Управы благочиния. Прискакав в Царское Село, где государыня проводила лето, Рылеев бросился ей в ноги, умоляя простить за оплошность. Да, книгу печатать дозволил он, но не по злому умыслу, а токмо по глупости.

Обер-полицеймейстер тут не кривил душой: он и впрямь не блистал умом, о глупости его в столице

ходило немало анекдотов. Рылеев, видимо, доложил императрице то, что удалось выведать у Шнора, и после отъезда обер-полицеймейстера она сказала Храповицкому: «Открывается подозрение на Радищева». А главному статс-секретарю гофмейстеру А. А. Безбородко Екатерина отправила записку следующего содержания: «(По) городу слух, будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домовой типографии ту книгу, исследовав лутче узнаем».

Почему же появилась здесь фамилия Челищева («Щелищева»)? К этому времени императрица дочитала книгу до главы «Чудово», в которой содержится рассказ приятеля Путешественника Ч. о «происшествии на финском заливе». Очевидно, услышав от Рылеева имя Радищева как издателя, императрица вспомнила и другого своего пажа, учившегося в Лейпциге, и решила, что Ч.— это Челищев.

27 июня во время утренней аудиенции она поручила Безбородко написать Воронцову, чтобы тот выяснил у своего подчиненного, он ли «сочинитель или участник в составлении сея книги». Безбородко послал Радищеву два письма — официальное и частное, причем во втором предупредил, что дело «в весьма дурном положении... не лучший конец оно иметь может».

Но еще накануне обер-полицеймейстер, вернувшись в Петербург, приказал арестовать и допросить Зотова. Узнав об этом днем 27 июня, Екатерина велела уведомить Воронцова, что спрашивать Радищева ни о чем не надо, так как дело уже пошло «формальным следствием». Безбородко спешно отправил Воронцову третье письмо за этот день.

27 июня — годовщина Полтавской битвы, и к этому дню был приурочен благодарственный молебен в честь победы русского флота над шведским. После молебна императрица вновь взялась за «Путешест-

вие». Чистая бумага, голубоватая, с золотым обрезом, и очиненные перья всегда лежали под рукой. Вдумываясь в текст, не торопясь, Екатерина начала писать замечания на книгу: «Книга печатана в 1790 без подписи типографии и без видимого дозволения в начале; но в конце сказано: «С дозволения Управы благочиния». Сие, вероятно, ложь либо оплошность. Намерение сей книги на каждом листе видно. Сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

За общей оценкой следовали конкретные «примечания», например: «Сочинитель ко злости склонен. Стр. 60. Сие наипаче видно из последующих страниц...»

«Стр. 76. Птенцы учат матку...»

«77, 78 стран. написаны в возмутительном намерении...»

28 июня в Управе благочиния допрашивали Зотова, который заявил, что автора он не знает, книгу получил от какого-то московского купца Сидельникова, а из покупателей назвал наиболее неуязвимых лиц — тайного советника М. Ф. Кашталинского, камер-пажа А. Д. Балашова, известного промышленника, владельца уральских заводов Н. Н. Демидова и еще двух человек.

На следующий день Зотов изменил свои показания, перепугавшись до смерти: в кабинете обер-полицеймейстера он увидел самого Шешковского, начальника Тайной экспедиции. По-прежнему утверждая, будто книгу он получил от выдуманного им Сидельникова, хитрый купец сказал, что слышал, якобы «Путешествие» напечатано в типографии Радищева, и что

340

требить можно оную во зло! . . . (*) Чему дивиться, скажемъ и теперь какъ прежде: Онъ былъ Царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей если не въ Царской?

Въ Россiи . . . . . Что въ Россiи съ ценсурою произходило, узнаете въ другое время. А теперь не производя ценсуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

IX

(*) Въ новѣйшихъ извѣстiяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Iосифа II, намѣренъ возобновить ценсурную комисiю, предмѣстникомъ его уничтоженною.

Страница книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» с пометками Екатерины II.

он сам видел типографию у Радищева в доме. После этого Зотова отпустили, предварительно взяв с него подписку, что о заданных ему вопросах и своих ответах он обязуется «во всю свою жизнь никому ни под каким видом не сказывать».

Однако купец и не собирался выполнять обязательство. Вернувшись из-под ареста, он сразу же отправил приказчика полежаевской лавки № 15 Семена к писателю...

Радищев был готов держать ответ за то, что написал в книге, но не ждал такого стремительного разворота событий. Он, видимо, полагал, что пройдет больше времени, пока спохватится полиция, надеялся распространить тираж, подготовиться к допросу. Но для этого нужно было прежде всего иметь рукопись, написанную одним почерком, потому что вставки в тексте после цензуры (а они составили больше трети книги!) считались преступлением. Правда, писатель уже давно передал Царевскому корректурный экземпляр, рассчитывая новой рукописью (вложив в нее лишь два листа с пометками обер-полицеймейстера) подменить ту, что была в цензуре. Но Царевский переписать всю книгу еще не успел,— да и успеет ли вообще? Грозные новости следуют одна за другой, каждый день.

26-го взят под стражу Зотов. Вечером следующего дня Воронцов, несмотря на высочайшее распоряжение, переданное в третьем письме Безбородко, предупредил о гневе императрицы. Вчера пришел Мейснер и сообщил, что его вызывали в полицию и спрашивали, чью книгу он приносил для цензуры. И хотя, по словам Мейснера, ему как-то удалось отговориться незнанием и имени сочинителя он не назвал, но спрашивали его недвусмысленно — о Радищеве. А сегодня, вечером 29 июня, явился от Зотова Семен с поручением хозяина, только что выпущенного из-под стражи. Поручение

такое: упросить Радищева, чтобы он показал, будто отдал пятьдесят экземпляров книги какому-то неизвестному московскому купцу или что эти экземпляры пропали из типографии.

Зотов молод и рассуждает, как истый торгаш: своя рубашка ближе к телу. А не соображает, что коль скоро за дело взялся Шешковский, он без труда установит: никакого московского купца не существует. Сказать же, что книги исчезли из дома,— значит, оболгать и предать в лапы палачу верных слуг, помогавших печатать книгу. Первое — глупо, второе — подло.

— Передай хозяину,— медленно произнес Радищев,— что я ни того, ни другого сказать не могу. Мне бояться нечего. Я не отопрусь, что книга моя.

Итак, времени больше нет. Радищев приказал Давыду Фролову — одному из слуг, помогавших печатнику Пугину, растопить печь и перенести в кухню со второго этажа отпечатанные, но еще не переплетенные листы. Запылал огонь.

...Можно представить себе лицо Радищева в этот страшный вечер. Оно было взволнованным, скорбным, почти наверное — со слезами на глазах, но исполненным достоинства. Уничтожая тираж книги, писатель оберегал свое детище от надругательства. Он предпочел видеть, как дорогие сердцу листы бросал в огонь преданный помощник, друг, а не равнодушный, окруженный зеваками палач. Именно так в 1793 году уничтожат книгу хорошо знакомого Радищеву Я. Б. Княжнина. Автор умер, а его трагедия «Вадим Новгородский», «наполненная дерзкими и зловредными против законной власти выражениями», по приговору Сената была сожжена публично рукою палача на Александровской площади (у Александро-Невской лавры). Так же хотели расправиться и с «Путешествием», но книг для этого оказалось мало...

Давыд Фролов жег книгу весь вечер. Писатель ушел в кабинет (семья была на даче) и стал подбирать листы рукописи для представления полиции в случае ареста. Утвержденный цензурой текст резко отличался от напечатанного, листы были переписаны тремя почерками. Чтобы несколько запутать следы, Радищев вынул из рукописи те листы, содержание которых в наибольшей мере расходилось с книгой. Это — единственная рукопись, остающаяся в доме. Остальные надежно спрятаны, переданы в руки верных друзей. А. Р. Воронцов, предупреждая Радищева о неминуемой беде, видимо, сказал, что готов сохранить у себя его сочинения, неизвестные публике. Наиболее безвредные рукописи, касающиеся деятельности Коммерц-коллегии, писатель передал Воронцову. Это — незавершенный трактат «Опыт о законодавстве», статья «О добродетелях и награждениях», записка о податях, описание Петербургской губернии, заметки «К российской истории» и другие. Они сохранились в архиве Воронцова до наших дней и были обнаружены советскими учеными.

Утром 30 июня Фролов снова затопил печь. В огонь опять полетели экземпляры «Путешествия».

День был воскресный, неприсутственный. Но Радищеву следовало ехать в Никольский собор. 30 июня 1788 года императрица подписала манифест «О войне, шведами начатой», и в двухлетнюю годовщину она специально прибыла из Царского Села на торжественное богослужение. В Никольском морском соборе в присутствии государыни, придворных, генералов, офицеров, видных чиновников и множества любопытных «при благодарном молебне читана выписка из реляций о победе, 22-го числа одержанной».

Фролов уже погасил печь, когда Радищев вернулся на Грязную. А чуть позже у дома остановилась мрач-

ная карета. Это явился от петербургского главнокомандующего дежурный подполковник Горемыкин с нижними чинами, имея приказ взять Радищева под стражу. Ордер на арест подписал петербургский главнокомандующий граф Брюс (бывший начальник Финляндской дивизии). После короткого обыска Радищева привезли в дом Брюса и прямо оттуда автор крамольной книги (а с ним и «обнаруженная» рукопись) был отправлен в Секретную экспедицию первого департамента Сената, или, как иначе называли это учреждение, Тайную экспедицию. В 1790 году она размещалась в нескольких местах. Архив и библиотека занимали две комнаты в здании Сената. Основное помещение Тайной экспедиции располагалось в одном из флигелей бывшего дворца И. И. Шувалова, который теперь принадлежал генерал-прокурору А. А. Вяземскому. Местонахождение этого страшного дома было известно каждому жителю Петербурга: угол Вяземского переулка (ныне Малая Садовая) и Малой Садовой (улица Ракова, 15). Наиболее опасные арестанты содержались в секретной тюрьме Алексеевского равелина Петропавловской крепости — старом деревянном здании.

В девять часов вечера коляска, в которой Горемыкин вез писателя, въехала через Иоанновские ворота в Петропавловскую крепость, прогрохотала по булыжной мостовой и остановилась у обер-комендантского дома.

— Слу-ша-ай! Слу-шай! — донеслось от Невских ворот. Три года назад поэт и архитектор Н. А. Львов закончил их перестройку, и Радищев, живо интересовавшийся архитектурой, хорошо знавший Львова, не раз вглядывался в это мощное сооружение, гармонично сочетающееся с гранитной пристанью. Позднее их назовут «воротами смертников» — через них выводи-

ли узников для доставки в арестантской барже на пожизненное заключение в Шлиссельбургскую крепость или к месту казни.

Обер-комендант генерал-майор Чернышев, принимая арестанта, получил предписание: «Во время содержания отнюдь никого к нему не допускать. Что ж касается собственно до него, то изволите во всем поступать по наставлениям господина действительного статского советника и кавалера Шешковского».

СЛЕДСТВИЕ

Степан Иванович Шешковский еще при Елизавете Петровне прошел хорошую «школу» в Тайной канцелярии. При Екатерине II он возглавил Тайную экспедицию. «Верный пес» императрицы имел, по ее словам, «особливый дар с простыми людьми» беседовать. Однако сам Шешковский предпочитал заниматься дворянами: «простых людей» он перепоручал своим подручным. Сам он допрашивал «с пристрастием». После одних допросов оставались протоколы, другие велись «келейно», но так, что люди либо молчали о происшедшем из чувства стыда, либо сходили с ума, либо умирали. Так, о внезапно умершем в 1791 году драматурге Я. Б. Княжнине официально говорилось, будто он умер от «простудной горячки». Но множество современников засвидетельствовало, что в действительности Княжнин скончался после допроса в Тайной экспедиции. Дошел этот слух и до Пушкина, который записал: «Княжнин умер под розгами».

Фигурка мозглявого человечка, заложившего унизанные перстнями руки в карманы серого сюртука, застегнутого на все пуговицы,— неотъемлемая принадлежность екатерининского Петербурга. И слухи о до-

просах, которые Шешковский вел в комнате, уставленной иконами, соответствовали истине.

1 июля «великий инквизитор России» начал следствие по делу сочинителя преступной книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Прежде всего его интересовало, с какой целью она написана, были ли соучастники и помощники у Радищева, как далеко простиралось его влияние на сообщников. Затем арестованному предложили покаяться в содеянном.

В тот же день Радищев написал повинную, в которой признавал, что «изречения... книги дерзновенны», говорил о «заблуждении», взывал к милосердию. Главного он не сделал — не назвал имен единомышленников и помощников. Тем самым он укрыл их не только от Екатерины и Шешковского, но и от будущих поколений. Принимая всю вину на себя, Радищев прикидывался наивным человеком, заявлял, что сочинял только из желания «прослыть остроумным писателем», подражать «знаменитым авторам» и... разбогатеть: зная, «сколь великий барыш многие получают, вознамерился завести у себя типографию».

Императрица не поверила «чистосердечному» признанию Радищева. Оборудовать типографию в долг и напечатать в ней одну брошюру и одну книгу! Это так же мало похоже на попытку разбогатеть, как и прославить посредством издания анонимной книги имя автора.

Но Екатерине понравились слова из повинной о том, что книга написана из желания подражать французским и английским авторам (Руссо, Рейналю и весьма мирному Стерну). Не зря же она старательно подчеркивала в своих примечаниях к «Путешествию» «подражательный» характер книги.

Пространные замечания на книгу она кончила писать 7 июля. Эти замечания и экземпляр «Путешест-

вия» с ее пометками были переданы Шешковскому. Они определяли ход следствия и стали основой обвинения.

К счастью для писателя, Шешковский был взяточником, а Е. В. Рубановская, беззаветно любившая Радищева, ежедневно посылала ценные «подарки» с преданным служителем Петром Ивановичем Козловым, после чего, по словам сына писателя, получала ответ: «Степан Иванович приказал кланяться; все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться».

Беспокоиться, однако, следовало. В замечаниях императрицы на книгу была предрешена участь автора. Обвиняя Радищева в «злобе», «злости», «злословии», «неблагодарном сердце», отмечая на страницах «Путешествия» «брани и ругательства», Екатерина не скрывала свой гнев и сама не стеснялась в выражениях: «Оробел наш враль», «мудрец тут остается дураком» и т. п.

Приговор диктуется уже на первой странице преамбулой к замечаниям, а далее отмечены моменты, еще более отягощающие вину писателя. Императрица подчеркивала: «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется», «царям грозится плахою», «надежду полагает на бунт от мужиков». «Он себя определил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить един не мог, показываются уже следы, что несколько сообщников имел; то надлежит его допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правда любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудить мне сыскать доказательство и дело его сделается дурнее прежнего».

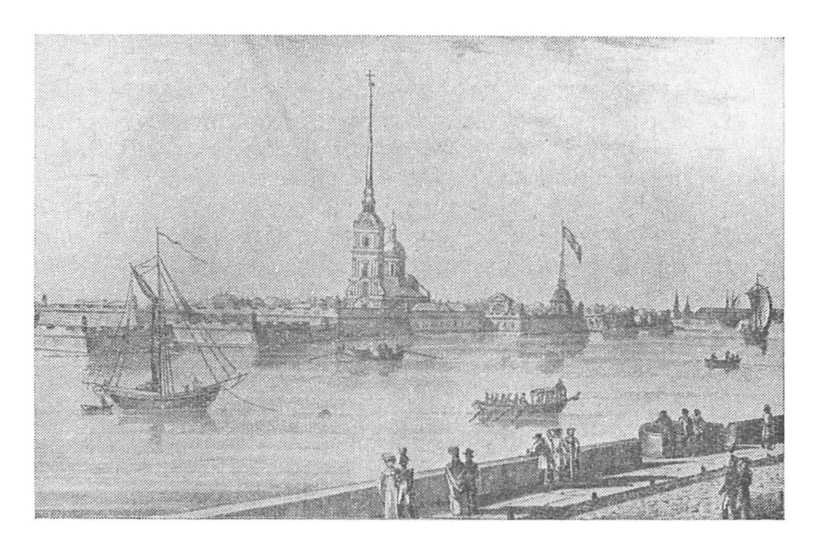
Писатель на следствии применил единственно возможную тактику — признал себя виновным, но обвинение в «злобе», в склонности «ко злости», выдвинутое императрицей, он неизменно отрицал. «Злого не имел намерения»,— повторял он. Книгу написал «из единого хвастовства, а не из злости». Это же Радищев подчеркивал и в своих ответах на «вопросные пункты», составленные в соответствии с высочайшими замечаниями.

Придираясь к каждому слову и предрешая приговор автору «Путешествия», Екатерина временами вступала в спор и доказывала обвиняемому свою правоту. Радищев, составляя ответы на «вопросные пункты», изворачивался, изображая себя сторонником просвещенной монархии, и в ряде случаев остался верным тому, о чем говорил в книге.

Народная молва гласит, «будто б господа наместники употребляют данную от ее императорского величества власть иногда по своим прихотям»,— писал он о «Спасской Полести». Радищев говорил о помещиках-«уродах» в связи с «Зайцовым», не скрывал, что в «Едрове» хотел помещиков «посрамить, а не меньше и навести страх». Он с достоинством пишет в своих ответах, что желал бы видеть крестьян вольными, сожалеет «об участи крестьянского жребия».

О проекте уничтожения придворных чинов в «Выдропуске» Радищев отвечал прямо: «В душе моей полагал так, что те чины суть излишние». Местами писатель своими оправдательными замечаниями припирал к стене императрицу, напоминая о ее первых широковещательных указах и расхождении их с действительностью.

«Покаяние» Радищева в застенках Шешковского было вынужденным, и об этом он ясно сказал спустя два года: «Я признáюсь в превратности моих мыслей

Петропавловская крепость.
Гравюра неизвестного художника XVIII в.

охотно, если меня убедят доводами лучше тех, которые в сем случае употреблены были».

На следствии Радищев признал, что несколько экземпляров «Путешествия» подарил, но немного, ибо хотел продать книги «для прибытка».

«Один экземпляр г. Козодавлеву, ему же один для г. Державина. Один прапорщику Дарагану.

Если спросят, с каким намерением я их раздавал, то только, чтобы читали, ибо все они упражняются в литературе. Еще экземпляр иностранцу Вицману и г. Олсуфьеву».

Радищев указал далеко не всех, кому подарил «Путешествие». Вернее, он перечислил только тех, кому его подарок не мог принести неприятностей. Почти

все из названных здесь лиц уже известны читателю. Это советник Академии наук, бывший редактор журнала «Собеседник любителей российского слова» О. П. Козодавлев. Он учился с Радищевым в Пажеском корпусе, а с 1769 года — в Лейпциге. В Лейпциг с ним приехал С. А. Олсуфьев, в 1790 году — ротмистр конной гвардии. Через Козодавлева книга была передана Г. Р. Державину. Начинающий поэт К. И. Дараган служил в таможне под началом Радищева. Август Вицман — тот самый «великодушный муж», который, как говорится в «Житии Ушакова», «из единого человеколюбия» отправился без всяких средств из Лейпцига в Петербург, чтобы передать жалобу студентов на Бокума. Вицман давал частные уроки; одно время он содержал пансион, организовывал то курсы, то коммерческое училище, издавал недолговечные журналы на немецком и русском языках. Когда писатель вернулся из ссылки, Вицман помогал своему бывшему ученику воспитывать сыновей, а после его смерти взял на воспитание (до устройства в корпус) младшего сына Афанасия.

Делая вид, что книги розданы случайно, Радищев имени «иностранца Вицмана» «не знает» (это после двадцатилетнего-то знакомства!). Но и по имеющимся данным ясно: книга дарилась людям, с которыми писателя связывали либо узы дружбы, либо давнее знакомство.

Вскоре пришлось признаться в попытке переслать экземпляр А. М. Кутузову в Берлин. Не зная показаний Царевского, Радищев так и «не вспомнил», дал ему книгу или нет.

Иных имен писатель не назвал. Поэтому теперь невозможно сказать, кому еще он подарил книгу, кто достал ее сам, кто спрятал, кто уничтожил. И. И. Шувалов, например, сообщил, что он «истребил»

книгу, полученную от «банкового советника Хитрово».

З. А. Хитрово окончил Пажеский корпус в 1762 году, а брат его учился вместе с Радищевым. Любопытство ли разобрало Хитрово, и он купил книгу, Радищев ли, бывавший в банке по делам семьи, подарил Хитрово «Путешествие» в память юношеских лет, как это было с Козодавлевым и Олсуфьевым? Да и действительно ли Шувалов уничтожил книгу? К нему полиция с обыском не посмела явиться, как не явилась она к зятю Безбородко И. И. Кушелеву и к А. Р. Воронцову. Ясно, что экземпляров книги Радищев подарил больше, чем показал на следствии.

На подсказанный замечаниями Екатерины вопрос Шешковского, не имеет ли подследственный связи с Челищевым, Радищев ответил, что он действительно учился с Челищевым в Лейпциге, но связи с ним «как по сему сочинению, так и в других делах» не имел и к нему «в дом уже более двух годов не приезжал».

Ездить действительно не надо было, ибо Челищев жил на расстоянии нескольких кварталов. В остальном можно усомниться. Но сказать иначе Радищев не мог. Императрица с самого начала заподозрила Челищева в соавторстве и тогда, когда Радищев уже заявил, что один писал книгу, заметила по поводу «Письма к другу, жительствующему в Тобольске»: «Сие сочинение такожде господина Радищева и видно из подчерченных мест, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем. Я думаю, Щелищев едва ли не второй; до протчих добраться нужно».

«До протчих» не добрались...

СУД

Следствие в Тайной экспедиции закончилось. Дело поступило в Палату уголовного суда. В указе по этому поводу петербургскому главнокомандующему Брюсу Екатерина II писала: «Недавно здесь издана книга, под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской».

Этим документом должны были руководствоваться судьи. А обвинений для сурового приговора, как видим, высказано достаточно. Но вина Радищева, по мнению суда, отягощалась тем, «что после ценсуры Управы благочиния внес он многие листы в помянутую книгу». Императрица повелевала коллежского советника Радищева «судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда С.-Петербургской губернии, где заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш».

К указу Безбородко приложил инструкцию, написанную явно под диктовку Екатерины II и определявшую порядок рассмотрения дела в суде. Что же касается протоколов дознания Тайной экспедиции, то их в палату, по мнению автора записки, передавать не следовало, так как «учинены» они были «келейно... из предосторожности». Не должны были знать члены палаты и о повинной Радищева, ибо «раскаяние до суда не касается, а в воле государевой на него воззреть», когда закончится судоговорение.

Итак, суду были предоставлены самые широкие полномочия для вынесения тягчайшего приговора.

Следует учесть, что у членов Уголовной палаты были свои счеты с писателем. Ведь судили его Михайла Пушкин, Иван Лефебер, Илья Котельников и другие чиновники, которым Радищев доставил много неприятностей из-за Степана Андреева.

Начав рассмотрение дела, палата ознакомилась с крамольной книгой, для чего «Путешествие» было прочитано вслух. В соответствии с предписанием Брюса канцелярских служителей во время чтения в зал не пускали. Три раза доставляли Радищева в закрытой карете из крепости в Палату уголовного суда. Его допрашивали, затем предложили письменно ответить на вопросы. Подследственный повторил почти все, о чем говорил Шешковскому. Сообщников он, конечно, не назвал.

Поскольку выяснилось, что Дараган отдал подаренный ему экземпляр «Путешествия» Царевскому, а у того была обнаружена «корректурная книга», в которой «многие оказались письменные приписки и приправки», суд допросил Козьму Дарагана, Александра Царевского и наборщика Ефима Богомолова. Хотя Радищев доказал, что «приписки и приправки» сделаны его собственной рукой, суд в поисках сообщников хотел установить, как корректура попала к Царевскому. В ответ Царевский заявил, что корректуру он взял сам на столе в той комнате, где учились дети Радищева. Но автору того «не сказывал. И еще оную книгу всю не прочитал».

Это показание человека, который переписывал рукопись для цензуры, доказывает его искреннее сочувствие писателю. Помочь, правда, он не мог.

25 июля 1790 года Палата уголовного суда вынесла приговор Радищеву: «Лиша чинов и дворянства... казнить смертию, а показанные сочинения его книги, сколько оных отобрано будет, истребить».

* * *

«Совершилося.

Если завещание сие, о возлюбленные мои, возможет до вас дойти, то приникните душею вашею в словеса несчастного вашего отца и друга и внемлите...»

Такими словами Радищев начал 25 или 26 июля свое завещание, обращенное к детям и «сотрудницам в вскормлении детей» — сестрам Рубановским.

Скорбный тон завещания понятен. Удивительна ясность рассудка человека, выслушавшего смертный приговор, а до этого месяц томившегося в застенках Тайной экспедиции.

Радищев старался скрыть от ближних свое состояние. Его завещание поражает не столько силой эмоциональности, сколько сдержанностью и деловитостью.

Трагично прощание с родными и напоминание, что дети должны именовать Елизавету Васильевну матерью. Узник учит детей милосердному отношению к слугам, просит отца (которому принадлежали дворовые) дать отпускные служителям, бывшим в Петербурге, в частности Давыду Фролову и Петру Иванову (Козлову) с их женами и т. д.

В завещании вырисовывается роль Радищева — главы семьи. Ясна и скудость средств: все заложено, уйма долгов. Даже доски для пола взяты в долг, а ремонт не сделан.

Через сутки или двое Радищев написал дополнение к завещанию, в котором просит брата Моисея взять на себя заботу о воспитании сыновей, а дочь Катерину оставить Елизавете Васильевне.

Представив себе детей устроенными, он переходит к самым деликатным вопросам. Дарье Васильевне советует выйти замуж. «Зная весьма чувствительное сердце Елисаветы Васильевны и худое ее здоровье, я та-

кого же совета ей дать не смею. Время и обстоятельства, сердце могут ее наставить, идти ли ей замуж или нет».

В этих строках полупризнание. Зная о большой любви Елизаветы Васильевны и в то же время заботясь о ее репутации, Радищев вынужден говорить обиняками. И характерно, что именно после слов о дорогой ему женщине следует проникновенное прощание:

«Простите, мои возлюбленные! Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страждает при сей мысли необычайно и ежечасно умирает. О если бы я мог вас видеть хотя на одно мгновение... О мечта!..

Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастии, приди на услаждение страждущего сердца... О мечта возлюбленная! Я с вами беседую; вас держу в объятиях моих. О друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною... Куда спешите, постойте, я... я отец ваш, я друг ваш... Увы, се мечта... О пробуждение, я их враг, от кого они скорбят? От меня... Несчастный!»

Но сон не шел. О душевном состоянии писателя рассказывает немой свидетель — столовая серебряная ложка, которая была с ним в крепости. Она хранится в Саратовском музее имени Радищева. Музей был создан его внуком художником А. П. Боголюбовым. На ложке видны следы зубов. «Надо полагать, что он грыз ее в минуты отчаяния»,— говорит в неопубликованных записках другой внук Радищева и соучредитель музея Н. П. Боголюбов.

По-видимому, именно в эти горькие мгновения одиночества, какого писателю не довелось изведать за сорок лет жизни, сложился замысел произведения, уди-

вительно верно отображающего психологическое состояние человека, оторванного от близких,— замысел «Дневника одной недели». Эта маленькая повесть — предвестница психологической прозы XIX столетия. Написать ее в крепости было нельзя, продумать — возможно.

Богомольный палач Шешковский по-своему «заботился» об узнике и давал ему для чтения жития святых. Радищев начал писать повесть, герой которой назван именем популярного святого Филарета Милостивого. Однако, сохраняя какие-то черты жития святого, в повесть о Филарете писатель включил детали, напоминающие его собственную жизнь.

Радищев призывает следовать добродетели, а так как добродетелью он считал содействие общественному благу, то понятно, что, даже зная о смертном приговоре, Радищев не отрекся от своих убеждений. Слова «зрю окрест меня» в повести напоминают посвящение А. М. К. «Путешествия», убежденность в бессмертии мысли — «Слово о Ломоносове» и т. д.

Смиренная фразеология не обманула опытного сыщика: Шешковский не передал повесть детям писателя. До нас она дошла среди бумаг следственного дела Радищева...

Приговор Уголовной палаты не являлся окончательным. Ведь Радищев был дворянином, и потому решение по его делу подлежало рассмотрению Сената и утверждению императрицы.

Второй департамент Сената (судебный) слушал дело автора «Путешествия» 31 июля и 1 августа. Четверо сенаторов рассмотрели приговор, уточнили род казни и «приказали: за сочинение им, Радищевым, упомянутой книги... о учинении ему смертной казни отсечением головы поднесть ея императорскому величеству всеподданнейший доклад».

Однако через неделю, 7 августа, приговор по делу Радищева был «переслушан», а 8 августа составлен новый доклад императрице. Почему? Неизвестно, но, может быть, отгадку в какой-то мере подскажут имена сенаторов, не присутствовавших на первых заседаниях и подписавших окончательный доклад Сената.

Не был на заседаниях князь С. А. Меншиков, окончивший Пажеский корпус в 1762 году и знавший Радищева. Отсутствовал поэт-вельможа А. В. Нарышкин, чье имение находилось рядом с поместьем Радищевых Немцово. Не участвовал в заседаниях Сената «за болезнью» Н. А. Муравьев — отец поэта М. Муравьева, дед декабристов. Правда, 8 августа, когда Сенат выработал окончательный текст доклада об авторе «преступной книги», Н. А. Муравьев поправился. Он «болел», видимо, до тех пор, пока не придумал удобной уловки для смягчения приговора. Человек, занимавшийся более двадцати лет судебными делами, Муравьев знал, что при умелом применении законов, указов и установлений, которых в российском законодательстве было огромное множество, можно найти лазейку для спасения обвиняемого.

Сенаторам, конечно, хорошо было известно, как восприняла государыня книгу Радищева и какого решения она ждет от них.

Они утвердили приговор Уголовной палаты, добавив, что дерзкому сочинителю надлежит «по силе воинского устава 20-го артикула отсечь голову». Однако «по точной силе» одного из указов Елизаветы Петровны до утверждения смертного приговора императрицей «надлежало бы учинить ему жестокое наказание кнутом». Но так как Радищев дворянин и телесным наказаниям не подлежит, следует его сослать «в тяжкую работу», но не в Кронштадт, как полагается по указу Екатерины, а в Нерчинск, «дабы таковым его

удалением отъять у него способ к подобным сему предприятиям».

Сенаторы понимали нелепость ссылки человека за тридевять земель накануне подписания приговора. Казнить в Нерчинске? Зачем? Мировича казнили в Петербурге, Пугачева — в Москве. А ведь Радищева Екатерина назвала «бунтовщиком хуже Пугачева».

Своим двусмысленным постановлением Сенат намеренно запутал дело. По существу сенаторы отменяли приговор Уголовной палаты, сохраняли писателю жизнь и подсказывали императрице характер окончательного решения.

Екатерина верно поняла смысл приговора Сената и обиделась. 11 августа Храповицкий записал в дневнике: «Доклад о Радищеве; с приметной чувствительностью приказано рассмотреть в совете...»

Совет при императорском дворе — не судебный орган. Но дело было передано туда потому, что решение Сената не удовлетворило Екатерину. Препровождая его, Безбородко в записке подчеркивал, что «тут выписаны все законы, кроме присяги, противу коей подсудимый преступником явился» и «что ее величество презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ее величества сказано».

В записке — два самых тяжких обвинения: нарушение присяги и «оскорбление величества»... А что Екатерина «презирает», говорилось и при расправе над Пугачевым и другими противниками режима.

* * *

Судьба Радищева волновала многих. Открыто говорить о нем в печати было, конечно, нельзя. Но в один из августовских дней петербуржцы могли прочесть следующие стихи:

Как царь ты наградишь заслуги;
Как матерь, призришь ты сирот;
Лишенные детей супруги
Воскреснут от твоих щедрот;
Освободишь ты заключенных,
Обогатишь ты разоренных,
Незлобных винных ты простишь...
Прострешь ты животворны длани
На тяжкий земледельцев труд;
Отпустишь неимущим дани,
Да нивы и луга цветут...

Эти строки написал Г. Р. Державин в «Оде на высочайшее в С.-Петербург прибытие к торжеству о мире с королем шведским императрицы Екатерины II 1790 года августа 15 дня».

Мир со Швецией был подписан 3 августа; 15 августа монархиня приехала из Царского Села в столицу, чтобы в церкви Рождества пресвятой богородицы торжественно объявить о мире и отслужить благодарственный молебен.

Этому событию и посвятил поэт оду, в которой призывал Екатерину простить «незлобных винных». Последние слова — не что иное, как поэтическая интерпретация радищевского утверждения на допросах: «виновен, но не по злому намерению». Державин внимательно следил за ходом дела Радищева. Благодаря Н. А. Львову — ближайшему помощнику Безбородко (а через Безбородко шли к императрице и от нее все материалы радищевского дела) — Державин был хорошо знаком с секретными материалами следствия и суда, знал о приговоре писателю. В бумагах поэта сохранились копии некоторых секретных документов процесса Радищева.

Оду Державин торопился написать к 19 августа, когда должен был заседать совет, и закончил ее 17-го. Но как издать ее?

18-го — воскресенье, неслужебный день. Державин разыскал своего знакомого советника Академии наук О. С. Шерпинского, который распорядился срочно напечатать оду. Но в типографии — одни сторожа. Отыскали фактора типографии, затем наборщика и печатника.

Работа продолжалась всю ночь. В понедельник утром триста экземпляров (почти весь тираж) Державин переслал во дворец Платону Зубову — молодому фавориту императрицы,— чтобы до заседания оду успели прочесть члены совета.

Совет рассмотрел решение Сената и, добавив к нему то, что требовала императрица в записке Безбородко, приговорил Радищева к наказанию, «законами предписанному».

Какого наказания заслуживает писатель, не сказано. Но за нарушение присяги и «оскорбление величества» законы предусматривали смертную казнь. Сама Екатерина в своем «Наказе» оставила смертную казнь только за эти два преступления, и именно против этих законов еще в 1777 году выступал драматург Я. Б. Княжнин.

21 августа выпустили из крепости Герасима Зотова, помилованного по случаю заключения мира. Но решение дела Радищева Екатерина оттягивала. Лишь 4 сентября она подписала указ о замене автору «Путешествия» смертной казни ссылкой в Илимский острог «на десятилетнее безысходное пребывание». Одновременно он лишался дворянского достоинства, чинов и ордена.

8 сентября состоялось торжественное празднество в честь мира со Швецией. В этот день статс-секретарь Храповицкий «у трона читал роспись милостям и награждениям монаршим». Награждены были приближенные ко двору вельможи и крупные военачальники.

Но то, к чему призывал Державин в своей оде, не нашло отражения в манифесте.

Солдаты получали лишь медаль, которую имели право носить на ленточке. Народ, вынесший основные тяготы войны, вообще ничего не получил по царскому манифесту. Не дано было ни пенсий, ни общей амнистии. Остались без пособий солдатские вдовы и матери погибших. Не были сняты недоимки. Не простила Екатерина и «незлобных винных», т. е. Радищева.

Десять лет ссылки в Илимск могли стать для Радищева пожизненным заключением: ведь ему уже шел пятый десяток. А пожизненное заключение, как писала сама государыня в параграфах 210 и 212 своего «Наказа», страшит преступника более, чем смерть.

В день празднования мира писателя привезли в губернское правление, где и объявили ему монарший указ. Тут же по инициативе ревностных чиновников Радищев «неведомо почему» был закован в кандалы (хотя в указе эта мера не предусматривалась). С какого-то сторожа или солдата сняли «гнусную нагольную шубу», набросили ее на «преступника» и повели его к кибитке. Лошади тронули...

В ССЫЛКЕ

„Я ТОТ ЖЕ, ЧТО И БЫЛ“

В Новгороде Радищева догнал курьер Брюса со специальной «Инструкцией конвою», которой предписывалось везти его «без оков» и «без употребления всякой строгости». Курьер был отправлен по приказу императрицы после вмешательства Воронцова, который доложил о самоуправстве губернских чиновников.

Не будет преувеличением сказать, что Воронцов помог сохранить жизнь писателю. Граф несомненно принадлежал к тем «великим отчинникам», о которых говорится в главе «Медное» «Путешествия». Он не сочувствовал выводам революционной книги и постоянно подчеркивал, что Радищев «сам причиною своего

бедствия», советовал его родным полагаться на бога и «на известное всему свету государынино милосердие». Но сам не стал ждать ни того, ни другого, а лично добился от Екатерины указа о снятии с Радищева кандалов, передал через тверского губернатора Г. М. Осипова деньги на одежду, обувь, пищу для ссыльного, просил Осипова облегчить по возможности дальнейший путь изгнанника: «Любил я его...» Теплые и смелые слова!

Помощь оказалась очень своевременной. 2 октября Осипов сообщил Воронцову: Радищева довезли до Москвы «весьма в слабом здоровье, так что, уповаю, до выздоровления пути он продолжать не может». Вскоре Радищев немного поправился, и тройка помчалась к Нижнему Новгороду. А курьеры Воронцова опережали ее и доставляли губернаторам письма вельможи с просьбой создать ссыльному писателю человеческие условия.

Едва оправившись от болезни, Радищев начал вести краткие «Записки путешествия в Сибирь». Их внешнее спокойствие не соответствует взволнованному тону писем, в которых он непрерывно вспоминает о своих четырех детях. В письме Воронцову Радищев признается: «Чувствительно больно было видеть на себе железы, но разлука с детьми моими есть для меня томная смерть».

Тревога за них несколько утихла только в Тобольске, куда писателя доставили в декабре 1790 года. Через три месяца сюда приехала Елизавета Васильевна с младшими детьми — Екатериной и Павлом. «Шаг, который я сделала, следуя за моим другом,— писала эта мужественная женщина Воронцову,— доказывает мою привязанность к нему, и нет такой опасности, которую я не пожелала бы разделить с ним».

«Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется»,— сообщает писатель своему покровителю.

О спокойной совести Радищева, ясном сознании всего происшедшего свидетельствует небольшое стихотворение, которое, по-видимому, является ответом на чей-то вопрос:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Всего семь строк! Но как много они говорят о несломленной воле борца, о верности прежним убеждениям.

В Тобольске Радищев встретился с Николаем Смирновым — одним из вероятных прототипов персонажей «Путешествия». Правда, из воспоминаний сына не очень ясно, когда произошла эта встреча: в 1791 или 1797 году.

Около семи месяцев Радищев пробыл в Тобольске,— может быть, потому, что разнесся слух о смягчении его судьбы, о чем, по свидетельству друзей и внуков писателя, ходатайствовал Потемкин. Но звезда самого Потемкина уже закатывалась: при дворе все большую силу приобретал молодой фаворит Платон Зубов, один из самых злобных врагов Радищева.

В конце июля 1791 года семья Радищева под охраной унтер-офицера и двух солдат отправилась в дорогу. 8 октября изгнанники приехали в Иркутск, где пришлось ожидать, пока станет Ангара. Санный путь длиной в пятьсот верст пролегал вниз по реке. А потом — сто десять верст через горы и леса.

ИЛИМСК

3 января 1792 года Радищев с семьей прибыл в Илимск. Писатель с такой неуемной силой жаждал деятельности, что уже 15 января начал работу над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», который стал крупнейшим произведением русской философской мысли XVIII века. Этот труд содержит также основополагающие эстетические идеи Радищева.

Радищев серьезно занимался воспитанием детей, оказавшихся в необычной обстановке, читал присланные Воронцовым книги, по его же просьбе написал трактат «Письмо о китайском торге». Живя в Сибири, он изучал ее быт, экономику, историю.

Интересен сохранившийся отрывок «Сокращенного повествования о приобретении Сибири». Говоря об истории покорения Сибири, Радищев дает замечательную оценку своеобразия русского национального характера, указывает на обстоятельства, которые помогли завоевать Сибирь, и подробно пишет о Ермаке. Избранный предводителем, Ермак сумел удержать власть, ибо обладал «многими из тех свойств, которые нужны были воинскому вождю, а паче вождю непорабощенных воинов». Образ Ермака явился для Радищева подтверждением давней мысли о том, что, перебив бесчеловечных господ, русский народ выдвинет из своей среды «великих мужей для заступления избитого племени». Так, даже в ссылке, писатель возвращался к думам о народе и его судьбе.

В Сибири Е. В. Рубановская, эта удивительная по душевной красоте, силе чувства, верности и мужеству женщина, стала гражданской женой Радищева. Оформленным по закону, однако, брак быть не мог: церковь подобные союзы запрещала. Поэтому Радищев

должен был скрывать происшедшее даже от Воронцова. В письмах к вельможе он неизменно называет Елизавету Васильевну «сестра».

Заключенный по взаимной любви брак был очень счастливым. В апреле 1792 года родилась дочь Анна, в январе 1795 года — Фекла, в сентябре 1796 года — сын Афанасий.

Много времени Радищев уделял литературному творчеству, писал стихи. К сожалению, до нас они дошли лишь в отрывках.

Вероятно, в Сибири создана им «Песнь историческая». Это произведение некоторые исследователи относят к последним годам жизни писателя, точнее к 1802 году, а либерально-буржуазные ученые, без достаточных на то оснований, говорят, будто «Песнь» свидетельствует о разочаровании Радищева в революции под влиянием якобинского террора, о «духовной трагедии» писателя и о его отказе от идей «Вольности» и «Путешествия», даже о его склонности к монархизму. Такой вывод делается потому, что в «Песне» Радищев среди выдающихся исторических деятелей приводит имена «добрых царей» — Тита, Траяна, Марка Аврелия и других.

Но ведь еще в «Письме к другу» он назвал Генриха IV добрым королем Франции.

А какие основания были у Радищева менять характеристику Тита, которого тысячу семьсот лет величали «любовью и украшением человеческого рода»? Гуманная философия Марка Аврелия, упомянутого еще в «Путешествии», была, видимо, приемлема для Радищева. Траяна же он хвалит за то, что тот не преследовал инакомыслящих, однако называет ослепленным славою, сладострастником и служителем Вакха. Характеристика, что и говорить, объективная.

Радищев настороженно относится к французской

революции. По опыту Америки он знал: нет подлинной свободы там, где не ликвидировано фактическое неравенство сословий и народностей. Во Франции оставались богатые и бедные, батраки и владельцы огромных латифундий. Он осудил преследование Марата в 1790 году. В ссылке же писатель мог следить за французскими событиями только по газетам, а европейские и русские издания на все лады расписывали «лютость» Робеспьера. Радищев и сопоставил жестокость римского диктатора Суллы с «лютостью» Робеспьера. Подобное сравнение могло возникнуть лишь в Сибири, в глубокой изоляции от людей, тем более что Робеспьера рисовали диктатором, а единоличная диктатура для Радищева всегда была неприемлема.

Как ни тяготили Радищева почти полное отсутствие средств (фактически он жил на то, что присылал Воронцов), отдаленность от старших детей, невозможность служить, он, вопреки уговорам Воронцова, отказался принести новую повинную и тем облегчить свою участь. Когда до Илимска дошло известие о смерти Екатерины II, Е. В. Рубановская собралась ехать в Петербург, чтобы ходатайствовать перед Павлом I об освобождении писателя.

На другой день после вступления на престол Павел, ненавидевший свою мать, сам затребовал сведения о поведении Радищева и указом от 23 ноября 1796 года приказал освободить его из Илимска, «а жить ему в своих деревнях».

Час преблаженный!
День вожделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы! —

повторяла семья экспромт отца.

На обратном пути в Тобольске скончалась верная подруга, спутница, воспитательница старших детей и мать трех малюток Елизавета Васильевна. «Потрясенный, переставший быть, так сказать, самим собою, вследствие роковой утраты... я продолжаю следовать за моими воспоминаниями, которые ведут меня по путям злосчастья...» — писал Радищев.

НЕМЦОВО

В ста пятнадцати верстах от Москвы, в Калужской губернии, находилось село Немцово, принадлежавшее отцу Радищева. Здесь позволил жить ссыльному сыну отец, ибо никаких «своих деревень», где бы он мог жить согласно указу императора, у писателя не было. Но жить здесь было скучно «и день ото дня скучнее, тому бы я сам не поверил, скучнее илимского»,— признавался Радищев в письме к брату Моисею.

Первое время на родине Радищев писал мало. «Эта страсть у меня прошла»,— говорит он в письме Воронцову.

Слова эти, видимо, не следует полностью принимать на веру. Они предназначались для полицейских чиновников, перлюстрировавших письма ссыльного. А о том, чтобы за перепиской Радищева велось неусыпное наблюдение, «позаботился» сам Павел I. Еще в марте 1797 года он повелел калужскому губернатору письма Радищева пересылать в конверте на имя московского почт-директора, которому дать знать, «чтоб он все те письма открывал и доставлял по подписям». Копии писем, а если «в числе оных найдутся подозрительные, тогда самые оригиналы» император приказал доставлять ему.

Радищев знал, что за его перепиской ведется контроль, и пользовался каждым удобным случаем,

чтобы переслать письмо не по почте, а с оказией. Если такой возможности не было, то изъяснялся он весьма осмотрительно, и в его письмах «не значилось ничего, что могло бы показаться неуместным, никогда такого в них и не будет»,— заверял Радищев Воронцова.

Только в октябре 1797 года радость ненадолго посетила убогий немцовский дом. Из Киева приехали повидаться с отцом Василий и Николай, служившие в армии. Радищев сперва не узнал их, и когда однажды вечером перед ним предстали два стройных молодых офицера, он подумал, что это гусары, которые часто оказывали ему «честь своим посещением».

Настойчиво добивался Радищев разрешения повидать своих родителей. «Болезнь и древние их лета побуждают опасаться, что недолго могут пользоваться благодеянием жизни. Я сам, хотя еще на пятидесятом году от рождения, не могу надеяться долголетнего продолжения дней моих, ибо горести и печали умалили силы естественные. Взглянув на меня, всяк сказать может, колико старость предварила мои лета»,— говорилось в его прошении Павлу I.

Император удовлетворил просьбу, и в марте 1798 года Радищев с детьми приехал в Верхнее Аблязово. Встреча со слепым отцом, проводившим дни в беседах с монахами, и разбитой параличом матерью была грустной. Николай Афанасьевич отказался признать младших внучат:

— Или ты татарин? — кричал он сыну, узнав о трех маленьких детях Елизаветы Васильевны.

Дело в том, что по тогдашним порядкам Анна, Фекла и Афанасий считались незаконными детьми. Они не могли носить фамилию отца, и дворяне в подобных случаях давали детям выдуманные или усеченные фамилии: так, например, сын князя Репнина именовался Пнин, Трубецкого — Бецкой и т. д.

Младшие дети Радищева получили его фамилию только потому, что родились в далеком Илимске. Священник там то ли был убежден, что Александр Николаевич — законный муж Елизаветы Васильевны, то ли выписал метрики за соответствующую мзду. После смерти самого писателя, по свидетельству его сына от первого брака Павла, «неукротимый дед хотел ехать в Петербург просить государя снять с них (младших внуков.— *Авт.*) эту фамилию», и лишь с большим трудом удалось удержать его от поездки.

Сторону старика приняли все родственники. Одна только мать писателя, Фекла Степановна, не согласилась с мужем. Она обняла и благословила внучат.

В Верхнем Аблязове Радищева мучила болезнь — перемежающаяся лихорадка. Время он проводил в кругу семьи и родственников.

В отцовской деревне писатель пробыл до января. Николай Афанасьевич решил разделить имения, а Радищев представлял интересы четырех детей от первого брака. Сам он, лишенный дворянства, не мог наследовать собственность отца, трое же младших детей писателя, как незаконные, вообще не имели никаких прав.

Из Аблязова Радищев уехал в январе 1799 года. Болезнь сына задержала его в Тамбове, в Немцово он вернулся только в марте. По пути он тайно встретился с Сергеем Яновым, жившим в ста шестидесяти верстах от Москвы.

В Немцове писатель с нетерпением ждал деньги, причитавшиеся на долю Елизаветы Васильевны от продажи дома в Петербурге. Еще в августе 1797 года в «Прибавлениях к „Санкт-Петербургским ведомостям"» было помещено объявление о том, что «в Московской части... в Преображенской улице продается каменный господ Радищевых дом с деревянною, довольно обширною и другой почти дом составляющею

пристройкою со всеми к дому принадлежащими службами и с фруктовым садом; также продается при нем довольно пространное место, на котором можно построить другой дом».

В объявлении Грязная улица носит уже другое название — Преображенская. Так она поименована и на плане Петербурга 1799 года.

Дом приобрел генерал-майор Дмитрий Корсаков. Хотя для Радищева сделка была невыгодной, но другого покупателя тогда не нашлось, а деньги нужны были срочно. Впрочем, судя по письмам Радищева, полной суммы он так и не получил.

Снова потекли тоскливые немцовские дни. Писатель вел уединенную жизнь, почти ни с кем не общался. Какие-то люди, встречи с которыми доставляли ему радость, все же были, но имена их изгнанник в письмах не называл, не желая навлечь на них неприятности. Он съездил в село Андреевское к Воронцову. Что-то связывало Радищева с Иваном Григорьевичем Самариным. Это имя установлено по дарственной надписи на книге «Феатр истинных происшествий», найденной известным библиофилом народным артистом РСФСР Н. П. Смирновым-Сокольским. Надпись гласит: «Истинному товарищу моего изгнания Самарину от всего сердца Ал. Радищев. 1800 г. В Боровске».

Боровск — уездный центр. Самарин — помещик этого уезда. Вот и все, что известно о человеке, которого Радищев многозначительно назвал товарищем своего изгнания.

Как и в илимской ссылке, в Немцове Радищев занимался естественными науками, не оставлял литературных занятий. Начал писать экономический трактат, шуточно названный им «Вот описание моего владения, поместия, вотчины или назови как хочешь».

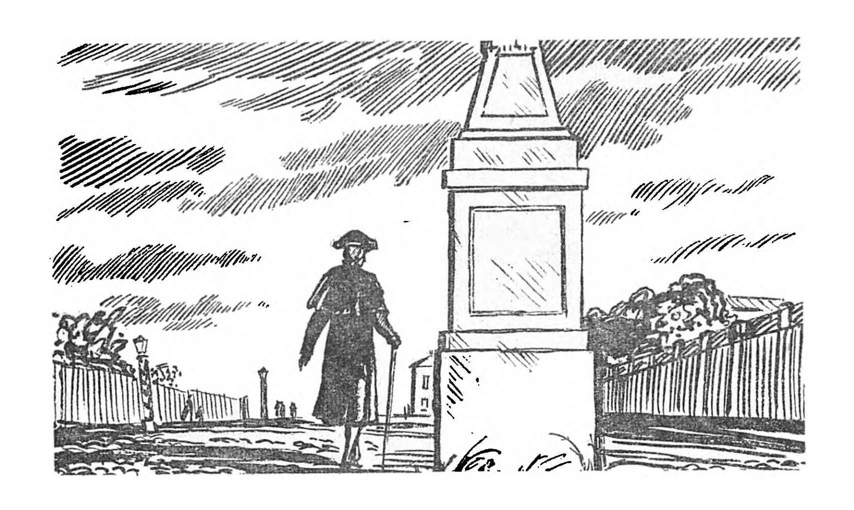
В основу этого труда легли его наблюдения за состоянием хозяйства в Аблязове и в Немцове.

«Описание моего владения» осталось незаконченным.

В деревне Радищев, по словам сына Николая, написал поэму «Бова» в двенадцати песнях, от которой до нас дошли план, вступление, первая глава. Напоминая о собственной судьбе, он говорит: властители готовы уничтожить каждого, «кто подумать смел, что дважды два четыре». И в шутке поэт остался верен себе. В «Бове» упоминается поэма С. Боброва «Таврида», опубликованная в 1798 году, автор которой высказал интересные соображения о стихосложении.

Проблемам стиха посвящен и «Памятник дактилохореическому витязю», начатый, видимо, в Немцове и завершенный в Петербурге.

Еще в сентябре 1800 года исполнилось десять лет, как Радищев был приговорен к ссылке. Срок наказания истек. Об этом писатель осторожно напомнил в прошении Павлу I и просил разрешения вернуться в Петербург.

„ПОТОМСТВО ОТМСТИТ ЗА МЕНЯ“

В ночь на 12 марта 1801 года император Павел I был задушен в своей спальне. На престол вступил Александр I, известивший всех, что его отец скончался от «апоплексического удара». Внук хорошо усвоил уроки своей августейшей бабки, которая по поводу убийства Петра III писала, что он умер от «геморроидической горячки».

15 марта молодой царь подписал указ об освобождении «пострадавших в предыдущие два царствования». К указу были приложены списки ссыльных, лишенных дворянства и чинов, заключенных в крепости, сосланных под надзор местного начальства. 31 марта Радищев узнал, что он «прощен... с возвращением чинов и дворянского достоинства, с дозволением иметь

пребывание, где пожелает». Писатель назвал Петербург.

Недолго длились сборы в дорогу. В Москве он забрал из пансиона младших дочерей и на перекладных помчался в столицу по так хорошо знакомому ему тракту.

Петербург мало изменился за минувшие годы. Достроили Исаакиевский собор. На месте Летнего дворца, где когда-то служил паж Радищев, возвышался Михайловский замок, возведенный по повелению Павла. Стрелка же Васильевского острова осталась почти такой, какой была одиннадцать лет назад. Биржу, о строительстве которой так много говорили раньше, все еще не завершили: она стояла в лесах. Рядом высились груды камней и лежали гранитные глыбы. Предполагали, что проект Биржи будет изменен, и работы здесь совсем прекратились.

Зато порадовало Радищева здание на углу Садовой улицы и Невской першпективы. Зодчий Егор Соколов возвел его для Публичной библиотеки.

...Шли дни, а жизнь своей семьи Радищев все еще не мог наладить. Не было даже постоянной квартиры. Нуждался в помощи сын Николай, оставивший армию. Не без содействия Воронцова его удалось устроить мелким чиновником в Комиссию составления законов, в которой служил сам писатель.

Радищевы почти нигде не бывали, разве что у графа Воронцова, дом которого, как и прежде, находился в Новой Исаакиевской улице (ныне улица Гоголя, участок дома № 14).

Однажды Радищев вместе со старшей дочерью Екатериной посетил институтскую подругу Е. В. Рубановской Г. И. Ржевскую (урожденную Алымову). Муж ее сенатор Ржевский имел в Петербурге несколько домов: на Мойке (участок домов № 84—86) и на углу

Фонтанки и нынешней улицы Чайковского. Видимо, сюда и привозил Радищев свою дочь. Об этом посещении известно из письма Екатерины Радищевой своей тетке Марии Николаевне Аблязовой. Грустное это письмо свидетельствует о том, что пензенские, калужские, московские и прочие родственники писателя не интересовались его жизнью и не утруждали себя перепиской с его семьей.

А он служил в комиссии, ездил по судам, банкам. Очень много времени отнимала тяжба с сенатором Козловым. Она тянулась уже более сорока лет и начата была еще бабушкой писателя. Спор шел о владении тремястами душ, число которых возросло к новой ревизии до семисот. По просьбе отца Радищев вынужден был заниматься этим запутанным вопросом. Приходилось также выполнять различные поручения и улаживать денежные дела сестры — Марии Николаевны.

17 августа, спустя одиннадцать дней после зачисления в комиссию, Радищеву сказали, что он должен сопровождать в Москву председателя этой комиссии графа Завадовского, назначенного также председателем комиссии по коронации. Вместе с отцом поехал в Москву и Николай Радищев.

После коронации, которая состоялась 15 сентября, писатель на три месяца задержался в Москве и, видимо, ездил в Немцово и к родным в Верхнее Аблязово. В Петербург он возвратился в декабре 1801 года.

С чувством огромной ответственности отнесся Радищев к своей новой службе. Имея превосходную юридическую подготовку, он посчитал необходимым снова глубоко изучить многочисленные труды, посвященные истории, теории и практике законодательств. За короткий срок он собрал содержательную библиотеку, в которой имелось сто тридцать книг по различным вопросам права, тексты законов ряда стран.

Однако вскоре ему пришлось убедиться в том, что среди членов комиссии и ее руководства он не встретит понимания.

Еще будучи наследником, Александр I поддерживал «Санкт-Петербургский журнал» А. Ф. Бестужева и И. П. Пнина, прогрессивное издание павловского времени. Он наметил для перевода «полезные книги», дабы «положить начало знания и просвещения умов», собирался, после вступления на престол, «образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию».

В рескрипте Завадовскому молодой император писал об устарелости и о бесплодности трудов комиссий, которые учреждались от Петра I до Павла I. Но он не созывал широко представительного собрания. Осторожный и лукавый, Александр I окружил себя составившими Негласный комитет «молодыми друзьями» (среди которых был П. А. Строганов, некогда увлекавшийся идеями французской революции) и служившими при Екатерине «стариками»; среди последних был А. Р. Воронцов, считавший необходимым расширить права Сената, близкие к нему П. В. Завадовский, Н. С. Мордвинов и последовательные «монаршисты». Эта половинчатость сказывалась на деятельности правительства.

Пока члены Негласного комитета и другие боролись между собой за личное влияние на императора, Радищев искал путей такого упорядочения законодательства, которое хотя бы минимально облегчило судьбу народа. На заседаниях комиссии он часто подавал «особое мнение». Из них наибольший интерес представляют мнения «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника» и «О ценах за людей убиенных».

Комиссия решала, сколько следует заплатить барину за неумышленно убитого крестьянина. *«Цена крови человеческой не может определена быть деньгами»,* — заявил Радищев. *«Какую цену можно определить за доверенного служителя... какой процент, если... убит тот, который рачил о своем господине в его младенчестве, в его отрочестве, в его юности. Какая ему цена или той, которая вскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать».*

Эти слова заставляют вспомнить главу «Медное», где рассказывалось о продаже с публичного торга старика, спасшего жизнь отца барина, старухи, вскормившей мать господина, их дочери — кормилицы самого барина.

Для членов комиссии крепостные являлись собственностью. Для Радищева крестьяне — люди, которых нельзя продавать ни живыми, ни мертвыми.

Из этого совершенно ясно, что писатель и в последние годы не отказался от прежних взглядов.

Как-то сослуживец Радищева Н. С. Ильинский спросил его:

— Что заставило вас написать такое сатирическое сочинение против правительства, как «Путешествие»?

Писатель ответил:

— Одна правда.

Впрочем, «он, как я приметил,— вспоминал Ильинский,— мыслей вольных и на все взирал с критикою. Когда рассматривали мы сенатские дела и писали заключения, соглашаясь с законами, он... не соглашаясь с нами, прилагал свое мнение, основываясь единственно на философском свободомыслии».

Дошедшие до нас сочинения Радищева по вопросам законодательства свидетельствуют, что он — вопреки мнению некоторых исследователей — ни от чего

не отрекся. Писатель считал необходимым при реформе законодательства учитывать особенности истории и современной жизни народов и народностей, характер труда, быта. Прежде чем составлять новые законы, надо изучить законодательство и предать гласности все злоупотребления. Помочь могут специальные ведомости. «Но еще бы больше можно узнать, если бы сыскался или житель столицы, или житель губернии, или путешествователь, довольно имеющий твердости духа, любящий отечество и правду, а сверх того, находяся в независимости в своей особенности, не имел нужды прослыть клеветником злоречивым и бояться мщения сильных, сделал бы картину преступающих в злоупотреблении власти».

Но ведь это же Радищев говорит о себе, о «Путешествии». Так от чего же он отказался? Да, он пользуется словами «Наказа» Екатерины II, говоря, что отягченная податями страна в конце концов останется без населения. Но он действительно и сам так думал. Он вновь выступил против увеличения количества бумажных денег. Спрашивал, «где на цензора можно приносить жалобы?». Считал устаревшей табель о рангах, полагал, что каждое сословие должно быть судимо «себе равными». Как и в «Вольности», он опирается на представление о том, что человек, уступая обществу часть естественных прав, должен требовать от общества «защиты и покрова». Если в «Путешествии» утверждалось «крестьянин в законе мертв», то теперь говорится: «Человек потолику есть лицо в смысле закона, поколику может одарен быть правом».

Радищев оставался верен себе даже в официальных документах.

Об этом свидетельствуют и его литературные труды последних лет. Еще в Немцове он начал работу над «Памятником дактило-хореическому витязю». «Па-

мятник» — остросатирическое художественное и одновременно научное произведение. Недаром Пушкин через тридцать пять лет после смерти Радищева, ознакомившись с «Памятником», писал: «Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения «Тилемахиды» замечательны».

Действительно, новатор по складу своего ума, «нововводитель» по отношению к действительности и к путям ее изменения, Радищев первым в России указал, что не только размер и рифмы, но и звуковые сочетания слов в соседних строках являются средством поэтической выразительности, придают красоту, плавность стихам. Эти выводы писатель сделал, изучая творчество Тредиаковского. Первые главы «Памятника» и представляют собой пародию на «Тилемахиду» Тредиаковского. Писатель перенес ее действие в современность, изменил имена персонажей. Теперь это не герои Древней Греции, а хорошо знакомые русскому читателю Простаковы, купившие мызу под Копорьем, в Петербургской губернии. Телемак, сын достославного Одиссея, заменен Фалалеем, младшим братом Митрофанушки. В «Тилемахиде» воспитанием Телемаха занимался Ментор. Фалалея обучает дядька Цымбалда. Этот горе-учитель исповедует педагогические и нравственно-эстетические идеи последователей Карамзина, воспевавших «чувственное учение», беседы учителя с учеником на лоне идиллической сельской жизни. В образе Цымбалды Радищев зло высмеивает либеральных идеологов крепостничества, изображавших жестокую русскую действительность в умилительных, розовых красках.

Такова одна часть «Памятника». В ней содержится также замаскированная критика политики самодержавия, усилившего закабаление крестьянства.

Другая часть радищевского труда, как уже говорилось, является литературно-теоретической. В ней писатель говорит о путях развития русского стиха. Он выступает против устаревшей панегирической поэзии, низкопробной литературы и далекой от общественных интересов «сладкогласной» поэзии, к которой тяготели карамзинисты.

«Молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы, нежели разрушения мира, всеобщий пожар натуры и прочее в этом роде»,— учил Н. М. Карамзин.

Радищев сам писал о любви, дружбе и красотах природы. Но ограничивать поэзию этими темами он не хотел. «Памятник», законченный в 1801 году, повторял и развивал ряд литературно-теоретических положений, высказанных еще в «Путешествии». Эти теоретические взгляды подтверждаются и поэтической практикой Радищева.

Так, белым стихом написана поэма «Бова», в основу которой положена сказка о Бове-королевиче.

Блестящим примером использования различных стихотворных размеров в одном произведении является незаконченная поэма «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам». Открывается она эпиграфом из «Слова о полку Игореве», напечатанного впервые в 1800 году. Это позволяет установить приблизительно время работы над поэмой.

В «Песнях, петых на состязаниях» — в основе не сказка, как в «Бове», а легендарные времена русской истории. В поэме широко используется и славянская мифология. Повествуя о героической борьбе новгородцев — символе свободолюбия для Радищева и Княжни-

на, а позднее для декабристов,— поэт предсказывает будущее могущество славян:

О народ, народ преславный!
Твои поздные потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным.
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже...

Историческим оптимизмом проникнуто и написанное, вероятно, в 1801 году «Осьмнадцатое столетие». Стихотворение поражает емкостью характеристики столетия, которое «безумно и мудро» (на такую изумительную по диалектике характеристику был способен только Радищев). Оно уходит, «омоченно в крови»,

Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму.

Воистину удивительны вера в прогресс человека, перенесшего столько невзгод, его оптимизм, не сломленный суровым временем.

Из последних сил писатель старался обеспечить материальный достаток в семье и будущее детей. Но имение, владельцем которого Радищев стал под конец жизни, приносило лишь убытки. Он написал прошение Александру I, чтобы казна купила это имение: «Конечно, возможно бы было найти покупщика к моему имению, но я отвлечен всегда был от того тою мыслию, чтобы, доставшися в другие руки, состояние крестьян моих не сделалося хуже».

Подать это прошение он не успел.

А заимодавцы требовали возврата долгов. Росли проценты. Сдавало слабое смолоду и вконец подорванное пережитым здоровье. Мучило отсутствие постоян-

ного жилья. После месячной болезни Радищев писал родителям 18 августа 1802 года: «Я здесь переезжаю с квартиры на квартиру. Худо не иметь своего дома. Теперь я живу в Семеновском полку в прежней 4-й роте в доме купецкой жены Лавровой № 606 четвертого квартала Московской части» (ныне участок дома № 15 по Можайской улице).

Как-то, узнав, что Радищев в Петербурге, пришел к нему Степан Андреев, за которого некогда писатель пытался безуспешно бороться. Он рассказал, что в середине 1790-х годов в Казани было совершено убийство. Преступника схватили, и он покаялся в многочисленных злодеяниях, в том числе в убийстве, совершенном в доме Андреева в 1787 году. Только тогда бывшего досмотрщика таможни освободили с каторги, вернули чины и дворянство. Теперь же он явился, чтобы поблагодарить Радищева за прошлое, за «заступничество, хотя и бесполезное».

В дом купчихи Лавровой, как в другие квартиры последних лет жизни Радищева, приходили молодые люди. Они с волнением слушали писателя, хотя, по словам сына, он «был не совсем красноречив, но все, что он говорил, было хорошо обдумано и оставалось в памяти».

Из посетителей сыновья называют А. П. Брежинского, И. П. Бородавицына, И. П. Пнина, В. Н. Каразина. О первых двух почти ничего не известно.

Иван Петрович Пнин — внебрачный сын генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина, видного военачальника и богатейшего вельможи. Пнин написал трактат «Вопль невинности, отвергаемой законами», в котором горячо протестовал против участи себе подобных людей, а также, обращаясь к монарху, говорил о необходимости ограничения власти помещиков над

крепостными. Пнин не являлся прямым последователем Радищева, но он старался воспринять от учителя то, что считал возможным.

В. Н. Каразин в начале века слыл восторженной высокоблагородной личностью и был любимцем Александра I. Зная, что вступающие на престол монархи любят подвергать критике предыдущих царей, Каразин играл беспроигрышно, умоляя Александра употребить «самовластие на обуздание самовластия». Каразин сумел втереться в доверие и к Радищеву, брал его юридические проекты, обещал показать их «высокой особе», выпрашивал радищевские бумаги у сыновей писателя и не возвращал их.

«Кажется, что идеи Радищева не согласовались с его мыслями»,— заметил Павел Радищев.

Идеи великого революционера были бесспорно чужды Каразину, который осуждал учение Мабли и его последователей — «учеников вольности» в России, а в 1820-е годы «прославился» доносами на А. С. Пушкина. Он лгал, говоря о потере бумаг Радищева, ибо показывал их П. А. Строганову в 1803 году, а через тридцать лет какие-то случайные отрывки дарил М. П. Погодину.

Больной, истерзанный заимодавцами, окруженный лицемерами типа Каразина или бездушными чиновниками, теряя надежду найти общий язык даже с Воронцовым, которого вполне удовлетворял показной либерализм первых лет александровского царствования, Радищев увидел, что и минимальным его чаяниям не суждено осуществиться.

Изданные 8 сентября 1802 года указы о правах Сената и об учреждении министерств подвели итог преобразованиям, о которых так многообещающе заявлял Александр I. Император быстро охладел к реформам и нововведениям.

Быть просто чиновником или придворным поэтом Радищев не умел и не хотел.

Нравственная удрученность усугублялась постоянным физическим недомоганием. 1 сентября 1802 года Радищев слег. Пережитое и переживаемое стало особенно тягостным.

Просветительская философия XVIII века утверждала право на самоубийство как форму протеста.

«Если ненавистное счастие истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда воспомни, что ты человек... Умри»,— напутствовал в «Путешествии» крестицкий дворянин отъезжающих сыновей.

В воспаленном мозгу билась эта мысль.

Утром 11 сентября Радищев принял лекарство, а затем вдруг взял приготовленный сыном для чистки эполет стакан с «крепкой водкой» (т. е. азотной кислотой) и разом выпил. В ту же минуту, видимо от нестерпимой боли, схватил бритву, чтобы зарезаться.

— Я буду долго мучиться,— сказал он сыну, вырвавшему бритву.

Действительно, агония продолжалась целый день. Врачи не помогли.

Бессильным оказалось и искусство императорского лейб-медика Виллие. Он попытался выяснить причину самоубийства. Но страдалец отвечал бессвязно.

— Видно, что этот человек был очень несчастлив,— заметил Виллие, уходя.

В первом часу (в ночь на 12 сентября) мучения кончились...

Как самоубийцу его должны были похоронить вне кладбища, в местах «для зарывания тел, лишенных погребения». Но сын писателя Николай Александрович сообщил комиссии: «Сего 1802 г. сентября 12 дня,

родитель мой, оной Комиссии член, кол. сов. и кавалер Александр Николаевич Радищев волею божиею скончался...»

И в журнале комиссии появилась запись: «...Александр Радищев, сего сентября 12-го дня, быв болен, умре». Детям Радищева удалось скрыть причину смерти и получить разрешение на похороны.

Похороны состоялись 13 сентября на Волковом (Волковском) кладбище. В ведомости кладбищенской церкви Воскресения Христова в этот день была внесена запись о том, что «коллегский советник Александр Николаевич Радищев» умер «чахоткою».

Попытки найти его могилу остались пока безрезультатными.

О младших детях Радищева позаботились друзья. Старый наставник Август Вицман взял на воспитание до определения в Кадетский корпус шестилетнего Афанасия. Ржевская и Воронцов устроили Анну и Феклу в Смольный институт.

Для Екатерины Александровны выхлопотали у правительства пожизненную пенсию.

Старшие сыновья вернулись к службе.

* * *

Трагическая смерть великого мыслителя вызвала сочувственные отклики прогрессивной части русского общества. Пнин и Борн написали стихи, посвященные Радищеву. Его книгу передавали из рук в руки, переписывали, читали будущие члены тайных обществ — декабристы, подлинные наследники идей несгибаемого революционера. Ее знали Грибоедов и Пушкин.

«Путешествие» издал в Лондоне Герцен. «Это наши мечты, мечты декабристов... Как же может память

этого страдальца не быть близка нашему сердцу»,— указывал он. Идеи Радищева были подхвачены и развиты Белинским, Чернышевским, Добролюбовым.

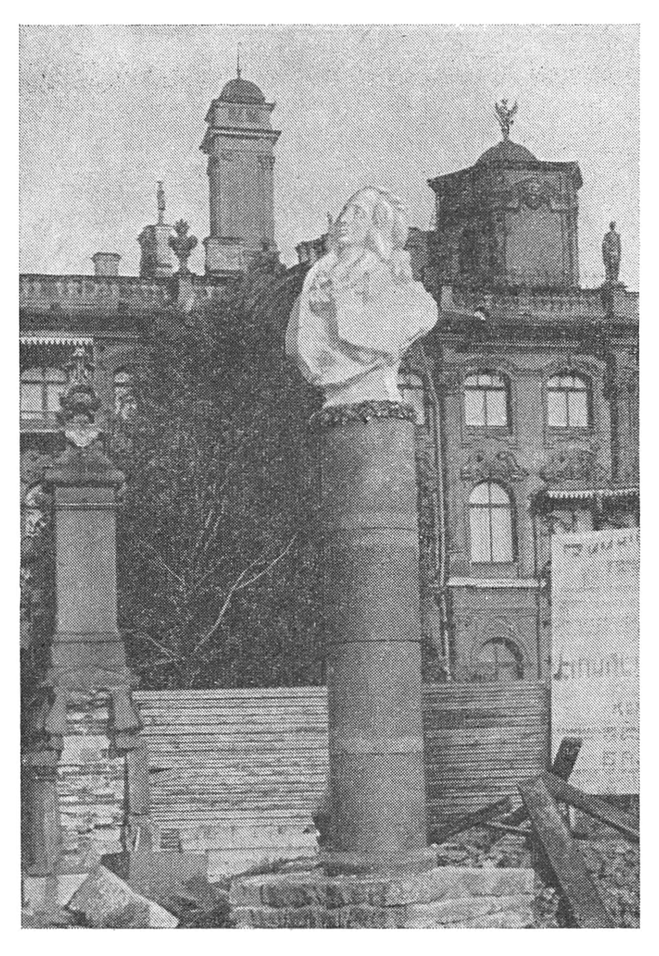
Сила писателя-революционера в том, что он гораздо менее утопичен, чем, казалось, должен был бы быть по времени. Он верил в наступление неизбежного, но далекого дня свободы. Сознавал его отдаленность с болью, горечью, тоской. «О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих». Однако уверенность была безоговорочной. «Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»,— пророчески восклицал Радищев в «Путешествии». «Потомство отмстит за меня»,— писал он незадолго до смерти.

Радищев навсегда вошел в историю отечественной литературы и философии. Его именем непосредственно открывается история русского революционного движения.

В апреле 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР о памятниках республики. На основании этого декрета 2 августа того же года в «Известиях» за подписью В. И. Ленина был опубликован «Список лиц, коим предположено поставить монументы в Москве и других городах РСФСР». Первый памятник, который поставила Советская власть великому деятелю прошлого,— памятник автору «Путешествия из Петербурга в Москву».

Временный памятник А. Н. Радищеву работы Л. Шервуда был установлен у Зимнего дворца в Петрограде (по предложению В. И. Ленина скульптор для Москвы изготовил второй бюст Радищева).

В речи на торжественном открытии памятника 22 сентября 1918 года нарком просвещения А. В. Луначарский говорил о Радищеве:

Памятник А. Н. Радищеву работы скульптора Л. В. Шервуда у Зимнего дворца. 1918 г.

«Революция звала его своим гремящим голосом, и — верный сын и ученик ее — он ответил...

Екатерина была права, когда она всполошилась. Екатерина была права, признав Радищева мятежником. Он был им, и в том его немеркнущая слава.

Нет, то был не только гуманист, потрясенный жертвами крепостного права... то был революционер с головы до ног, в сердце своем носивший эхо мятежного и победоносного Парижа. Не от милости царей ждал он спасения, а «от самого излишества угнетения», т. е. от восстания. В своей яркой книге, которую и сейчас читаешь с волнением, он не только то бичуя, то рыдая, то издеваясь рисует нам мрак помещичьей и чиновничьей России, он замахивается выше, он прямо грозит самодержавию, он зовет к борьбе с ним всяким оружием и радуется плахе для царей...

Вы видите, товарищи, мы заставили для Радищева потесниться Зимний дворец, былое жилище царей. Вы видите, памятник поставлен в бреши, проломанной в ограде дворцового сада... Памятнику первого пророка и мученика революции не стыдно будет стоять здесь, словно стражу у Зимнего дворца, ибо мы превращаем его во дворец народа...

Пока мы ставим памятник временный.

Наш вождь Владимир Ильич Ленин подал нам эту мысль: «Ставьте как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры».

В исполнение этого плана мы и ставим здесь первый памятник нашей серии монументальной пропаганды...

Товарищи! Пусть искра великого огня, который горел в сердце Радищева и отсвет которого ярко освещает вдохновенное лицо его, упадет в сердце каждому из вас...»

Советский народ свято чтит память А. Н. Радищева. Произведения писателя-революционера печатаются многотысячными тиражами не только на русском, но и на других языках народов СССР. Глубоко и всесторонне изучается его творчество. Восстанавливается подлинный текст сочинений писателя, вводятся в научный обиход и становятся достоянием широких масс новые, неизвестные ранее факты его биографии и творчества. Из печати вышли два научных издания сочинений Радищева (готовятся еще два), а великая книга «Путешествие из Петербурга в Москву» выдержала десятки научно-популярных и массовых изданий. Огромный интерес вызывают выходящие большими тиражами научные и научно-популярные работы советских исследователей о жизни и деятельности А. Н. Радищева.

Свидетельством величайшей любви и уважения к писателю является то, что во многих городах и населенных пунктах его именем названы улицы и площади. Нескончаем поток посетителей в мемориальных музеях писателя. Его имя с признательностью произносят во всех уголках нашей великой страны.

АДРЕСНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Здесь жил А. Н. Радищев

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
28 июня 1763—23 сентября 1766	Зимний деревянный дворец. Невская першпектива	Невский проспект, участок домов 11—15	Не сохранился
Конец 1775—начало 1780-х (?)	Дом А. П. Рубановской. Песочная улица, напротив Егерского двора	Улица Марата, 14 (в глубине двора)	Не сохранился
Начало 1780-х (?) — 30 июня 1790	Дом А. Н. Радищева и его свояченицы. Грязная улица, приход церкви Знамения	Улица Марата, 14	Сохранился в перестроенном виде. Отмечен мемориальной доской
Лето 1788—30 июня 1790	Дача А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (б. «Фридрихсова дача»). Петровский остров	Петровский проспект, участок домов 1—7/2	Не сохранилась
30 июня 1790—8 сентября 1790	Секретная тюрьма. Алексеевский равелин (?) Петропавловской крепости	Петропавловская крепость	Не сохранилась
Август 1801, декабрь 1801 — август 1802	Слобода Семеновского полка. Адрес не установлен	Район между Звенигородской улицей и Московским проспектом	
Август 1802—11 сентября 1802	Дом № 606 купецкой жены Лавровой, 4-й квартал Московской части. Бывшая 4-я рота Семеновского полка	Можайская улица, участок дома 15	Не сохранился

Здесь служил А. Н. Радищев

Годы	Название учреждения	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
1763—1766, летние месяцы	Пажеский корпус	Третий деревянный Летний дворец. Царицын луг	Садовая улица, 2	Сломан. На этом месте выстроен Михайловский замок
1763—1766, зимние месяцы	Пажеский корпус	Зимний дворец	Дворцовая набережная, 38	Сохранился в перестроенном виде
9 декабря 1771—16 мая 1773	Первый департамент правительствующего Сената	Петровская площадь. Сенат	Площадь Декабристов, 1	Перестроен в 1780-е годы, в XIX веке реконструирован
22 мая 1773—31 марта 1775	Штаб Финляндской дивизии	Адрес неизвестен		

Годы	Название учреждения	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
22 декабря 1777—30 июня 1790	Коммерц-коллегия	Здание Двенадцати коллегий. Коллегская площадь	Университетская набережная, 7	Сохранилось в перестроенном виде
1780—1790	Казенная палата Санкт-Петербургского губернского правления	Казенные 4 дома присутственных мест. Большая Мещанская и Конная улицы	Улица Плеханова, участок дома 27; переулок Гривцова, участок домов 10—12	Не сохранились
	Таможня. Портовый Гостиный двор. Пакгаузы. Биржа	Санкт-Петербургский порт. Северный берег Стрелки Васильевского острова	Набережная Макарова, участок домов 2—8; Тифлисская, 1; Биржевая линия, участок домов 1—3	Не сохранились
	Пеньковые склады	Тучков буян	Большой проспект Петроградской стороны, 1-а	Перестроены
	Гильдейский дом	Против площади Гостиного двора	Думская улица, 1	Перестроен
Август 1801 — сентябрь 1802	Комиссия составления законов	Сенатская площадь, здание Сената	Площадь Декабристов, 1	Реконструировано в XIX веке

ЛИТЕРАТУРА

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.—Л., т. 1, 1938; т. 2, 1941; т. 3, 1952.

Радищев А. Н. Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия, 2-е изд. Л., 1975.

Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.— Л., 1966.

Бабкин Д. С. Процесс Радищева. М.—Л., 1952.

Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность.— В кн.: «Путешествие из Петербурга в Москву», т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». «Academia», 1935.

Барсков Я. Л. А. Н. Радищев — «Торжок».— В кн.: «XVIII век», сб. 2. М. — Л., 1940.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952.

Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева.— В сб.: Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950.

Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М. — Л., 1959.

Божерянов И. Н. Невский проспект. Спб., 1903.

Бунин М. С. Стрелка Васильевского острова. М.—Л., 1957.

Георги И. Г. Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Спб., 1794.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театральные здания в Санкт-Петербурге XVIII столетии.— «Старые годы», 1910, № 2 и 3.

Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. Спб., 1901.

Западов В. А. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием».— «Русская литература», 1970, № 2.

Западов В. А. Державин и Радищев.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1965, № 6.

Канн П. Я. Стрелка Васильевского острова. Л., 1973.

Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века. М., 1965.

Корольков М. Поручик Федор Кречетов. «Былое», вып. IV, 1906.

Кулакова Л. И. А. Н. Радищев, Л., 1949.

Кулакова Л. И. К вопросу о тексте оды «Вольность». — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 15, вып. 2, 1956.
Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели».— В сб.: «Радищев. Статьи и материалы». Изд. ЛГУ, 1950.
Кулакова Л. И. Из истории создания и судьбы великой книги. (Новые материалы о Радищеве.) — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена. Факультет языка и литературы», т. 18, вып. 5, 1956.
Кулакова Л. И. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1972.
Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974.
Курбатов В. Я. Петербург. Спб., 1913.
Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века, т. 1—2. М., 1952—1953.
Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.
Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского корпуса. Киев, 1876.
Очерки истории Ленинграда, т. 1. М.—Л., 1955.
Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской.— «Русский архив», 1871, кн. 1.
Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. 1703—1782. Спб., 1885.
Пыляев М. И. Старый Петербург. Спб., 1903.
Рейсер С. А. Дворцовая набережная, 4.— «Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской», т. 4. 1958.
Светлов Л. Б. Александр Николаевич Радищев. М., 1958.
Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923.
Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева.— В сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.— Л., 1936.
Старцев А. И. Университетские годы Радищева. М., 1956.
Старцев А. И. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960.
Татаринцев А. Г. Вокруг Радищева.— «Русская литература», 1967, № 1.
Татаринцев А. Г. Реальность и вымысел в «Путешествии из Петербурга в Москву».— «Филологические науки», 1971, №4.
Ульянский А. И. Радищев в Петербурге. Памятные места. Л., 1939.

Челищев Н. А. Сборник материалов для истории рода Челищевых. Спб., 1893.
Чулков Н. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века.— В сб. Литературное наследство. М., 1933, № 9—10.
Шторм Г. Страницы морской славы. М., 1954.

* * *

ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 7, дд. 2043 и 2679; ф. 19, дд. 24 и 286; ф. 249 и др.
ЦГИА (Центральный государственный исторический архив), Ф. 406, д. 106; Ф. 466, дд. 93, 106, 125; Ф. 1329, дд. 107 и 118; ф. 132а, д. 115; ф. 796, д. 290/45 и др.
ЛГИА (Ленинградский государственный исторический архив), ф. 19; ф. 1371, д. 2 и др.
АЛОИИ АН СССР (Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР), собр. Воронцовых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любовь Ивановна Кулакова,
Ефим Григорьевич Салита,
Владимир Александрович Западов

РАДИЩЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Редактор Э. Ф. Кузнецова
Художник А. Д. Рейпольский
Художественный редактор И. З. Семенцов
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор В. Д. Чаленко

Сдано в набор 16/X 1975 г. Подписано к печати 26/III 1976 г. М-29099. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 12,60+вкл. Уч.-изд. л. 11,89+0,05=11,94. Тираж 50 000 экз. Заказ № 340. Цена 85 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57